

СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1983

КАК ПОМОЧЬ ТАЛАНТУ

Конкурс одного стихотворения
«Земля моя — судьба моя»

ЛАДОНЬ РОССИИ

Анатолий КРАВЧЕНКО,
инженер, г. Батайск
Ростовской обл.

Большое слово

От слова «Родина», поверь,
Нет уменьшительных словечек.
Такого склада слово «твердь».
Такого склада слово «вечность».

Оно в объятьях падежей
Лишь звонче, ласковей и шире:
«Заря над Родиной моей»,
«Что Родины прекрасней в мире?».

Оно, как гордая скала,
Навстречу шторму грудью встало.
Не уменьшаются слова:
«Отчизна», «Родина», «Держава».

Валерий ШЕВЧЕНКО,
инженер, г. Дмитров
Московской обл.

Новостройка

Кран высокий всегда
Новостройку укажет —
У родного гнезда,
Словно аист, на страже.
Погружаясь, как в сон,
В неподвижные ночи,
Набирает бетон
Под опалубкой прочность.
Здесь работа в ладу
И с дождем и с порошей.
Здесь большую бадью
Называют «галошей».
Здесь прораб колдовал
По утрам с чертежами,
Чтоб сроднить котлован
Навсегда с этажами.

Владимир ХОХЛОВ,
шофер, Москва

Просыпал ветер дождь над речкой,
Понес к востоку облака.
А я сижу у русской печки
И вижу, как горят века...
Мне тайное открыла память.
Все сущее сковала боль.
Мой прадед никогда не встанет
И не войдет в мою юдоль.
Поет огонь. Из тьмы годов
Глядят родимые глаза.
Идет война. Гремит гроза.
Россия, на твою ладонь
Упала горькая слеза.

Борис ПОПОВ,
электрик, Магнитогорск

Гончар

Опять гончарный круг передо мной...
И к влажной глине простирая руки,
я продолжаю старый миф земной,
веду рассказ о радости и муке.
И вглядываясь в тьму,
мерцанье, блеск
наполненного жизнью мироздания —
я сам себе и автор, и создатель,
метафора, гипербола, гротеск!

Николай ИЛЬИН
капитан 2-го ранга, Ленинград

От пирса теплою тропой
Спешу к заветному заречью.
Навстречу — тополя толпой,
И день озвучен птичьей речью.
Дороже и важней вдвойне
Любая трель родной природы,
Когда в морях лицом к волне
Живешь под марши непогоды.
Тревоги обострили слух,
Дежурства выверили зренья.
...С высоких верб слетает пух,
В его полете слышу пенья.
Не задымлю красоты дня
Своим костром, как раньше было.
Да, море здорово меня
За годы странствий изменило.
Через причал и корабли,
Через моря и захолустья
Проверку и отбор прошли
Мои заботы, сны и чувства.
Ветрами вахт моя судьба
Была провеяна, как жито.
Стараюсь жизнь прожить открыто,
Как на селе живет изба.

Николай ЗИНОВЬЕВ,
маляр, г. Кореновск
Краснодарского края

Рассвет в лесу

В этот час обнажены
Души всех осин и вязов,
Ясно видимые глазом
В свете хрупкой тишины.
Зацветает трын-трава,
Веет сказкой, как прохладой.
Слов, пожалуйста, не надо —
Ни к чему сейчас слова.
Пусть сквозная тишь волной
Меж стволами заструится,
Давней связью обнажится
Меж деревьями и мной.

Александр ЯРАНЦЕВ,
журналист, Томск

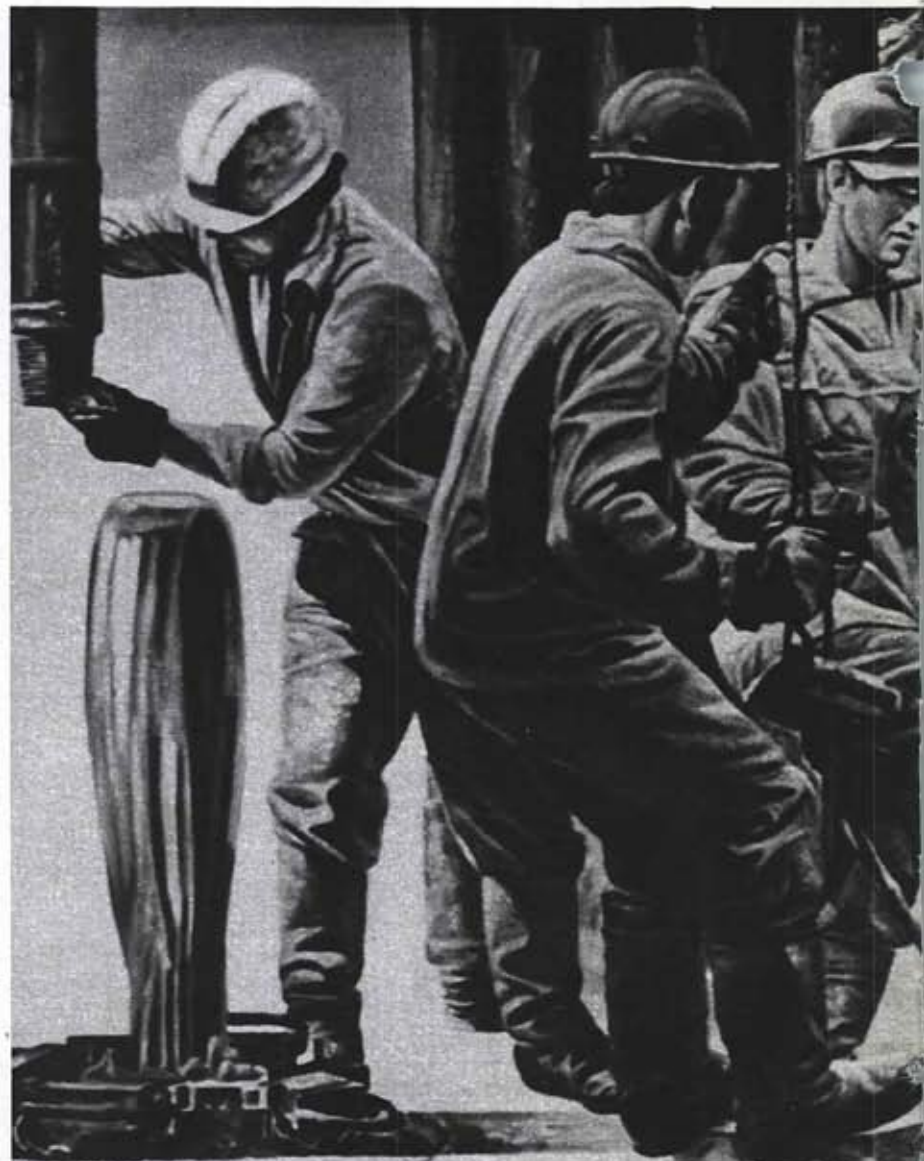
Карaulное помещение,
Мерцающее освещение.
Запах хлеба, шинелей, карболки.
Побелела за лето
моя гимнастерка.

Сапоги порыжели,
стал серьезнее взгляд,
Боевые патроны в подсумке лежат.
Стынет чай на столе,
кипятиться устал,
лейтенант, как поэму,
читает устав.

На колючих шинелях,
на вытертых нарах,
как нам спится под дождик
с соседом на пару!
Скоро будет «подъем»,
через час — на посты.
А пока, словно выстрел,
короткие сны
Да рассвета малиновый кант...
Нам по двадцать.
На год старше нас
лейтенант.

СМЕНИ ИД

Член ЦК КПСС
первый секретарь
Чечено-Ингушского
обкома партии
Александр
Владимирович
ВЛАСОВ
отвечает
на вопросы «Смены»

ВЫЯМЫ ТМ ДАЛЫМЕ

Время работает на молодость. Так оно и должно быть. Важно лишь быть уверенными в том, что на смену нам идут люди, которые ни в чем не поступятся знаменем Октября, идеями Ленина, которые хорошо, досконально знают свое дело.

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР
Ю. В. АНДРОПОВА
на встрече в ЦК КПСС с ветеранами партии.

— Александр Владимирович, вы много лет отдали комсомольской работе и в сельском районе и в условиях большого сибирского города. И сегодня, являясь партийным руководителем одной из наших автономных республик, вы не жалеете ни сил, ни времени, когда речь заходит о молодежи. Я слышал, что у вас есть дневник, в который вы записываете свои наблюдения и размышления, касающиеся этой темы. В связи с этим, Александр Владимирович, хотелось бы узнать, чем дорог вам наш молодой современник? Какие характерные черты его вы хотели бы выделить как особенно ценные и привлекательные?

— Вы упомянули о дневнике, и я должен сразу уточнить: слишком громко сказано про обычный блокнот-еженедельник, в котором я расписываю свой каждый рабочий день. Конечно, есть в нем и кое-какие личные размышления, пометки на память. Без них не обойтись, если, например, предстоит выступать на республиканском комсомольском активе. К нему нужно обстоятельно подготовиться, и, заглянув в дневник, я могу уже быть в курсе тех проблем, о которых там пойдет речь. И в ходе конференции или заседания, слушая молодых ораторов, стремлюсь подмечать в их характере самое основное и делать короткие пометки в блокноте.

Александр Владимирович достает толстую записную книжку в бежевом переплете и, полистав ее, продолжает:

— Вот одна из таких записей, сделанных во время встречи с молодыми командирами производства: «Говорит коротко и убедительно. По всему видно — с материалом знаком не понаслышке». Или другая пометка: «Слишком прямолинейен и горяч. Предпочитает не аргументы, а пафос». Эти наблюдения рано или поздно обязательно пригодятся. Они дадут возможность лучше разобраться в человеке, который со временем может претендовать на руководящую должность. Тогда и произойдет отдача от этого дневника. Встретившись снова с «соискателем», непременно вспомнишь: «Этот и в прошлый раз выступал ярко, запомнился своей деловитостью и принципиальностью. А этот и тогда приберегал свое мнение, ждал, пока выскажутся остальные». Сколько бы времени ни прошло, а к такому человеку всегда будешь присматриваться настороженно. Ибо конъюнктурщики больше чем кто бы то ни было способны разрушать морально-психологический климат коллектива. К счастью, у нас среди молодежи таких «индивидуумов» не очень много. Гораздо больше людей принципиальных, взыскательных, трудолюбивых, готовых на самопожертвование во имя великой идеи.

— То есть вот эти качества — принципиальность, самоотверженность, честное отношение к своим обязанностям вы и цените больше всего в молодом человеке?..

М. С. ОМЫШ-КУЗНЕЦОВ.
БРИГАДА.

— Не только. Разве не должны быть присущи сформировавшемуся характеру современного молодого человека увлеченность жизнью, стремление к преобразованию и усовершенствованию мира, тяга к знаниям? Разве может быть наш молодой современник не интеллигентным, не общительным, с чертовой, неотзывчивой на чужую боль душой?

— Александр Владимирович, нет ли в портрете, который вы только что нарисовали, элемента некоторой идеализации? Сегодня, согласитесь, нередко можно услышать мнение, что в отношениях между людьми превалирует рационализм, что душевность и сопереживания уступают место прагматизму, а такие черты характера, как романтизм, благородство, и вовсе признаются старомодными...

— Подобные рассуждения принадлежат, как правило, людям, стоящим в стороне от подлинной жизни. Вспомним снова подвиг строителей Байкало-Амурской магистрали. Что вело этих ребят, когда из торжественного, залитого светом Кремлевского Дворца съездов они уезжали в необжитую Сибирь? Откровенный скептик, проповедующий рационализм, не задумываясь, ответит: «Поехали за длинным рублем». Ему, этому скептику, и в голову не придет, что в далекие и суровые края его сверстников позвала потребность в подвиге, унаследованная от отцов и матерей.

Как сибиряк, большую часть жизни проведенной за Уральским хребтом, в Якутии, могу с полной ответственностью заявить: там, где трудно, где порой не выдерживает и сталь самой крутой закалки, вы никогда не встретите ноющего скептика. Скептик останется в уютной квартире и, пользуясь всеми благами общества, будет монотонно рассуждать о том, что, дескать, мода на романтиков и героев нынче прошла. А вот обыкновенные ребята и девушки с комсомольскими значками на груди, не думая о том, что совершают подвиг, без громких слов и лозунгов будут тянуть через болота и леса трансконтинентальный газопровод, крушить неприступные скалы на пути железнодорожной магистрали, ставить опоры для линий электропередач на такой высоте, что даже облака окажутся им по пояс...

— Александр Владимирович, не удивит ли нас иной читатель за эти, ставшие уже классическими, примеры молодежного, комсомольского героизма: БАМ, Тюмень...

— А разве только на БАМе или в Тюмени можно встретить сегодня героических парней и девчат? Приезжайте к нам в Чечено-Ингушетию. Тысячи молодых людей, которых мы уважительно называем нашей сменой, самоотверженно трудятся на нефтеромыслах, в совхозах, на заводах и строительных площадках. Но мы с вами говорим не только о задачах экономических и производственных. Нам важно выяснить, как экономические отношения влияют на идейно-нравственное воспитание людей. Здесь примеров доблести, благородства, моральной чистоты тоже не счесть. Вот вам один такой пример.

В крупнейшем нашем райцентре,

Урус-Мартане, телефонисткой междугородной связи работает Тоита Мусаева. Однажды, уже после полуночи, на приборном щитке Тоиты загорелась лампочка вызова. Звонили из Алма-Аты: необходимо было срочно сообщить человеку о немедленном вылете в Казахстан. Проверив фамилию, Тоита убедилась, что в отстоящем на десятки километров от Урус-Мартана селении, где проживает разыскиваемый, телефона нет. «Как же быть?» — спрашивал в трубку незнакомый, еле сдерживающий рыдания женский голос. Тоита поступила так, как поступил бы на ее месте любой благородный человек. Разбудив сменщицу, она помчалась домой. Подняла спящего мужа и вместе с ним на собственном «Москвиче» в мороз и непогоду отправилась в далекое селение. Утром тот, кого так ждали в Алма-Ате, первым рейсом вылетел из Грозного. А молодой коммунист Тоита Мусаева снова заступила на дежурство. Надо ли комментировать эти проявления человеческой доброты, соучастия в чужой судьбе, бескорыстной помощи?

Характеризуя современного молодого человека, вы к числу его основных достоинств причислили интеллигентность. Какой смысл вкладываете вы в это понятие?

— Естественно, не только образованность и умение пользоваться за столом вилкой и ножом. По-настоящему интеллигентный человек прежде всего никогда не кичится своими знаниями и мастерством. Он использует их для преобразования жизни, но делает это без всякой помпы. В результате культурной революции в нашей стране выросла и воспиталась новая, советская интеллигенция. Могу назвать многих подлинных ее представителей среди молодых рабочих, умело сочетающих физический труд с умственным. Всех их отличают высокая нравственность, принципиальность, постоянное стремление к самовоспитанию, творческое отношение к труду. Назову только одно имя — Сажи Умалатова. (Кстати, мне приятно вспомнить, что о ней писала «Смена» в номере, посвященном XXVI съезду партии.) Решив после школы стать рабочей, Сажи с отличием окончила ПТУ и пришла на завод. Врожденное трудолюбие, терпение, смекалка и, что очень важно отметить, развитое чувство ответственности перед товарищами помогли ей стать лучшей в республике электро-сварщицей. Люди не могли не заметить таких ее качеств, как душевная отзывчивость и постоянная готовность прийти на помощь другому человеку. — это, кстати, яркие черты настоящей интеллигентности, — и избрали ее депутатом Верховного Совета республики. Сегодня чеченка Сажи Умалатова — член Президиума Верховного Совета республики, лауреат премии Ленинского комсомола. На XXVI съезде партии она достойно представляла многотысячный отряд коммунистов четырехжды орденоносной Чечено-Ингушетии.

Я тоже хорошо знаю Умалатову, не раз бывал в ее доме. Действительно, она по-настоящему интересный и самобытный человек: увлекается поэзией, музыкой, любит театр. Несмотря на заводскую трехсменку и большую общественную работу, у нее всегда находится время и для друзей и для семьи. И тем не менее, Александр Владимирович, когда мы говорим о таких, как Сажи Умалатова, мы имеем в виду человеческие самородки. А самородки встречаются редко даже в золотоносных районах...

— Не умаляя достоинств нашего депутата, могу с уверенностью повторить: таких талантов, как Сажи Умалатова, у нас в республике немало. Только есть у них во всех одно общее свойство: чем талантливее и интеллигентнее человек, тем он скромнее и незаметнее. И снова хочется привести один конкретный пример, хотя вот в этой моей записной книжке их наберется с добрый десяток. В Назрани, на заводе «Электроинструмент», продукцию которого знают далеко за пределами нашей страны, работает инженером ингуш Багаудин Ториев.

Молодежь республики делегировала его на XIX съезд ВЛКСМ. Знакомая с делегатами перед их отъездом в Москву, я естественно, поинтересовалась характеристикой нашего посланца. И услышал: «Энергичен, скромно, бескорыстен, умеет преодолевать трудности. Всегда берет на себя ношу, что потяжелее, и самостоятельно решает не только сложные вопросы технического, но и нравственного характера». Потом, уже после съезда, стал я и дальше следить за судьбой Багаудина, интересоваться его делами. И сейчас с уверенностью могу добавить к той его характеристике еще одну строчку: талантливый организатор молодежи и подлинный интеллигент. Сейчас он работает заместителем начальника крупного цеха, и на этой должности его отличают твердая идейная убежденность и, что я особенно ценю в молодых людях, ранняя зрелость и социальная активность.

Александр Владимирович, не секрет, что для некоторых молодых людей это понятие — социальная активность человека — звучит несколько абстрактно, поэтому расшифруйте его, пожалуйста.

— Вам, я думаю, встречались люди, которые заявляли с гордостью: «Сам я никогда не нарушаю трудовой дисциплины, не допускаю брака в работе, не мыслю что-либо присвоить себе из государственного кармана, а до других мне дела нет». Конечно, до подлинной социальной активности этому человеку еще далеко. Потому что он ничего не сделал, чтобы и его сменщик тоже не нарушал трудовой дисциплины, не загонял в брак детали, чтобы сосед по участку тайком не выносил сделанные для собственной дачи всякие там «железки» и приспособления. Короче говоря, суть социальной активности человека заключается в его решительной, наступательной борьбе со всякими проявлениями мешанской психологии, собственничества и бесхозяйственности. Очень хорошо сказал об этом на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК нашей партии Ю. В. Андропов: «...Партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идеями установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения».

На XXVI съезде партии отмечалось, что молодые люди, которым сегодня восемнадцать — двадцать пять лет, завтра образуют костяк нашего общества. Но сегодня мы с сожалением констатируем, что именно в этой возрастной среде подчас встречаются такие вредные для нашего движения вперед явления, как откровенное иждивенчество, эгоизм, непомерное увлечение образчиками музыки, культуры, моды, пропагандируемыми Западом...

— Начну с последнего названного вами порока — «джинсового образа мышления» некоторых молодых людей.

Скажите, пожалуйста, кому из нас в молодости не хотелось выглядеть модно и красиво одетым? Хорошо помню, как, учась в институте, мы ночами подгоняли на себя доставшиеся от отца или старшего брата непомерно широкие брюки и пиджаки. А потом щеголяли в них на вечерах и на танцах перед девушками, которые и сами накануне перелицовывали материнские платья и кофточки. Было такое время, было...

Но я заметил, что с годами, а точнее, с возрастом это увлечение модой как-то само собой проходит, и на первый план выступают более серьезные увлечения. Так что, мне думается, не стоит уж особенно винить молодых в том, что им хочется иметь и джинсы, и красивые платья, и модные спортивные куртки.

Другое дело, когда погоня за модной одеждой совершенно заслоняет юноше или девушке другие интересы. Вот с этим надо, конечно, вести решительную борьбу. Не последнее слово в этой борьбе должно принадлежать комсом-

ольским организациям, молодежной печати, лекторам-общественникам. Опасаться надо только одного — чтобы при этом не «перегибать палку». Ведь в сложном деле культурного воспитания молодежи по-настоящему действительны прежде всего терпение и такт.

Помните, когда у ребят началось повальное увлечение сверхдлинными прическами, кое-кто из общественников пытался действовать принудительными методами: ловили длиноволосяго парня на улице, выстригали у него на голове несколько пучков и были уверены, что преподали ему урок эстетики и красоты. Мы у себя в республике тогда строго наказали тех, кто занимался подобным самоуправством. Ведь можно бороться против заблуждающегося человека, а можно бороться и за него. Улавливаете разницу? Второе, безусловно, трудней, требует больше и сил, и терпения, но зато и воспитательный эффект приносит несравненно больший. Расстолкуйте, докажите свою позицию, не оскорбляя чувства собственного достоинства собеседника, и человек поверит вам. Поверит и пойдет за вами. Всегда надо помнить, что «операция по перестройке души» сложнее и тоньше любой ныне доступной трансплантации.

Что касается «болезни накопительства», то ею, как правило, заболевают те, у кого представление о счастье связывается лишь с приобретением дорогих вещей, символизирующих мнимое благополучие. Эти люди обычно не могут или не стремятся заявить о себе в обществе честным трудом, творческими способностями или высокими духовными качествами. Взамен этому они тащат в дом всякие дорогостоящие вещи, набивают шкафы книгами, которые сами никогда не прочитают, и при этом тщатся выглядеть перед друзьями высококультурными людьми. Но таковыми они никогда не были и вряд ли станут.

С потребительским мешанством, особенно среди молодежи, надо бороться целенаправленно и решительно, безжалостно обнажая истоки этой болезни. Они бывают самые разные. Насмотрелся, к примеру, западных фильмов иной подросток, вообразил себя героем вестерна, и уже заныла его душа, где достать фирменные джинсы или ковбойские сапоги. Пока он мал и не слишком мыслен, вёрхом мечтаний остаются для него штаны с заграничной нашлепкой. Потом, чуть повзрослев, но пока еще ничего не дав обществу, его взрастившему, он задумывается о собственных «Жигулях», даче, всяких дорогих магнитофонах и приемниках. Школа, родители, комсомол проглядели его на каком-то этапе воспитания, и в результате на свет явился типичный обыватель, иждивенец, «дегустатор жизни». Ему нет дела до того, что в нашей стране общественное признание и материальное благосостояние человека определяются прежде всего тем, как он трудится. При этом, как справедливо отмечалось на июньском Пленуме ЦК КПСС, труд человека должен рассматриваться сегодня не только с экономической точки зрения. Не менее значима его идейно-нравственная роль, ибо в труде человек не только создает материальные ценности, но и развивает свои лучшие способности, закаляет волю, раскрывает творческие силы, утверждая себя как гражданина, активного строителя коммунизма.

В связи с этим хотелось бы сказать еще вот о чем. Мы, к сожалению, мало противопоставляем образцам западной кинопродукции свои собственные фильмы, в которых на высоком художественном уровне воспеваются духовные богатства человека, истинные и непреходящие ценности нашей жизни.

До некоторой степени в этом, очевидно, можно упрекнуть и литературу?

— Безусловно. Обидно мало у нас романов, пьес, поэтических произведений, которые бы глубоко и ярко воссоздавали атмосферу нашей общественной жизни, показывали образы, обобщающие все лучшее, что есть в нашем современнике. Не случайно на июнь-

ском Пленуме особо подчеркивалось, что в условиях, когда империализм организованно против нас настоящую информационно-пропагандистскую интервенцию, молодежь наша как никогда нуждается в идеале, воплощающем благородство жизненных целей, идейную убежденность, трудолюбие и мужество. Причем, как было отмечено участниками Пленума, таких героев не надо выдумывать. Они — рядом с нами.

Если бы в молодежной аудитории вам задали вопрос: «Делать жизнь с кого?», что бы вы ответили?

— Не задумываясь, ответил бы словами Анатолия Васильевича Луначарского, которые хорошо запомнил еще со студенческой скамьи: «Молодежь должна быть «Ильичевой» молодежью. Она должна проникнуться не только этой заразной и родной для него молодостью, но и мудростью, осмотрительностью, и умением делать выводы из сегой культуры, приобретенной столетиями». Мне действительно часто доводится встречаться с молодыми людьми. И каждый раз я снова и снова убеждаюсь, что Ленин, его жизненный путь, его большевистский подвиг являются прекрасным «нравственным компасом» для молодежи, для всех советских людей.

Сегодня, к счастью, еще живы некоторые из тех, кому посчастливилось видеть и слышать Ленина, но всю свою жизнь высоко нес Ленинское знамя, кто с честью выполнял Ленинские заветы и воспитал себе достойную смену. Я имею в виду наших старших товарищей — коммунистов, наставников молодежи. Как вы, Александр Владимирович, определили бы сегодня роль наставника с позиции партийного работника?

— Наставник — это прежде всего широко мыслящий человек, активный боец идеологического фронта. Воспитанный на принципах коллективизма, трудолюбия, ответственного отношения к своему рабочему и гражданскому долгу, он несет прямую ответственность за нравственный облик молодого рабочего.

Среди первых и наиболее талантливых наставников республики я бы назвал Шамсудина Хаджиева — знатного бригадира комплексной стройбригады. Знаете, чем особенно нравится мне эта бригада? Тем, что любящего новичка с первого его рабочего дня приучают смотреть на свой труд как на частичку общего дела, за которое он вместе с другими несет равную личную ответственность. Это сразу вырабатывает в молодом человеке активную позицию, рождает стойкость его жизненных и гражданских взглядов, обостренное чувство осознанной дисциплины. Хаджиев воспитал уже не одно поколение первоклассных строителей, так же, как не одно поколение замечательных картофелеводов вывел в жизнь Артаган Албагачиев, а молодых чабанов — Наурыз Эсмухамбетов. Прекрасным, умным и доброжелательным наставником молодежи является старший оператор нефтеперерабатывающего завода имени Ленина Николай Иванович Ведерников. Все они Герои Социалистического Труда, все одинаково влюблены в свое дело, потому и их подопечные очень быстро начинают осознавать высокую значимость звания «Рабочий».

А что делается сегодня в целом по республике для поднятия у молодежи авторитета этого почетного звания?

— Отвечу на ваш вопрос конкретным примером. В Назрановском районе республики есть совхоз того же названия. Приехал я как-то в это хозяйство, пошел по фермам, глядь, а там одни старики трудятся. Говорю с директором — молодым, энергичным Мурадом Бековым, он мне и поясняет: «Условия труда и быта у нас все еще отстают от запросов человека. Одними механическими дойками да светлыми коровниками молодежь сюда не заманишь». Стали мы обсуждать этот вопрос вместе с коммунистами и комсомольцами и договорились в качестве эксперимента открыть в совхозе Дом животноводства.

— Я был в нем, беседовал там с людьми. Больше всего мне запомнились слова старого скотника Аюпа Баркинхоева, который заявил, что теперь может спокойно умирать, так как собственными глазами увидел, в каких прекрасных условиях будут трудиться его внуки и правнуки.

— Думаю, что Аюп про свою смерть ради красного словца вам сказал. Я давно его знаю. Крепок и сил еще полон.

— Признаться, Александр Владимирович, такого Дома животновода я нигде не видел...

— На этом примере жизнь в который раз доказала нам, что и производственные и воспитательные задачи успешно решаются там, где проявляется постоянная забота об улучшении условий труда и быта людей, их настроении и досуге. Вы видели, с каким удовольствием и отдачей трудятся сегодня рабочие этого совхоза? И удивляться этому не приходится. Устал человек, занемог — тут же, не выезжая в город, он может отдохнуть в уютном общежитии, проконсультироваться у врача. К слову сказать, вы заметили, что в Доме животновода открыто несколько поликлинических кабинетов? Здесь ведут плановые приемы терапевт, окулист и гинеколог, даже зубной врач. В часы, удобные для рабочих, каждый из них может пройти полный курс диспансеризации...

— Знакомясь с жизнью совхозной молодежи, я обратил внимание, что многие прямо с работы отправляются в театр, на семейные торжества...

— Тут тоже нет ничего необыкновенного. Потому что молодая доярка или механизатор, отработав смену, имеют возможность сразу принять душ, переодеться, зайти в парикмахерскую, отдохнуть у телевизора. Уверю вас, за проходной совхоза за нашу доярку не отличите от студентки университета.

— Да, это я тоже заметил. Девушки и парни, работающие в «Назрановском», и одеты по-современному, и держатся с достоинством...

— Потому что руководство совхоза заботится не только об их материальном благосостоянии, но и о полноценном с нравственно-эстетической точки зрения использовании свободного времени. Здесь регулярно проводятся встречи с писателями, артистами, молодыми учеными, журналистами. Какой глубокий и яркий след оставляют они в душе молодого труженика! А вы обратили внимание, что в Доме животновода три раза в неделю работает выездное ателье мод? Доярка и тракторист, шофер и агроном могут, не тратя времени на поездку в город, получить квалифицированный совет у опытного художника-модельера, заказать самое модное платье, костюм или пальто. А видели, сколько разных музыкальных инструментов есть в Доме животновода, какая там богатая библиотека...

— К слову сказать, Александр Владимирович, именно в ней я разговаривал с нынешней выпускницей школы десятилетки Раисой Салтамаковой и узнал от нее, что вместе с подругами по классу она решила остаться работать в совхозе. Но вот что интересно: когда об этом узнал Мурад Беков, он встревожился не на шутку. Выяснилось, что желающих трудиться в совхозе ныне много больше, чем требуется хозяйству.

— Ничего, работа там каждому найдется. Сейчас мы распространяем опыт «Назрановского» по всей республике. До конца года во всех районах будут действовать аналогичные Дома животновода, механизатора, свекловода. Значительно улучшатся условия труда и быта на предприятиях. И я думаю, не за горами то время, когда и в рабочие мы будем набирать людей по конкурсу.

— В рабочие по конкурсу?! Не звучит ли это утопично сегодня?

— Отнюдь. Пример с совхозом «Назрановский» — лучшее тому подтверждение.

— Да, но когда мы говорим о Чечено-Ингушетии, мы имеем в виду регион, где вообще не существует проблемы с рабочей силой. Как я заметил, и

чеченцы и ингуши не большие любители до перемены мест...

— Что верно, то верно. И все же проблема трудовых ресурсов затрагивает в какой-то мере и нас. Особенно, когда речь идет о высококвалифицированных рабочих, которые, как правило, проходят первоначальную подготовку в профессионально-технических училищах. Кстати, на июньском Пленуме справедливо критиковалась бытующая ныне практика избавления общеобразовательных школ от так называемых трудных подростков путем направления их в ПТУ. Это подрывает саму идею профессионально-технического обучения и подготовки по-настоящему рабочей смены. Так что, если пойти по пути повышения авторитета ПТУ, о чем говорилось на июньском Пленуме ЦК КПСС, укрепления их материально-технической базы, улучшения учебно-воспитательного процесса и обеспечения их по-настоящему творческими кадрами, — попасть туда учиться будет не так-то просто. У нас есть подобные примеры. В ПТУ № 26, где готовят швей, закройщиц, мастеров модной одежды, все девушки при поступлении проходят через «конкурс аттестатов». То же самое можно сказать и о ПТУ № 5, выпускники которого получают основные рабочие профессии.

— Александр Владимирович, хотелось бы коснуться еще одного важного вопроса. Как отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, под влиянием религии у нас еще остается часть людей, причем не такая уж и малая. Многочисленные идеологические центры империализма с помощью всевозможных «голосов» утверждают, что в советских республиках с мусульманским населением, в том числе и в Чечено-Ингушетии, среди верующих много молодежи. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Мотив этого пропагандистского «песнопения» наших идеологических противников давным-давно набил оскомину. Да, у нас есть верующие. Встречаются среди них и молодые люди, которых, говоря по правде, можно по пальцам пересчитать. Но... решили мы как-то поинтересоваться, кто же это из молодых так рьяно отдает почести всевышнему. И выяснилось: один в прошлом привлекался к уголовной ответственности за квартирный кражу, другая поддалась уговорам церковников, обещавшим исцелить ее бесплодность, третий ударился в пьянство и вовсе решил не работать, и так далее.

Разве эти люди составляют цвет и гордость нашей молодежи? Нет, конечно. Цвет и гордость наша — это более двадцати тысяч юношей и девушек, которые носят высокое звание «Ударник коммунистического труда». Лучшие традиции Ленинского комсомола живут и развиваются в свершениях молодых рабочих, составляющих почти тысячу комсомольско-молодежных коллективов. О подлинных интересах и увлечениях молодежи, ничего общего не имеющих с религией, говорит и такая цифра: сто пятьдесят тысяч юношей и девушек нашей республики являются активными участниками Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Думаем, какие-то еще более подробные перечисления излишни.

Материалы июньского Пленума ЦК КПСС, Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова заставляют всех нас по-новому, гораздо острее и глубже взглянуть на многие явления и процессы, происходящие сегодня в нашем обществе и в мире в целом, помогают яснее и четче оценить их.

Все проблемы, о которых говорилось на Пленуме, самым непосредственным образом касаются молодежи. И потому долг ее сегодня состоит в том, чтобы строго следовать каждой букве этих выдающихся партийных документов, чтобы наполнить их духовным содержанием, отвечающим задачам Времени.

Записал Виталий ЗАСЕЕВ

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1356) НОЯБРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА
и Виктора
ЯКОБСОНА

Наша обложка:
юные художники.
В изостудии
республиканского
центра
эстетического воспита-
ния
в Ереване.

1 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ». «ЛАДОНЬ РОССИИ».
Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома партии
Александр ВЛАСОВ. «СЫНОВЬЯМ ИДТИ ДАЛЬШЕ».

4 МОЛОДОЙ ТАЛАНТ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ.

8 Рассказ Игоря СЕРКОВА «ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ».

11 ЖИЗНЬ СЕМЬИ.
Евгений КОПЫЛОВ.
«СТАРАЯ ОТКРЫТКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
АЙСЕДОРЫ ДУНКАН».

12 «ВРЕМЯ ГОРЯЧЕГО АСФАЛЬТА».
Фоторепортаж Алексея ВОРОБЬЕВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

14 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
«НА ВЕСАХ СОВЕСТИ».

16 ОТЕЧЕСТВО.
«СИНЕГОРЬЕ».
Фотоочерк Леонида ПЛЕШАКОВА и Сергея ВЕТРОВА.

18 НАШИ ПУБЛИКАЦИИ.
Стихи Галактиона ТАБИДЗЕ.

22 ФИЗКУЛЬТ-УРА!
Александр БОЙКО. «ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ УРОК».

24 Елена ПРАСОЛОВА. «СКАЗКИ ГОРОДСКОГО ДВОРА».

25 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

26 МИР КАПИТАЛА: БЕСПРАВИЕ.
Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ. «ВОЙНА ПРОТИВ БЕДНЫХ».

29 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

МОЛОДОЙ ТА

Яковас ШАДЯВИЧУС

В седьмом классе он просто не учился — сдал экстерном.

Потом был «золотой» аттестат круглого отличника.

По окончании университета — «красный диплом».

Еще учась на четвертом курсе университета, начал работать в Институте физики полупроводников АН Литовской ССР лаборантом. Сейчас — кандидат наук, руководитель группы. По общему мнению, один из самых способных молодых ученых в системе АН Литовской ССР. Председатель Совета молодых ученых института.

Таким прямым и сверхблагополучным выглядит жизненный путь физика Саулюса Качюлиса.

Его первый институтский наставник Йонас Паршляюнас убежден, что у этого молодого ученого все и всегда получается. Планируется эксперимент — можно не сомневаться, что он будет выполнен с достаточной точностью, «чисто». Что будет установлен необходимый ряд последовательных результатов, с которыми можно будет работать дальше. Занимается темой Качюлис — значит мимо его глаз не проскочит ни одна информация, как-либо связанная с этой темой, и можно быть уверенным, что он не пойдет уже проторенными путями, не станет изобретать велосипед. Йонасу Паршляюнасу, специалисту достаточно известному и авторитетному в своих кругах, можно доверять — уже несколько лет он работает со своим учеником бок о бок в одной лаборатории.

Все это действительно так.

Но вот что рассказывает человек, который знает Саулюса по крайней мере не хуже его коллег-физиков:

— Не берусь судить, насколько талантлив Саулюс. Но в одном убеждена:

— Часто говорят — отчасти это, видимо, и правильно, — что незаменимых людей нет. Что ж, наверняка, если бы не я, то кто-нибудь другой сделал в нашей науке то же самое. И все-таки надо чувствовать себя на своем рабочем месте незаменимым. Нельзя даже иногда подумать, что твое дело вместо тебя сделает кто-то. Потому что эта расхолаживающая, расслабляющая мысль обязательно помешает тебе проявить все свои силы, перешагнуть через «не могу». И ты не сделаешь того, на что способен.

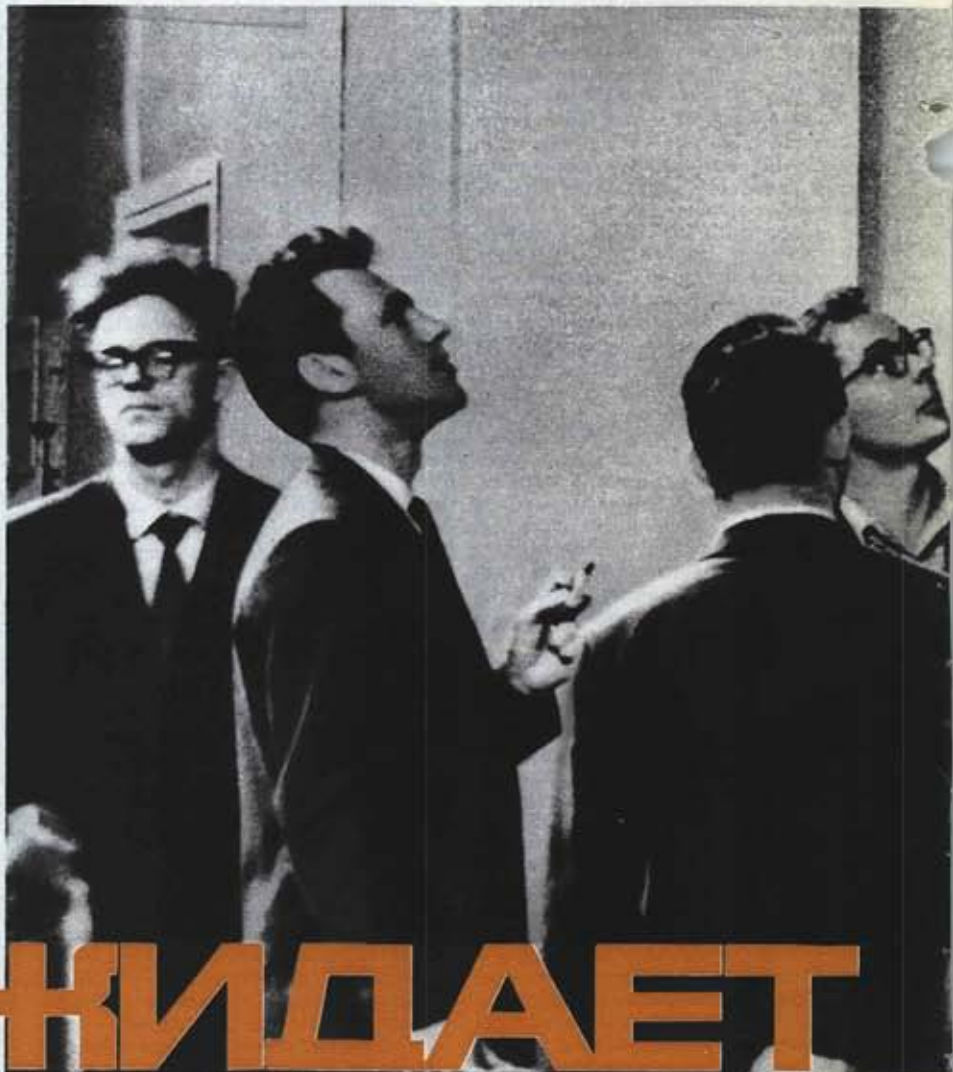
Сегодня уже созданы полупроводниковые материалы, с помощью которых можно изготавливать устройства, генерирующие электромагнитные волны очень высокой частоты, позволяющие устанавливать связь с любыми объектами, включая космические. Эти же полупроводники значительно ускоряют работу вычислительной техники. Ученые считают, что в будущем генерируемые ими волны смогут влиять на измененные — возможно, и раковые — живые клетки. Выражение «влиять» в данном случае используется как осторожный заменитель слова «лечить».

В начале эры электромагнитных волн их получали, используя громоздкую, капризную технику — ламповые генераторы волн особо высокой частоты. Полупроводники произвели здесь самый настоящий переворот. Ведь с их помощью оказалось возможным генерировать электромагнитные волны приборами в сотни, тысячи раз проще старых. Проще, но вместе с тем и мощнее.

Суть научной работы Качюлиса — распознать, изучить новые свойства этих полупроводниковых материалов — арсенида галлия, фосфида индия, их сплавов. Изучить — и, значит, облегчить, упростить дорогостоящее производство полупроводников, использовать все их сильные свойства в генераторах высокочастотных волн.

Невозможно отправить в дальний по-

ПРОБЛЕМ

НОГО ОЖИДАЕТ

вкладывая в свое дело столько труда, сколько вкладывает он, можно добиться многого в любой области. Вы можете мне не поверить, но вот уже несколько лет он каждый день уходит в свою лабораторию к девяти утра и возвращается к двенадцати ночи. Я знаю: чего-то в науке он добился. И радуюсь этому. Но, с другой стороны, не могу не думать о том, какой дорогой ценой за это заплачено. Может быть, слишком дорогой... Поверьте, мне больно об этом говорить. Но это правда.

Возможно, вы уже догадались, что принадлежат эти слова жене физика Качюлиса. А его сотрудники просто не знают, есть ли у него какое-нибудь хобби, увлечение, помимо работы. Вспомнили только: после защиты диссертации несколько раз сходил на рыбалку. И все. А так в его жизни свободного времени как «физической величины», кажется, попросту не существует.

Такова другая сторона жизни молодого физика Качюлиса. И если первой могут позавидовать многие, у многих ли хватит духа согласиться со второй? Многие ли решатся на такой образ жизни? Саулюс Качюлис решил. Почему? Может быть, следующий его монолог внесет здесь некоторую ясность:

лет самолет или в дальнее плавание кораблю, если с ними нельзя установить надежную связь. Без такой связи нет смысла посылать космический корабль к Солнцу или Венере. Но, с другой стороны, нужно, чтобы прибор связи был как можно компактнее...

Вот таково практическое значение научных поисков физика Качюлиса.

Его увлечение радиотехникой, точными науками началось еще в школе, о других не знают даже самые близкие друзья и коллеги. Но, оказавшись в миниатюрной, какой-то шестиугольной комнате семейного общежития, где живут Саулюс, Пальмира и шестилетний Мартинас Качюлисы, я увидел в ней металлическое кольцо и браслет, покрытые темноватым наростом. Подержал в руках, подивился их слишком солидной для украшения тяжестью, а услышав, что возраст их шесть веков, с почтением положил на место.

И уже потом в разговоре выяснилось, что «зациклившийся на своей физике», по выражению одного знакомого, Саулюс почти каждое свое студенческое лето проводил в... археологических экспедициях.

— Для меня самого первая экспедиция была полной неожиданностью, — рассмеялся Саулюс. — Пригла-

сил меня школьный приятель, историк, захотелось попробовать: а что там у них, для чего это, какова цель, смысл?..

И так несколько лет подряд. Старинные литовские города Шяуляй, Аникшчяй, Каварскас. Жгучие лучи балтийского солнца, специальная лопатка, специальные метелочки, земля, в которую зарываешься, снимая слой за слоем, а награда за многочасовой труд — кольцо, тарелка, разбитый кувшин... Драгоценные свидетельства жизни твоих предшественников.

Он чувствовал, понимал, что в какой-то мере эти поездки уже начинают мешать его планам в науке, к осуществлению которых он готовился многие годы, и — опять отправлялся в экспедицию.

Зачем? — размышляем мы теперь, по прошествии нескольких лет, уже вместе с Саулюсом. Может быть, вот почему... Да, физика, ее открытия нужны человеку, приносят ему конкретную помощь, облегчают жизнь. Но что это такое вообще — Человек на Земле? Ради чего он живет? Без чего он не может жить, а без чего и обойдется? Почему ему всегда были нужны не только еда, удобства, одежда, но и поэзия, искусство, музыка?... Задуматься над этими вопросами специалисту в области физики

горячих электронов Саулюсу Качюлису вдруг оказалось совершенно необходимым. И в археологических экспедициях он не просто копал землю, а своими руками прикасался к истории своей страны, своего народа. Там особенно остро ощутил себя ее частицей и творцом.

— Не знаю, что дало это мне как физика, но как человеку — очень много, — заключает Саулюс. Помолчав, добавляет: — А впрочем, разве можно разделить себя на физика и человека? Сдается мне, это неграмотная постановка вопроса...

Так что, как видите, увлечен физик Качюлис может не только физикой. Но у него никогда не возникало даже тени мысли изменить избранному еще в детские годы делу. Как бы тяжело и трудно ему порой ни приходилось.

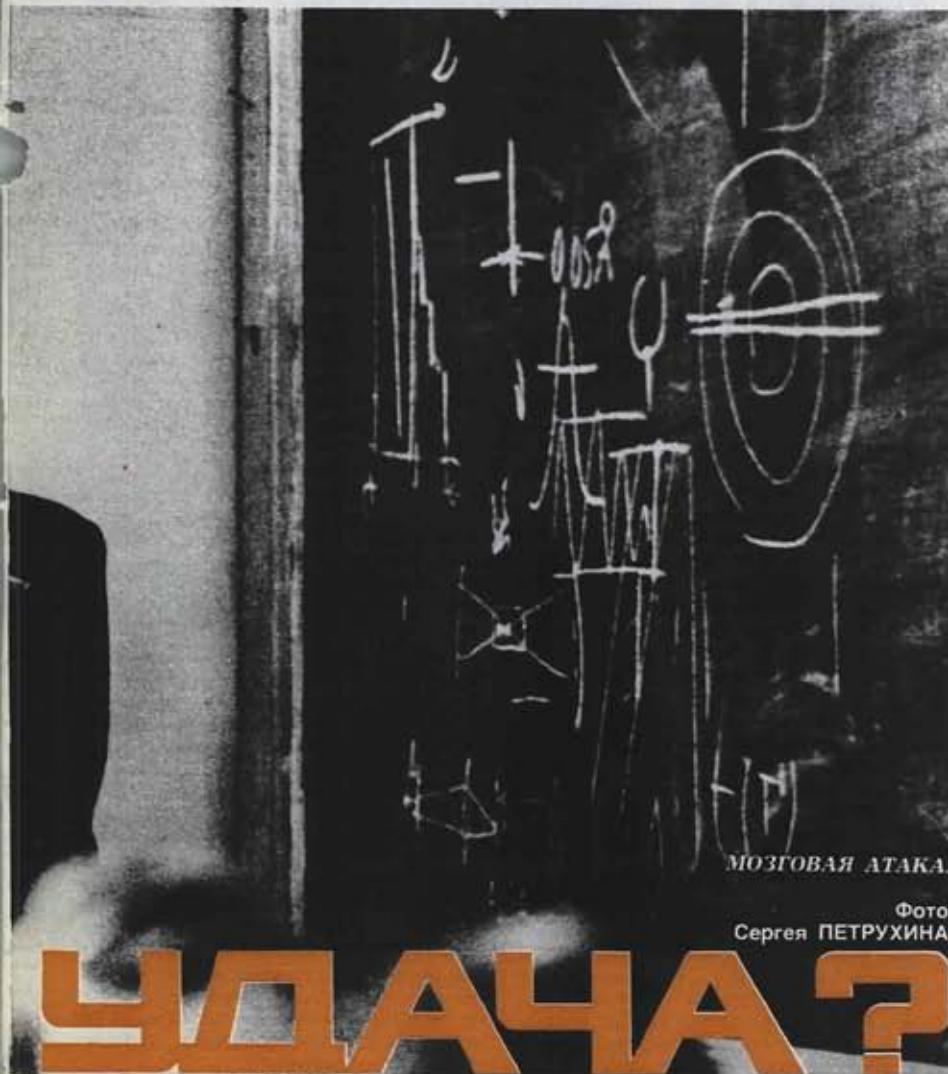
— Знаете, — сказал мне как-то Саулюс. — Верность своему выбору, своему делу, как мне кажется, — это одна из самых необходимых черт настоящего ученого да и вообще каждого профессионала. Только люди, способные на такую верность, умеющие перетерпеть неудачи и поражения, и добиваются в своем деле чего-то стоящего...

Как-то повел своего гостя в ресторан поужинать. К нам подошел администра-

ЛАНТ:

ы становления

Творчеству молодых, научно-техническому и художественному, у нас сегодня, как говорят, открыты все двери. Комсомольские организации страны в тесном контакте с творческими союзами и научными организациями давно и плодотворно работают с творческой молодежью. Найти, воспитать, помочь дебютировать — вот основные принципы этой деятельности. Материалы, которые предлагаются вниманию читателей, — точки зрения на проблему становления таланта. Может быть, у читателей появятся иные мысли по этому поводу, желание поспорить — ждем писем!

МОЗГОВАЯ АТАКА.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

УДАЧА?

тор. Смотрю — моя бывшая сокурсница в университете. Сцена многим знакомая: «Ну, как ты? А ты где?..» Рассказал, где и кем работаю, и тут она принимает меня искренне жалеть: за такую зарплату пропадать целыми днями в коробке лаборатории! То ли дело я сейчас... И ведь, говорит, никакого особого уважения к физикам в наше время уже нет...
Неприятное чувство осталось от того разговора. В университете эта девушка подавала надежды, но вот променяла их на обеспеченную, комфортную жизнь. Я прекрасно понимаю: престиж той или иной специальности — явление многосложное. То те, то иные становятся особенно популярными. Но престиж престижу рознь. Ведь моя бывшая сокурсница под престижем понимает вполне реальные вещи. Если точнее — материальную выгоду. А на мой взгляд, просто недостойно человека метаться в поисках места, сулящего наибольшие выгоды. Надо иметь свою собственную цель, идти по своему собственному пути, а не перебегать на тот, где сегодня быть попрестижнее. И в конце концов верность своему делу всегда принесет плоды.
Когда Саулюса избрали секретарем институтской комсомольской органи-

зации, в Вильнюсе его не было — уехал в служебную командировку в Москву. Проголосовали за него тем не менее единогласно. Учили, что опыт комсомольской работы у него солидный — в университете был членом факультетского бюро, редактором газеты; в институте тоже был избран в бюро ответственным «за идеологию». Да и своими человеческими качествами он устраивал комсомольцев института. Хотя сказать, что он для всех удобен, нельзя.
В Институте физики полупроводников по праву гордятся «сходками» молодых ученых, которые организует в Паланге Совет молодых ученых. Приезжают на них не только способные ребята из разных институтов страны, но и самые известные ученые.
Говорят, что около 80 процентов новой информации ученые — и особенно молодые — получают, «неформально» общаясь с коллегами постарше, друг с другом. Собственно, такой обмен знаниями является определенной формой коллективности научного поиска. Он не только облегчает приобретение информации, но и зачастую служит новым и достаточно мощным импульсом дальнейшего поиска. Если же учесть, что за год устаревает до одной десятой знаний, приобретенных в высшей школе...

Словом, «неформальное» общение с коллегами важная и необходимая сторона деятельности каждого ученого. А лагерь для молодых ученых в Паланге, может быть, идеальный вариант организации такого общения.
То, что недели в этих лагерях обычно проходят, с одной стороны, непринужденно и весело, а с другой — четко, организовано и полезно, во многом заслуга Совета молодых ученых и его председателя.
Во время заседания Совета, посвященного организации очередного лагеря, один из его членов сам вызвался пригласить в Палангу группу лекторов, сам заявил, что возьмет на себя всю заботу о них. Тогда же решили, что каждый член Совета, как организатор, имеет право пригласить в лагерь трех человек по своему усмотрению.
Когда лагерь открылся, потекла его работа, выяснилось, что человек, добровольно взявший на себя заботу о лекторах, фактически бросил их на произвол судьбы — заявил, что у него есть дела поважнее. Какие? А такие, что он пригласил в Палангу не трех, а пятнадцать, как он сам выразился, «нужных» ему человек, ему на них-то времени не хватает...

Надо сказать, лекторы ничего не заметили, все прошло нормально, об этом позаботились Саулюс и другие члены Совета. А вот Саулюс потерял для себя человека. Встретит случайно в коридорах института — не заметит. И если это будет от него зависеть, никаких важных дел уже не поручит.
— Много ли у меня было таких случаев за годы общественной работы? — задумывается Саулюс. — Были. Человек клянется всеми святыми, что все будет в порядке, а дело срывается. И не потому, что были чрезвычайные обстоятельства. Зачастую даже более или менее разумных причин для срыва найти нельзя. Просто не хватает ответственности. Умения держать слово. Или просто детское непонимание, каких усилий стоит порученное дело. Обещал — не сделал. Ну и что? Другие поднатужатся — и будет порядок. Для меня эта логика совершенно непонятна. И люди, которые оперируют такими понятиями, не вызывают у меня никакого доверия. И я не считаю нужным скрывать этого. Обязательно выскажу. Ведь всегда надеешься, что это заставит человека задуматься.
Словом, добреньким Саулюса назвать никак нельзя. И была в бытность его секретарем комитета комсомола ситуация, когда в общем-то от него зависело: быть или не быть одному из его коллег в комсомоле? Саулюс проголосовал за исключение. Потому что убежден: человек, который сознательно избрал для себя позицию стороннего, равнодушного наблюдателя, не может быть комсомольцем. Но все «за» и «против» перед этим взвесил со всей честностью и скрупулезностью. Потому что как бы ни была страшна ошибка в научном эксперименте, тут ее возможность надо было исключить полностью. Ведь речь шла о судьбе человека.
— Работа в комсомоле, — считает Саулюс, — это всегда такое дело, в кото-

ром каждый многое сам для себя начинает сначала. Да, опыт твоими предшественниками накоплен громадный, подробнейших методологических инструкций — хоть отбавляй. Все это вещи необходимые. Но чтобы дело было настоящим живым, тебе нужно искать свои пути, свои контакты с ребятами.
— Я по себе прекрасно знаю, как это важно — особенно для молодого, начинающего ученого — удачно войти, вписаться в коллектив, — вспоминает Саулюс. — Тем более, что работаем мы не во времена, когда погоду делают одиночки. Даже очень способный человек, который не стал в коллективе своим, отрезанный в отношениях от доброго совета коллег, вряд ли сейчас добьется многого...
Цель была ясна — создание атмосферы доброжелательности, искреннего дружелюбия, заинтересованности в делах товарищей по работе, бескорыстного стремления помочь, поддержать в трудную минуту.
И теперь, когда с первых шагов Саулюса в роли комсомольского вожака института прошло уже несколько лет — на последнем отчетно-перевыборном собрании его, правда, от этой должности освободили в связи с перегруженностью научной работой, но членом бюро он остается, — от многих слышишь: в институте создана атмосфера, способствующая коллективной работе, молодой ученый, приходящий сюда, может быть уверен: без поддержки не останется.
Итак, Саулюс Качюлис — человек, у которого все и всегда получается. Счастливая, безоблачная судьба. Способный организатор. Прочное место в науке. Все вроде бы действительно так...
Когда Качюлис изучал отрицательное магнитосопротивление арсенида галлия, эксперименты, которые он ставил, давали совершенно неожиданные результаты. Их называли «дикиими». Конечно, Саулюс очутился в тупике. Ему со всей доброжелательностью советовали прекратить эксперименты. Порой возникало такое желание и у него самого. Опыт за опытом приносили непредсказуемые результаты, которые совсем не приближали к запланированной цели. Физический механизм явления был совершенно необъясним и непонятен. Откажись Качюлис от дальнейших экспериментов, вряд ли кто-либо упрекнул бы его в этом. Наоборот, большинство коллег нашло бы это решение самым благоразумным. Но он продолжал эксперименты. Привлек на помощь теоретиков лаборатории. И получил результат, вызвавший всеобщий интерес, открывший новые перспективы в работе...
Да, он удачлив, Саулюс Качюлис. Удачлив так же, как... может быть удачлив каждый из нас. Каждый, для кого работа не наказание и не унылое обеспечение своего существования, а радость, способ утвердить себя в жизни и в профессии. Каждый, кто верен своим убеждениям, имеет цель и умеет идти к ней. Каждый, кто открыт людям и умеет придти им на помощь.
Когда в человеке есть все это, удача не заставляет себя ждать. Таких людей она находит сама. И встреча с ней не случайность, а закономерность.

МОЛОДОЙ ТАЛАНТ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Валентина ИВАНОВА

Почему тот или иной кумир кино вдруг теряет все свое очарование и, снимаясь и мелькая из роли в роль, не способен удивить уже ничем самого внимательного зрителя? Но в то же время, будем справедливы, всегда ли здесь вина самого актера? Он ли причиной того, что был порой случайно вознесен на вершины, что его фото и рекламы шумно печатались с первого же фильма, что вслед за этим ему стали предлагать роли, абсолютно, как одна к одной слепленные по образу и подобию первой? Ох, как нелегко сладкое бремя славы, а тем более такой скоропалительной, какой она бывает только в кино, для хрупкого, неоперившегося таланта!

Помнится, уже давно пришлось мне как-то написать довольно злую критическую статью о тогдашних молодых актерах кино. Пафос статьи был в том — и от этих мыслей я не откажусь и по сию пору, — что и сам актер вправе и в сила определять собственную судьбу.

ДЕБЮТ

Да, конечно, он не пишет сценарии и не ставит фильмы — его только приглашают на роль, но сколько мы знаем примеров того, как внезапно обнаруженная личность на экране властно притягивает к себе неожиданные роли, сценарный материал, интересных режиссеров. Очень нелегко актеру, тем более молодому актеру, утвердиться в кино (куда легче просто сняться!), и все же и от него тоже (!) зависит эскиз будущей судьбы. И ему в очень большой степени можем мы предъявить претензии в нетребовательности, в аморфности, в инфантилизме в искусстве.

Вскоре после этой статьи мне пришлось, как часто случается в газетной практике, искать актеров для поездки к зрителям. Позвонила я одной, тогда очень популярной актрисе из Вахтанговского театра, много снимавшейся и в кино. И вот что она мне ответила: «Да нет, куда же я поеду? Вы читали в «Литературке» статью? Так вот там сказано, что я еще совсем ничего в искусстве не совершила...»

Сами понимаете, положение хуже губернского (фамилию-то я свою ей не назвала!). Я начала объяснять, что, мол, статью читала, но-де она не совсем верно поняла автора (!), что автор пишет: актеров, мол, любят снимать по принципу типажности, так и ее сняли, взявши у нее лишь модный, современный абрис, не предлагая никаких задач для создания образа, на преодоление материала, на перевоплощение и т. д. Но актриса была настроена очень пессимистически: «Знаете, и другие могли понять так же — не умею я ничего в кино и к зрителям мне ехать незачем...»

Пришлось открыть журналистское инкогнито. Она пригласила меня в театр на свои спектакли, и, хоть их было немного, сразу стало ясно, насколько она в них интереснее, чем в кино. Но ведь то в театре...

А вот какой случай произошел с очерком об актере Николае Еременко, напечатанным в «Смене». Захотелось показать сложную синусоиду творчества молодого актера на таком достаточно ярком примере, как Еременко.

Но когда года два назад появился очерк, то в редакцию посыпались возмущенные письма: обидели кумира. А речь

шла о том, что именно этот актер, ярко и безусловно одаренный, причудливо (но и типически, вот в чем все дело!) соединяет в своем творчестве такие, казалось бы, совершенно несовместимые по творческому потенциалу работы, как Дроздовский в «Горячем снеге» и главная роль в плохом и всеми разруганном фильме «Семья Ивановых», как Жюльен Сорель и «Пираты XX века». А после этого опять удивительно разнообразно, щедро сыгранный Алексашка Меншиков в «Юности Петра». И не то удивляет, что актер берется за разные и явно изначально слабые роли (понятно, что на высотах Жюльена Сореля не проживешь всю жизнь), но та мера предельной и какой-то даже отчаянной увлеченности, с которой играет он равно как в фильмах выдающихся, так и сделанных на потребу дня. И вот парадокс — по анкете «Советского экрана» его называют лучшим за роль (!) стармеха в «Пиратах XX века»! Есть, конечно, и было всегда искусство строгое, регламентированное, и искусство площадное, балаганное, в котором тем не менее могут — и успешно: вспомним «Экипаж» — попробовать силы серьезные, тонкие художники. Но внутри-то себя надо ощущать эту грань, барьер

несовместимости, тем более когда речь идет, скажем, не об «Иронии судьбы» или «Служебном романе», а всего лишь о «Трактире на Пятницкой». Идет незримое, подспудное размывание критериев, когда вторую высоту после длительных виражей вниз, «на публику», набрать актеру будет не так уже легко. Кстати, примерно те же мысли Еременко высказал в своей статье на страницах «Советской культуры».

Сложной была у меня, как критика, история с Евгенией Симоновой. Помню, от всяких встреч и интервью Женья сначала наотрез отказалась. Она спросила у меня: «А о чем мы с вами будем говорить? Вы знаете, столько уже было этих интервью, маленьких и больших, а проблема совсем не в том, о чем там обычно пишется». Долго пришлось уговаривать, убеждать, но все стало более или менее понятно, когда мы встретились.

После того, как Георгий Данелия снял Симонову в «Афоне» — помните, такая ясноглазая «скорая помощь», — ей стали подряд предлагать роли, роли и роли в том же «голубом» жанре; но ведь у Данелии ее голубая роль была сложно ввлечена в сатирическо-гротесковую ткань фильма, потому, быть может, и нужна была одна такая по-детски наивная, свято верящая в Афонию душа. А ей стали предлагать роли просто голубые, просто якобы положительные — без той жизненной плотности, социальной конкретности, которая была у Данелии. Даже большая ее работа в дилогии «Пропавшая экспедиция» и «Золотая речка» — это ведь сплошной наив...

Но к тому моменту, как мы встретились, произошел наконец у актрисы долгожданный перелом: она сыграла Анну Сниткину в «26 днях из жизни Достоевского», чеховскую героиню в очень сложной картине В. Жалакявичуса «Рассказ неизвестного человека», интересную роль в политическом телефильме «Рафферти». И играла она у серьезных режиссеров, рядом с такими партнерами, как Олег Борисов, Анатолий Солоницын, Александр Кайдановский, Георгий Тараторкин. В нее и раньше верили, были в ней искренность, обаятельная непосредственность, но та-

— полемические заметки о творчестве молодых

кую драматическую серьезность, такую зрелость вряд ли можно было предположить.

И вот теперь — помню, было это за кулисами Театра имени Маяковского — Симонова, еще вся запыхавшаяся, только что примчавшись в театр (впрочем, я уже привыкла, что актеры обычно постоянно опаздывают, жизнь у них такая суетливая, хлопотная), эта по виду еще совсем девчонка, присев на минутку на подоконник перед репетицией, с полной ответственностью заявляет мне, в общем, впервые встретившемуся ей человеку, что теперь будет отказываться от ролей — того еще плана, какие ей предлагали раньше, симпатичных студенток, непосредственных молодых учительниц или просто обаятельных девушек, которым нет числа. «Я лучше, — сказала она, — вообще не буду сниматься, как-нибудь проживу, ведь есть еще и театр». Впрочем, то, что Евгения Симонова лишена суетного «звездного» тщеславия, заметно сразу же, с первой минуты знакомства с ней, она и на актрису-то непохожа. Но есть в ней еще какое-то упорство, быть может, упрямство, а в общем-то редкая основательность жизни в искусстве, которая вызывает уважение.

Тем с большим интересом следим мы за ее работами сегодня, хотя по таким последним ее картинам, как «Долгая дорога к себе», «Карантин» и другим, видно, что ролей масштаба Анны Сниткиной или героини «Рассказа неизвестного человека» она сегодня не играет, а пытается по мере сил бороться с предлагаемым ей драматургическим материалом.

Вот такие два примера. А что же другие актеры, нынешние, совсем еще молодые?

Как интересно наблюдать за ростом актера, его взрослением, мужанием из роли в роль! От первых, робких, неуверенных шагов в искусстве, когда ты еще только счастливо найденное лицо, благодарный типаж, фактура, пока сам великий режиссер начинает вдруг смутно осознавать, что без тебя ему уже

трудно существовать. Что возникает

счастливого единомыслие в творчестве. Даша Михайлова (мы еще привыкли так, по-детски, ее называть) впервые снялась тонконогим, ломким подростком, совсем еще ребенком, в прелестной картине «Голубой портрет». Ее взяли из шестого класса прямоком в очень нелегкую, сложную картину, смысл которой тонок и смутен, и, казалось бы, девочке и ни к чему вникать в прихотливую вязь художнических размышлений о сути детства, о соприкосновении со взрослой жизнью, о верности и предательстве, о неистовости мечты. Но каким-то не осознанным еще, наверно, чутьем она поняла все это. И ее исполнение стало звенящим, тревожным нервом картины.

А недавно в телефильме «Еще до войны» по Вилю Липатову, в большом двухсерийном фильме, она сыграла зрелую, драматическую роль, сыграла любовь, ожидание, борьбу за свое счастье, счастливо сохранив все очарование своей непосредственности. Между этими двумя работами пролегли роли у Г. Панфилова («Валентина»), И. Таланкина («Звездопад»), И. Авербаха («Объявление в любви»). Заметьте, ее снимают крупные режиссеры.

А впервые она снялась у дебютанта Геннадия Шумского, такого же новичка в кино, каким была и она сама. Молодые актеры приходят в кино вместе с молодыми режиссерами и сценаристами.

Ольга Машная тоже совсем недавно играла школьницу в детском фильме «Все наоборот». А потом судьба свела ее с Динарой Асановой. В таком же, еще детском качестве, с этим необычным, совсем неправильным, но очень выразительным лицом выступает она в ее телефильме «Никудышная» — печальном рассказе об одной неприкаянной девочке, которая наконец попадает в добрые стариковские руки. В последней картине Д. Асановой, «Пацаны», очень жестком рассказе о так называемых трудных подростках и о том, какая невероятная работа — вернуть их снова в общество, его полноценными гражда-

Фото: Игорь
Григорьев

ЗОДЧИЕ БУДУЩЕГО ФИЛЬМА.

Мы начали с тех, чья судьба в кино складывается удачно — пока. Но едва начавши список, чувствуешь, что можно продолжать его сколько угодно. Так это же хорошо! — могут заметить. Конечно, хорошо, фильмов много, среди них фильмов о молодежи становится все больше. И естественно, казалось бы, появление все новых и новых имен, но...

Сейчас ведь модно: что ни фильм, то новая актриса. Получается, если открыли актрису (а попробуй ее открыть!), то уж снимают несколько лет подряд в самых различных ролях — подходящих и неподходящих, или, наоборот, в ролях, бесконечно повторяющих друг друга, а потом она на многие годы почему-то выпадает из поля зрения режиссеров.

Другая сторона той же медали — мелькание новых лиц. Почему той же? Да потому, что за этим стоит, как ни странно, лень мысли, лень ума... Зачем в самом деле работать с актером уже признанным, извлекать из него на свет некое новое «я», не проще ли пригласить юное существо, которое уже тем будет хорошо, что никому не знакомо? Юное, непримелькавшееся.

Здесь происходит, по сути, подмена понятий: неопытность героини и неопытность актрисы — это ведь совсем разные вещи. Открытие героя и открытие актера далеко не всегда совпадают. Режиссеру, особенно молодому, часто кажется, что новое лицо — это квинтэссенция жизни, что известный актер на-

когда-то она от них ушла, и вот теперь дочь решила ее вернуть на стезю доброты.

Могут возразить: чем вы, критик, недовольны? Ведь, казалось бы, эти ваши примеры как раз и опровергают ваши же собственные постулаты!

Но мне вспоминается случай с картиной «Чужие письма». Там некую очень правильную девочку с ханжескими и демагогическими наклонностями, по имени Зинка Бегункова, сыграла юная Светлана Смирнова. Это стало поистине открытием характера, о котором дружно писала вся пресса. Как дальше складывается творческая судьба Светланы Смирновой? Она снимается и работает в Ленинградском ТЮЗе, играет во многих фильмах, но разве сыграла она в кино за прошедшие несколько лет что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее ее Зинку Бегункову? Интересная ее роль в картине «Впервые замужем» — все равно только отблеск все той же Бегунковой.

Вот в чем вопрос. Да, в тех фильмах, что здесь упомянуты, молодые исполнительницы показали, что они могут быть актрисами. Могут. Значит, они заслужили право на то, чтобы так именно к ним и относились — как к актрисам, а не как к типажам. Но кто даст гарантию, что завтра новый кинорежиссер захочет увидеть их в новом качестве, а не предложит опять зрителю новое личико? И так до бесконечности.

Даже новых актеров как-то так, слу-

От нее, от этой самой квазипсихологической драмы, и пошли, наверное, у нас на экране эти стертые актерские лица, похожие, как понедельник на вторник, а вторник опять же на среду. Все более или менее симпатичные, обаятельные, но неуловимо исчезающие из памяти. Фильмов много, дебютов тоже не счесть, а актеров... Актеров мало. Напишет, правда, какая-нибудь школьница с просьбой прислать ей фото какого-нибудь новенького обаятельного актера, но такие ведь зорко следят за калейдоскопом лиц, да и не в актере тут дело, а в том, что пока еще заменяет ей неуловимый и неощущаемый мужской «идеал»...

Ох уж это обаяние! Тоже немало бед наделало оно в нашем кино. Я вспоминаю, как однажды Василий Макарович Шукшин сказал мне, что его пугает обаяние современных молодых актеров. Пугает потому, что снимает сразу множество проблем, обаяние — как бы знак героя, узнаваемого, милого, похожего, знак, за которым пустота.

Похожий... На кого похожий? На человека в жизни, на себя, на меня, на твоего соседа по квартире? На это великое множество непохожих лиц? И тем не менее у нас последние время в кино восторжествовал именно «похожий герой», похожий, наверное, в среднестатистическом смысле — в меру красивый, в меру некрасивый, в меру городской и в меру деревенский, всего понемножку. А вернее всего, что похожи у нас актеры друг на друга, поэтому так

ПОСЛЕ ДЕБЮТА

актеров кино —

нами, мы снова видим Ольгу Машную, хоть роль ее и невелика; но ведь этот фильм — своего рода коллективный портрет, и надо уметь вписаться в него тонко и тактично.

Сегодня, когда мы говорим о молодой волне в советском кино, не просто о сумме тех или иных имен или удачных фильмов, но о целом поколении, принесшем на экран свой взгляд на мир, свое отношение к жизни, приятно видеть, что есть такие совсем еще юные актеры, которые могут по праву стать рядом с режиссерами, сценаристами, операторами. Они тоже несут свою правду о герое, стремясь положить свои краски на общую палитру, где творится портрет современника.

И стоит ли удивляться, что Глеб Панфилов смело приглашает в свой новый фильм «Васса» на роль Натальи, изломанной, отравленной дыханием дома Храповых и Железновых, совсем еще юную Машную?

Итак, две эти актрисы, а к ним вполне можно было бы прибавить и Марину Левтову, и Татьяну Акулову, и Татьяну Догилеву, и многих, многих других. И если говорить не об актрисах, а об актерах, то и здесь примерно та же тенденция. Как правило, наиболее интересные работы их — опять-таки в фильмах молодых режиссеров, драматургов. В картине А. Миндадзе и В. Абдрашитова «Охота на лис» сразу обратили на себя внимание — острой, нервной, неординарной манерой игры — Игорь Нефедов и Дмитрий Харатьян. Оба сыграли очень «трудных подростков», из тех, что калечат себе жизнь в ложно понятой свободе вечерних передвижений. Потом, уже в фильме Сергея Соловьева «Наследница по прямой», И. Нефедов очень интересно разворачивает тему инфантилизма. И четко врезался в память Д. Харатьян в ленте «Плывут моржи» — в роли сына, холодно и яростно рационального, бунтующего против поздней любви своей матери. В обоих случаях молодые актеры выступают на равных с режиссером в сложном размышлении о судьбах поколения.

рушит вольное течение этой жизни на экране. Зритель будет невольно следить за актером — не за героем. То есть тяга к документальности, которая столь модна ныне в кино, как бы уже предполагает вовлечение новых, непримелькавших лиц. Между тем какое заблуждение! Сколько раз уже писалось, что профессия актера в том и состоит, чтобы быть человеком тысячи лиц. Непрофессионал же способен сыграть (как правило!) только самого себя. Но сегодня веяние таково, что и профессионального актера призывают порой играть как непрофессионала, играть «жизнь врасплох».

Разве в новом лице — открытие нового характера? Оно может быть, а может и не быть — дело здесь все равно в актерском (и в режиссерском) мастерстве, а если его нет, то не будет и открытия.

Можно, конечно, для каждого нового фильма брать нового актера: это останется, однако, только иллюзией смены характеров, только калейдоскопом, в котором стеклышки бренчат и мелькают. Разве режиссер не должен интересоваться личностью актера, тем, что завтра будет с найденным им сегодня исполнителем?

Почти одновременно вышли недавно на экран, скажем, «Взрослый сын» и «Сцены из семейной жизни». И там и здесь — молодые актрисы. Марина Яковлева и Ольга Гудкова. Ничего не скажешь, очень хорошо играют обе девушки. Во «Взрослом сыне» перед нами такая девочка из детского дома, которая неожиданно попадает в очень респектабельное и рационально выверенное семейство, где пала считает, что сыну еще рано заниматься всякими там — нет, не «любовями», это пожалуй-ста, но только не всерьез, чтоб не было женитьбы. И на эту девочку, похожую на плюшевого медвежонка, вдруг обрушивается горе горькое и такое тяжкое испытание, которое, казалось бы, напроць должно сломить ее. А вот не сломило. Очень все это точно передает юная актриса.

Еще сложнее роль у Марины Яковлевой в «Сценах из семейной жизни». Она играет дочь, которая вдруг узнает, что у нее есть мать — где-то там, на стороне,

чаются, подбирают, что они становятся словно бы не новыми, скажем, в фильме «Искушение» актер Юрий Шлыков, кажется, так специально и подобран, чтобы не «сплотиться» в зрительской памяти, мягко соскользнуть в «поток», лишь бы ничем не выделиться, не запомниться, не запасть в душу. Авторы, по-видимому, хотят сказать нам: вот он такой — никакой, их сегодня много, в нем нет ни плохого, ни особенно хорошего, ни доброго, ни злого (перед нами преуспевающий кандидат наук, направляющийся в собственной машине на юг, к дочке профессора, с которой решил — как удачно! — сочетаться законным браком). Да, такой и впрямь может затеряться среди ласкового шороха автомобильных шин, неназойливого шлеста служебных бумаг, тусклого выскерка натурального дерева модной мебели. Все это так, нам понятно, но если один такой, второй, третий? Схема «ясноглазого счастливого» кочует из фильма в фильм, его играют актеры разные: А. Мартынов, Б. Щербакова, другие. Мы называли имена, которые мелькали уже не в одном и не в двух фильмах. И разве актеры виноваты, что кино подгоняет их под некий почитаемый им некий стандарт, бродящий из картины в картину?

«Сотри случайные черты...» Ах, как хочется порой этой исчезнувшей «случайности», непредусмотренности, неожиданности, непохожести! Да, да, поверьте, товарищи авторы и режиссеры, мы уже усвоили вашу «схему» типического, общего в ней. Мы теперь хотим разглядеть единичное, отличное. Хотим не убедиться, но удивиться — «лица общим выраженьем» (замучили цитаты, но у великих на каждый случай — своя мудрость).

Сплошь и рядом на экране такие жалкие кустарники правдоподобия, где и листья-то те же, что у всех, и серванты, и «стенки», и прически, а жизнь в отличие от реальной настолько невыразительна в своей скучности, в убогости страстей, что, кажется, действительно назад, назад — к условности театра масок, к гротеску, к фантастике, к чему угодно, только не к этой так называемой психологической драме.

и трудно отличить их одного от другого в мелькании кадров.

Итак, похожий актер, похожий герой. Правда, неизвестно, на кого похожий. Когда-то были у нас Борис Андреев и Николай Крючков, Марк Бернес и Петр Алейников и многие, многие другие. Почему их нельзя было спутать друг с другом? Фильмов было меньше? Да, может быть. Талант? Но не было еще великих актерских свершений в работах тогдашних молодых. Уж таким простецким казался Молибога или Ваня Курский! Герои Алейникова — типичные парни тридцатых годов. Значит, они были похожи? Но то была похожесть не суетно-внешняя, похожесть эта во множестве людей, которых мы угадываем за каждым героем, в плотности, осязаемости жизненной атмосферы. Недаром Алейников окончил свою жизнь в кино на такой высокой драматической ноте — удивительной роли в картине «Утоление жажды». Это был, казалось, тот же простой-простецкий работник, но какая большая жизнь (так и хочется привести здесь эти слова без кавычек!) вставала за ним!

И потом — молодые Михаил Ульянов, Олег Стриженов, Вячеслав Тихонов, Алексей Баталов, Николай Рыбников, какие все разные, непохожие дарования!

Конечно, облик современного человека формируется сегодня, на наших глазах, в сиюминутных деталях, мелочах, в ускользающем движении времени... Почему-то обязательно эдакая некрасивая краснота, подростковая угловатость, раскованность и непринужденность в манерах и прочее, и прочее...

Ощутимо хочется непохожего актера. Такого, скажем, каким был Евгений Урбанский в свое время — крупный, мрачноватый, нависающий, как скала. Хотелось такого актера, который смог бы рассказать нам о нас же самих незнаемое, неведомое. Поломать эту скучно-обаятельную схему сервантного правдоподобия.

Хотелось увидеть непохожего актера, который взорвал бы прилизанный «сад камней». Пусть он будет красивым. Или некрасивым.

Хотелось встретить на экране непохожего актера.

О

бычно Толик сам за почтой не ходил. Почтальон, ефрейтор Лазурко, числился заряжающим в его расчете, почту для своего командира отбирал заранее еще в поселке и доставлял прямо в казарму. А тут Толик забрал в учебный корпус, где помещалась комнатуха почтаря, по своим делам и от нечего делать заглянул к нему сам.

Лазурко, по обыкновению угрюмый — был он намного старше всех солдат в подразделении, успел на гражданке закончить институт и обзавестись молодой женой, — коротко взглянул на Толика своим обычным тяжелым, укоряющим взглядом за что взглядом и, не сказав ни слова, вручил газеты за несколько дней и письмо в голубом конверте.

За два года службы Толик выучился с одного взгляда угадывать, от кого письмо, но этот почерк, очень крупный, неловкий, был ему вообще неизвестен. Обратного адреса не нашлось, и он сразу решил, что послание наверняка от какой-нибудь отчаявшейся подружки из тех, что пишут наобум солдатам, предлагая чистую дружбу. Затолкав газеты и письмо в карман, он, нахвистывая, зашагал в другой конец корпуса, к мастерской хозяева.

Несколько дней назад Толик, наконец, собрался и отнес брюки от своего парадного мундира полковому портному Мансуру. У всех его друзей-дембелей парадки давно уже были «сделаны» и в священной неприкосновенности хранились в каптерках вместе с другими «дембельскими вещами» — блестящими, негнувшимися, гладкими, пахнущими особым запахом новых вещей.

Мансура в мастерской не оказалось, но Толика это ничуть не расстроило. Спешить ему было некуда — до ужина почти два часа, а в караул его сегодня не поставили. Он уселся на ободранный стул и полез в карман за газетами. Из них выпало письмо. Чуть подумав, он решил начать для смеха с него. Первым делом изучил штемпель на конверте. И разобрал название своего родного города.

Разница во времени между ним и местом, где Толик служил, составляла шесть часов, и он никогда не мог себе сразу представить, как это может быть, что там еще люди возвращаются домой из гостей, со свиданий и последних сеансов кино в то же самое время, когда здесь он, уже проспав ночь, поднялся по команде и идет строем в туалет перед утренним кроссом. Каждый раз ему необходимо было совершать усилие, чтобы заставить себя поверить в то, что там сейчас продолжается самая настоящая жизнь. Гораздо естественнее было чувствовать, что там, где его сейчас нет, жизнь и люди замерли, как на фотографии, и снова оживут, как если бы механик включил киноаппарат и люди побежали по экрану, лишь когда он снова окажется там. Он, конечно, знал, что это не так, его убеждали в обратном письма, радио, газеты, телевизор, и все-таки ощущение преращения, нереальности жизни там всегда было первым.

Толик по привычке взрезал конверт кривым связистским ножом.

«Здравствуйте, Анатолий Ефимович!

Вы меня не знаете. Пишет Вам сестра Наташи, двоюродная. Я знаю, что Вы пишете Наташе и она Вам. Но я должна Вам сообщить неприятное известие. С Наташей случилось несчастье, сейчас она в больнице. Ей делали уже две операции. Они прошли успешно, врач-хирург был очень хороший. Ведь она попала в нашу больницу, это хорошо, ведь у нас ее все любят. Но она до сих пор без памяти — было очень сильное кровотечение.

А Оля сейчас у меня. Если надо уйти, оставляю ее у соседей. Но Вы не беспокойтесь, они люди очень хорошие.

Вчера я была на дежурстве, я ведь тоже медсестра, как Наташа, и сейчас дежурю около нее. Она, бывает, бредит, и мне показалось, все время называет какое-то имя. Вроде бы Анатолий, но, правда, я недослышала. Вот и решила Вам написать. Чтобы Вы знали, какое у нас горе. И почему Наташа Вам сейчас не пишет. Чтобы Вы не обижались на нее и не подумали чего плохого.

Анатолий Ефимович, может, Вы попытаетесь приехать побыстрее? Попроситесь у своих командиров. Виктор Сергеевич, лечащий врач, говорит: «Хорошо бы, если сейчас с Наташей был близкий человек». А Вы знаете, что она давно с мужем не живет, мама ее проживает и работает в другом городе с другим человеком, а отец ушел от них, когда Ната была еще маленькой. Так вот у них несладко сложилось.

Если Вам не удастся приехать побыстрее, не переживайте сильно. Приезжайте тогда, когда сможете. Будем Вас с Оленькой ждать. Станет Наташе лучше, напишу сразу. Елена».

Толстыми, негнувшимися пальцами, ставшими вдруг неудобными, Толик осторожно сложил письмо, сунул в конверт, спрятал в карман. Потом шел по коридору. Потом стоял на цементных ступенях перед входом в учебный.

Было уже совсем темно и очень холодно. Вокруг пустынного бетонного плаца горели фонари, и его светлая поверхность выглядела ровной и упругой. Толик размеренно вдыхал плотный, как куски льда, промерзший воздух. Плац был пуст, потому что развод суточного наряда еще не начался — караул грелся последние минуты в казарме. Летом в это время наряд давно бы переминался на плацу, а теперь, когда морозы принялись давить чуть ли не с первых чисел октября, ребята выгадывают последние теплые минуты перед разводом до упора. Хотя каждому известно, что на развод лучше не опаздывать — самая плохая примета, весь караул потом по-дурному идет... «Так что делать?» — вдруг, как проснувшись, подумал Толик. Как назло, Ерохин, командир его батареи, уже уехал за молодыми, майор Прыдко в отпуске, а замещающему его капитану Агееву ничего не объяснишь — не захочет понимать, у них с Толиком свои счеты.

Медленно брел он по плацу к своей казарме. Был он один на белом бетонном полотне, выхваченном фонарями из темноты, под черным и твердым, как темное стекло, небом, на котором проступили крупные редкие звезды. На каждый его шаг бетон отзывался гулко, будто была под ним бездонная темная пучота.

Навстречу ему из-за угла казармы вдруг вывалилась, тяжело поползла, неся над собой ровный слой белого пара, колонна караула. У ребят в строю были спокойные, беспечные лица.

Пропустив строй, Толик оказался прямо против площадок спортгородка, обнесенного металлической сеткой. Ветер и мороз занавесили ее темными лоскутьями листьев с росших вокруг кленов. Была его последняя осень в армии, самый конец октября.

После ужина Толик отвел восемь человек, не заступивших в наряд, среди которых был и Лазурко, в клуб, на фильм. Когда вернулись в казарму, быстро назначил дежурных и отправил всех спать. Сам вышел покурить в предбанник и наткнулся там на двух ребят из своего призыва. Арнис и Мартин, оба тяжелые, невозмутимые, говорили друг другу что-то по-литовски. Но Толик сразу понял, о чем они толкуют. О чем рассуждают дембеля за две недели до увольнения!

Арнис и Мартин чуть раздвинулись, чтобы Толику было удобнее встать с ними. Он встал. И вдруг обнаружил, что не может стоять так же расслабленно и улыбаться, как они. И только потом вспомнил, почему. А полчаса назад в клубе вдруг поймал себя на том, что весело смеется какой-то ерунде вместе с ребятами из взвода управления, словно ничего и не случилось. В нем было теперь как бы два человека — прежний, ни о чем не подозревающий, и новый, все знающий, — и время от времени каждый из них с недоумением натянулся на другого.

ИСХОДНЫЕ

Игорь СЕРКОВ

РАССКАЗ

— Первый эшелон через двадцать дней, — сказал Арнис и улыбнулся. — Только нам еще не скоро.

— Почему? — не понял Толик. — Вам же тоже сначала до Москвы.

— Было, — еще больше развеялся Арнис. — Теперь в другую сторону. Дан приказ ему... — затянул он.

— Если государство прикажет быть героем, солдат ответит: «Есть!» — важно подняв палец, сказал Мартин.

Школа старшего лейтенанта Серебрянского — тот иногда днями напролет словами из песен и частушками разговаривал. Особенно на строевой, когда уже ноги отваливаются, любил подбодрить: «Сладку я году ели вместе, горьку я году ешь сама!» И ведь помогало.

— Веселей, ребята, повезло вам — бам! бам! — не мог остановиться Мартин.

А Толик уже понял, о чем они — решили все-таки податься на БАМ, хотя два года только и слышно было: Каунас, Тракай...

— Хочется еще срок в шерстяных ботах походить, — подмигнул Мартин. — Понравилось.

В батарее Серебрянского валенки иначе не называли.

Арнис легкомысленно, не похоже на себя, махнул рукой:

— Еще два года походить, не помрем ведь. Чего с нами от этого будет? Каунас не убежит. — И совсем по-сибирски добавил: — Ну!

Курить Толику почему-то расхотелось, и он вернулся в казарму. Проходя мимо тосковавшего у тумбочки дневального, приказал разбудить себя за полчаса до подъема. А потом он долго никак не мог согреться под тонким синим одеялом, пришлось встать за шинелью. Стало тепло, но заснуть он все равно не мог.

Отпуск он заработал летом на тактических учениях с боевой стрельбой. Летел домой в чужом, поновее, мундире, с чужим портфелем — собирали его, как принято, всем подразделением — жадный, нетерпеливый и добрый. Такой нетерпеливый, что пришел в самое настоящее отчаяние, когда выяснилось, что придется чуть ли не сутки проторчать в городе, потому что билетов на два ближайших рейса в Европу уже не было. В аэропорту Толик наткнулся еще на одного парня из своей части, днем они бродили по городу, мылись в гражданской бане и смотрели индийский фильм про любовь, а ночью дремали по очереди в одном кресле. И все время они что-нибудь непрерывно ели.

В Красноярске, где была единственная посадка, они ели в буфете рубленные шницели размером с хорошую ладонь, потом искали туалет, а потом патруль проверил у них документы, и у его спутника срезали лишнюю лычку и сняли гвардейский значок, который он специально раздобыл перед отпуском.

А дома ничего необыкновенного не случилось. После двух дней одних и тех же вопросов и ответов Толик вдруг почувствовал себя там лишним, словно его место было не в городе, где он родился, не в доме, где вырос, а там, в части, на Дальнем Востоке. Друзей почти не осталось — одни служили, другие разъехались. А оставшиеся жили уже какой-то иной, далекой жизнью. Мать почтительно хлопотала вокруг него, но разве об этом мечтал он целый год по ночам в казарме или, дубая от холода, на посту?

Но день на пятый он увидел в длиннющей очереди у кассы кинотеатра Наташу. Она была одна и стояла близко к окошку. Кто-то рассказывал Толику о таком способе знакомиться, и он подошел и попросил ее взять ему билет. Зачем-то добавил: «Я вообще-то солдат». Наташа засмеялась и, когда подошла ее очередь, сказала кассирше: «Два, пожалуйста». Билеты, естественно, дали на два места рядом.

После фильма он проводил Наташу к Лене. Она сказала, что ей надо забрать Олю. В мыслях у Толика было совсем другое, и он как-то плохо воспринимал то, что она говорит. Спросил, правда: «А кто это — Оля?» — но сам прикидывал при этом, как будет договариваться с Наташей встретиться завтра.

— Это такая маленькая девочка, — сказала Наташа.

Больше она ничего не сказала, а он ничего не спросил, сразу решив, что Оля — дочь Лены.

Потом Наташа продиктовала ему свой телефон. Когда он возвращался домой, в голове у него возбуждающе шумело, он радостно говорил сам с собой, благоразумно убеждал себя, что пока еще ничего не произошло, спокойно. С каким-то необыкновенным удовольствием он протянул две кружки свежего пива с сушками, обсыпанными крупной, как осколки стекла, солью. Невольно улыбаясь, сильно двигая плечами, закурил.

Теперь Толик просыпался рано, вместе с родителями, и с утра был всем доволен и беспечно весел. Договорившись с Наташей о встрече, он выходил из дома намного раньше, чем это было нужно, чтобы добраться до места. Ему нравилось ощущать себя мужчиной, которому предстоит свидание с такой девушкой. Если Наташе надо было, они объезжали десяток магазинов, и он терпеливо выстаивал самые длинные очереди, таскал от ее дома к дому Лены и обратно тяжеленные сумки. И ему нравилось все. Но, конечно, больше всего часы, когда они были вдвоем в ее квартире. А Олю и Лену он так и не увидел.

Дни тогда были по-летнему жаркие, и два раза они выбирались за город купаться. Правда, Наташа себя неважно чувствовала и сидела на берегу, а он много плавал настоящим кролем и нырял с железного моста. Забирался на узкие, со спичечный коробок, тонкие перила, которые ходили под ним ходуном, и долго стоял, качаясь и удерживая равновесие движениями всего тела, понимая, что Наташа смотрит на него. Толик знал, что смотреть на него приятно, и не спешил нырять. Несколько смущало его то, что ноги у него были странно белыми по сравнению с загорелым телом. Но он объяснил Наташе, что таков уж солдатский загар: загораеть-то во время физподготовки и хозяйственных работ в форме номер два — голый торс, но в брюках и сапогах.

Оба раза Толик одалвался и возвращался в город с сожалением. Там он почти все время чувствовал себя новорожденным. Ему все время казалось, что вот сейчас Наташа скажет, что ей пора, и уйдет, и он ничем не сможет ее удержать. Особенно часто это чувство стало наваливаться на него, когда он узнал, что Наташа была замужем. Ему хотелось, чтобы их отношения зависели не только от

ДАНИЕ

Наташи, иногда эта зависимость представлялась ему унижительной, но дальше этого дело не заходило. С ней можно было говорить о чем хочешь, она понимала все. Толик даже рассказал ей всю свою историю с баскетом. И первый раз он рассказывал ее так подробно и откровенно.

...Сначала они тренировались в спортивном зале Дворца машиностроителей. Зал был огромный, с коричневым полом, голубыми стенами и большими окнами под самым потолком, прикрытыми от ударов мячей решетками. И были два кольца на синих щитах с изодранными старыми сетками, и во время разминки до них надо было дотянуться мокрой ладонью всякий раз, когда пробегаешь под щитом. И ты тянешься и тянешься к кольцу рукой и еще не можешь дотянуться... Возвращаясь домой, ты еле волочишь за собой от усталости сумку, в которой всего-то мокрые и вонючие от пота трусы, майка, носки, кеды и полотенце. Три раза в неделю ты стираешь их сам, изводя всякий раз чуть ли не пачку импортного порошка, за который тебе достается от матери. И делаешь это не только потому, что мать отказалась возиться с этим бараклом, уверенная, что баскет мешает учебе и что из-за него ты не поступишь в институт, а она уже тогда только об этом и мечтала, — а потому просто, что даже стирать и гладить его тебе нравится самому. И это только начало.

Потом тебя начинает забирать все сильнее. Потому что уже начались игры, и ты узнал, что такое играть по-настоящему, когда зал набит орущими людьми, прижавшимися к стенам и следящими за каждым твоим движением, а ты не видишь ничего, кроме белых маек «своих», новенького ярко-оранжевого мяча и кольца с новой белой сеткой, резко сужающейся внизу, из которой брошенный тобой мяч, раскачиваясь, вываливается медленно и нехотя, словно подчеркивая твою торжество. И все заоружено смотрят на него. И ребята играют на тебя, потому что сегодня ты неудержим. А твой взгляд прикован к кольцу, к которому опять летит мяч, а твоя правая нежно описывает его движение, словно бережно охраняя его в полете, но уже не потому, что ты помнишь, как тебя учили не опускать резко руку после броска, — ты не опускаешь ее потому, что бросок у тебя уже идет естественно и механически совершенно, как дыхание. И хотя до щита несколько метров, ты как рукой вкладываешь мяч в кольцо. А дома ты ешь сахар прямо из пакета, потому что сахар нужен для роста и крепости костей, а тебе ничего не нужно в жизни так, как рост и сила.

Было время, когда ты играл первым.

После игры торопливо моешься под душем, если он есть и вода не отключена, а потом с достоинством и небрежностью посвященного возвращаешься в зал, где уже играют ребята постарше. После вас играют целых три команды. Через год уже две, а там и одна. Сначала ты просто смотришь, как играют старшие ребята, а потом смотришь и думаешь, что из одних может что-то получиться, а другим можно смело завязывать, потому что бесполезно. Можно, конечно, и поиграть для здоровья, усмеваешься ты и толкаешь локтем своего партнера: «Пашет Саня, старается...» И он понимающе усмеваешься тебе в ответ, потому что он думает о том же. И вы еще не знаете, что и вы уже разделены на тех, кому дано, и остальных.

Но приходит и твоя очередь. Однажды на тренировке ты задумываешься вдруг о том, почему бросок, который у тебя никак не получается, у тощего веснушчатого Софронова, тайком курящего и выпивающего, пошел сразу. А во время игры ты никак не успеваешь за парнем, которого тебе поручили прикрыть. Ты очень хочешь успеть. Ты из кожи лезешь от усердия. Но ты не можешь. И в перерыве ты ждешь упреков, но тренер молчит и смотрит на тебя спокойно и даже ободряет. И тут до тебя доходит — он уже знает. И ты понимаешь, что он знает.

Сначала, конечно, не веришь и хочешь доказать всем, что это ошибка. Ты очень хочешь доказать. Может быть, первый раз в жизни тебе так хочется, больше всего на свете. И только об этом и думаешь. Терзаешь себя на

тренировках, встаешь затемно и опять начинаешь гонять гудящее от недосыпания тело. Кажется, что все зависит от того, сколько километров в день набегаешь, сколько часов проторчишь под щитом. И так, пока не поймешь, что от этого зависит многое, но совсем не все.

Перед игрой ты смотришь на тонких длинноногих мальчиков в белых майках и красных трусах, самозабвенно, отрешенно от всего мира разминающихся в раздевалке и слышащих только приглушенные выкрики, доносящиеся из зала. Это ребята из твоей команды, и ты один из них. И вроде бы единственное, чем вы отличаетесь — номера на майках. Но это не так. Вы давно уже разделены на тех, у кого есть будущее, и тех, у кого его нет. Разумеется, речь только о баскете. Но ведь тогда ты не мог себе представить свою жизнь без него. И одним из вас дано много, а другим так мало, что скоро оно перейдет в новое качество — в ни чего. И скрыть это превращение невозможно. Оно очевидно для всех. И для тебя самого тоже. Можно пытаться не замечать его какое-то время, но однажды оно станет столь явным, что останется только смириться. Да тебе и не дадут не замечать его долго. Тебе напомнят об этом безжалостно, на глазах у всех — в игре посадят на скамейку, выведут из основного состава, не возьмут на сборы... А результат всегда один — признать свое. Можно загонять себя на тренировках, надорвать сердце, измочалить, порвать мышцы, можно мучиться завистью, можно попробовать пить... Да мало ли что можно! А нельзя всего-навсего одного — играть так, как те, кому дано. И никто в этом не виноват. Никто. Не мать же обвинять, что родила не такого...

— О господи! — не выдержала Наташа. — Никак не пойму, чего тебе так не хватало! У тебя такие данные...

— Вот именно данные, — хмыкнул Толик. — Кем-то данные, а больше подзаниять негде. Я бы себе выбрал не такие. Во-первых, рост. Играют ребята и поменьше — и как играют! Но у них все другое — подвижность, резкость, пас, бросок. А у меня... Если бы я хоть выбрасывал стабильно, а то один день попадаю, а другой — никак. Что вот у меня действительно было — в игре я очень заводной. Проигрываем безнадежно, все встали, а я убиваюсь, как будто от этого жизнь зависит. Мне с моими данными еще бы сантиметров на пятнадцать подрасти... А я в пятнадцать лет расти перестал. Сколько тогда было, на том и остановился. Вернее, вырос — на два сантиметра. Каждый день рост измерял — бесполезно! — засмеялся он.

— И что же было потом? — как-то странно-нетерпеливо спросила Наташа.

Толик пожал плечами.

— Я решил стать тренером.

— Так прямо сразу и решил?

— Не знаю. Наверное, все-таки не сразу. Может, потому, что я уже учился в техникуме и решил... Хотя нет. Как-то это само собой получилось.

— Ах, само собой. — насмешливо повторила Наташа. — Слушай, а у тебя не появлялось желания вообще бросить это занятие?

— Бросить? — удивился Толик. — А почему?

— Ну, раз из тебя не может выйти по-настоящему хорошего игрока... — нетерпеливо принялась объяснять она.

— Конечно, жалко, что так получилось, — медленно сказал Толик. — Но я могу стать хорошим тренером. Действительно хорошим.

Он чувствовал, что-то в его словах раздражает Наташу, но никак не мог понять, что именно. Он внимательно посмотрел на нее, словно это могло помочь.

Наташа сидела, опустив голову. Локти она поставила на столик, и ее узкие плечи приподнялись под тонким, светлым свитером, а легкие светлые волосы прикрыли лицо. Узкой ладонью с проступающей по запястью зеленоватой развилкой вен она зачем-то пыталась накрыть пивную кружку. Но ее ладони для успеха этого предприятия было явно недостаточно.

— Но играть сам ты уже не будешь? — сказала она, разглядывая свою руку.
— Почему? — осторожно ответил Толик. — Буду. За институт, например.
— Ну да, — Наташа, не поднимая головы, сосредоточенно продолжала свои упражнения с кружкой. — И делать по утрам зарядку.

— Да, а что? — сказал Толик.
И тут-то он, наконец, понял ее. Дошло. Он понял, что так раздражало ее все время и почему она набросилась на него. Просто она еще девочка, маленькая, жестокая девочка. Она еще ни разу в жизни не пыталась подпрыгнуть выше, чем ей отпущено. Она пока прыгает вполсилы и думает, что все это игрушки. Она еще ни разу, прыгнув изо всех сил, не билась головой в потолок. А он знает, что это за ощущение. Сама не пробовала, а на других бросается. «Сестричка-а-а!» — презрительно протянул он про себя. — Мамочка перед тем, как смяться к новому мужу, сунула ее в медучилище, чтобы хоть куда-то пристроить, а она до сих пор довольна!

— А ты, — грубо сказал он. — Ты не собираешься в институт?
Наташа удивленно посмотрела на него. Интересно, что ее удивило — голос его или вопрос?
— Зачем?
— А ты что же, хочешь всю жизнь оставаться медсестрой? — Толику уже было наплевать на голос, теперь ему хотелось задеть ее посылнее — так, как она его.
— А что? — вяло поинтересовалась Наташа. И усмехнулась: — Тебя это не устраивает?

— Что? Да то, что это сейчас еще пока ничего, вроде нормально. А что ты потом будешь делать с собой?
— Ладно, я подумаю, — примирительно пообещала Наташа. — Главное, чтобы тебя устраивала твоя будущая работа.

— Меня устраивает.
— Ну, вот и хорошо. Тогда, конечно...
«Тогда, конечно!» — задохнулся Толик. — Тогда, конечно! Что она поняла? Жалеет его, дурачка неспособного. А он не потому сделал свой выбор, что больше нигде было податься. Были и другие варианты.

Он взглянул на Наташу. У нее было безмятежное лицо. А она, чем она так счастлива? Подумаешь, как замечательно: она медсестра и с честью выполняет свой долг. И больше ничего ей не нужно! Только это — пока! А лет через десять? Когда ты все та же сестричка-а-а, а впереди ничего, кроме этого «сестричка-а-а!»? Да еще утки, уколы, анализы и клизмы. А она спокойна. Хотя, впрочем, чего ей волноваться, вдруг сообразил он. Чего ей лезть из кожи с такой кожей. Ей же ничего не стоит выскочить замуж за какого-нибудь талантливого хирурга, будущее светило, или молодцеватого усердного майора, слушателя академии, будущего генерала, — и место в жизни готово.

Он взглянул на Наташу. Она улыбнулась ему рассеянно, словно издали. Или так, как улыбаются перед отъездом куда-то тому, кто остается. На какое-то время он замер, будто впервые пораженный тем, как она все-таки красива.
«Да, за желающими дело не станет, — упрямо думал он в следующую минуту, — а ему надо добиваться своего. И он будет добиваться».

Весь следующий день он проторчал дома — валялся на диване и выпил кастрюлю вишневого компота, который наварила мать. Наташа дежурила. Ближе к вечеру он позвонил ей, сказал, что подойдет, как всегда, к больнице.

— Не надо, — сказала она.
— Почему? — спросил он, и сердце забухало у него в голове.
— Я очень устала, — сказала Наташа. — Сутки были тяжелые... У нас ночью умер больной... Будет попутная машина, меня заведут прямо домой...

Толик растерянно молчал. Потом сказал жалко:
— Через два дня я улетаю.
— Я знаю. Ты говорил об этом вчера. Позвони завтра.
— Попробую, — пробормотал он.

— Пока, — сказала она и положила трубку.
Толик позвонил, и они встретились. Сначала зашли в пару магазинов, потом сидели в стеклянном павильончике в парке, пили пиво — Наташа его любила — и слишком много молчали. А за пыльным, в разводах от грязной тряпки стеклом заходило уже пожелтевшее солнце, и в его свете красные клены и прозрачно-желтые, с черными венами веток липы были словно проломы в стене других, еще темных деревьев.

В павильончике вдруг стало темно и шумно от набежавшего неизвестно откуда народа. Кое-кто уже пил пиво стоя, а несколько человек стояли с полными кружками в руках, беспокойно озираясь вокруг, чтобы первыми поспеть к освободившемуся стулу.

— Рабочий день кончился, — улыбнулась Наташа.
— Давай уйдем, — поморщился Толик.
— Куда?
— Все равно. В кино. Куда-нибудь.
— Знаешь, не хочется.
— Но я улетаю завтра. Я уже взял билет на самолет.

Толик полез в карман, достал новенький сверкающий бумажник — он купил его себе на дембель, — вынул из него билет и протянул Наташе.

— Вот.
Почему-то весь день он искал случай показать Наташе свой билет. Желание это возникло у него утром, когда он купил его в городском транспортном агентстве, а к вечеру превратилось в мучительную потребность. Боится ли он, что она не поверит ему, если не увидит билет? Или им двигала темная вера в таинственную, но очевидную для каждого силу, заключенную в обрывке зеленой бумаги с фиолетовой печатью кассы № 8? Ведь теперь в своих и чужих глазах он был неотделим от жуткого и непредставимого в своих размерах пространства, протянувшегося до его части, и в его ощущениях эта бумага придавала особую важность всему, что происходило теперь.

— Уже поздно, — сказала Наташа, возвращая билет.
— Почему? — Толик посмотрел на часы. — Всего...
— Но мне пора, — мягко и настойчиво сказала Наташа. — Лене надо ехать куда-то к семи часам. Не помню куда.
— Ну и что? — подчеркнуто удивился Толик, хотя знал, конечно, прекрасно, куда она так рвется. За Олей, куда же еще?!

— А кто же будет с Олей? — Наташа словно объясняла, почему человеку в час ночи хочется спать.
— Но почему все время Оля! — не выдержал Толик. — Только и слышу: Оля, Оля, Оля... В конце концов чья она дочь?!

Наташа вдруг рассмеялась, так резко откинувшись на спинку стула, что две его передние ножки оторвались от пола. Потом они со стуком вонзились в него.
— Может, ты все-таки скажешь что-нибудь? — обиделся Толик.

— Это моя дочь, — сказала Наташа. — Понимаешь, моя. А я — ее мать. Извини, что я тебе не сказала это сразу.

А потом она мягко добавила:

— Теперь, наверное, мы можем и идти, да?
И она улыбнулась ему. И ее прохладная рука легла на его ладонь, а тонкие пальцы чуть сжались.

Сейчас Толик уже не помнил, как он пережил это известие. Зато помнил совершенно четко: тогда ему и в голову не приходило, что у Наташи может быть дочь. Хотя почему у женщины, побывавшей замужем, не может быть ребенка? Конечно, в Наташе нет ничего похожего на мать, но ведь при этом слове Толик представлял себе всегда свою мать или женщину ее возраста, а когда в его присутствии заходил разговор о родителях и детях, сам он себя относил, естественно, ко вторым.

Ощущение неуютной неловкости и унижительного стыда — вот что осталось в его памяти от этого разговора. Примерно то же самое Толик испытал однажды в детстве: отец вошел в квартиру, когда он шарил в карманах его пальто — искал мелочь на кино.

Помнится, было еще натужное желание выглядеть и вести себя так, будто ничего не случилось. И вдруг мелькнувшая неожиданно радостная мысль, что завтра он улетае. Он должен надолго улечь! И не улечь не может. Это знают и понимают все. И Наташа тоже знает, причем давно, с самого начала.

За два часа до самолета, уже в мундире, Толик позвонил Наташе. Он не знал, что говорить, как держаться, но уехать не позвонив ему показалось недостойным мужчины, и он решился. А Наташа была весела и разговоривалась так, словно уезжал он на пару дней в соседний город, и сразу после его возвращения они увидятся, и она не имеет ничего против этого.

В части Толик сосредоточенно занялся собой. Все, что надо знать в армии, он уже знал, все, что положено, умел. Он был из тех сержантов, которые своим внешним видом, манерой держаться и разумной исполнительностью в сочетании с такой же разумной требовательностью нравятся и офицерам и подчиненным. Но когда командир подразделения майор Прядко решил сделать его старшиной, Толик предпринял все, чтобы этого не случилось, хотя предложение Прядко и было ему приятно. Разубедить Прядко было непросто — он прекрасно понимал, что лучшей кандидатуры не найдет, — но Толик сумел. Прядко очень любил, когда солдаты были с ним откровенны, и в ответ на откровенность или что-то на нее похожее он мог пойти на многое. На этом Толик и сыграл. Настоящая причина его отказа заключалась в том, что начальник тыла их части был убежден: у старшины не может быть свободного времени — и ревностно следил за тем, чтобы действительность строго соответствовала его убеждениям. Толик понимал, что склонить его к другому подходу к действительности вряд ли удастся, а свободное время — много свободного времени — было ему необходимо: весь оставшийся год он собирался готовиться к поступлению в институт, а первым экзаменом там шла специальность, и сдавать ее надо было только на отлично — лишь это давало шансы, — а его специальность баскет, а он уже больше года мяча в руках не держал. Для Прядко, правда, ему пришлось сложить другую версию.

Закончив это дело, он составил себе грамотный план занятий и написал о своем решении родителям, чтобы они привыкли к мысли об его отъезде, потому что в их городе института физкультуры не было. Мать только обрадовалась — она всю жизнь проработала комендантом в студенческом общежитии и всю жизнь мечтала о времени, когда студентом станет ее собственный сын. Где и на кого он будет учиться — эти вопросы ее особенно не занимали. А мнение отца Толик знал заранее: смотри — тебе жить.

Зимой готовиться было просто негде, а летом Толик нашел двух высоких парней из молодых и все свободное время возился с ними под щитом на прямоугольнике кочковатой земли, присыпанной толстым слоем песка. У ребят свободного времени набегало меньше, и когда они были в нарядах или на работах, он выходил на площадку один и бросал, бросал, бросал. Пока не почувствовал мяч. А еще он каждое утро в любую погоду, кроме тех дней, когда были в карауле, бегал километров по пять — семь, чтобы держать форму.

А еще со временем он стал часто вспоминать Наташу, но у него ни разу не появилось обычного для солдат желания рассказать о ней кому-нибудь. Он вспоминал, как они сидели за пивом в парке, как он нырнул с моста, а она смотрела на него, и уже плохо понимал, что же в те дни тяготило и раздражало его. Ведь все было таким необыкновенным, теперь он ясно видел это.

Толик был уверен, что у Наташи нет его адреса, — на самом же деле он просто забыл, как продиктовал его ей в первый же день после кино, когда заикался и потел от волнения, — и поэтому он не мог объяснить ее молчание ее желанием забыть друг о друге. А взять всю ответственность за это на себя... нет, он совсем не хотел быть виновным в этом, вина казалась ему слишком тяжелой для одного. К тому же было неприятно чувствовать себя нашкодившим сопляком, смывшимся от расплаты, и просто очень хотелось написать ей. Он долго мучился над письмом, пока не написал что-то, показавшееся ему сносным. Он написал о том, как он благодарен Наташе за все, и о том, что он даже не знал, что так бывает... Он был уверен, что Наташа не ответит ему, и ему стало заранее грустно.

А она ответила. Не сразу, но достаточно быстро. Письмо Наташи поразило и взволновало его. В нем было ласковое, ненавязчивое дружелюбие, была обаятельная откровенность, на которую сам он не решился, не было ни слова упрека, и еще не было ничего, что Толик мог бы с полным правом посчитать за ее желание признать, что у них все только в прошлом. Так они стали писать друг другу. Толик не задумывался о том, что уйдет из его жизни, если Наташа вдруг перестанет писать ему, но и представить свою жизнь без ее писем тоже уже не мог. Он часто пытался представить себе их встречу, картина получалась захватывающая, но весьма смутная, и он обычно переключался на занятия более безопасные. Не задумывался Толик серьезно и о том, зачем все это нужно Наташе, что-то всегда быстро останавливало его — так инстинктивно отшатываешься от огня, когда пламя оказывается слишком близко.

Последнее письмо от Наташи он получил в сентябре.

А сейчас, в самом конце октября, он лежал под одеялом и шинелью в темной пустой казарме и не мог заснуть, потому что несколько часов назад получил письмо от человека, которого ни разу в жизни не видел. А с Наташей случилось несчастье, и надо ехать туда.

И тут мысль его вдруг соскользнула, понеслась в сторону. Толик зачем-то вспомнил, что Лена — ему рассказывала об этом Наташа — безнадежно некрасива, всю жизнь одинока и никогда у нее никого не было, кроме Наташи, которой она заменила мать, когда та уехала, потом, когда Наташа выросла, сгинула куда-то, поняв, что взрослую Наташу ее заботы лишь тяготят, а потом, словно по команде, объявилась снова, стоило Наташе остаться одной с Олей на руках. Конечно, она теперь с ума сходит от горя. «Попроситесь у своих командиров!» — с невольной усмешкой вспомнил он. Что он, в школе или детском саду? А как он объяснит, кто Наташа ему? Это вообще можно объяснить?

Толик вдруг заметил, что лежит плотно, напряженно скорчившись, втянув голову в плечи, как провинившийся ребенок, ожидающий подзатыльника. Он

Старая открытка с изображением Айседоры Дункан

Евгений КОПЫЛОВ

повел шеей, а мысли уже неудержимо неслись в его голове. Попробуй объяснить это Агееву! Это Прядко поверил ему тогда, когда он отбивался от должности старшины, а капитан Агеев не поверил ничему, потому что догадался, где правда. И с тех пор отношения у них испортились напрочь.

Но даже если бы Ерохин и Прядко были сейчас в части и он мог бы «попроситься», что тогда? Зачем он там нужен? Что это даст? Кто тут что может нормально, разумно объяснить? И почему все уперлось именно в него? В конце концов у нее есть мать, есть муж, с которым она до сих пор не развелась, есть где-то и отец... Да наверняка есть и еще кто-нибудь, она не Лена, на одиночество никогда не жаловалась, желающих побыть рядом с ней всегда достаточно, это он знает точно.

Толик лег на спину — кровать жалобно заскрипела под ним — и поправил сползшую шинель. Получается, теперь он должен расплатиться за то, что ему было хорошо с Наташей. Но ведь ей тоже было не так уж плохо с ним — он же видел. Ей это даже было нужно — все-таки он сумел сообразить это. Зачем?! Да хотя бы затем, чтобы как-то забыть мужа — она же сама сказала ему, что до сих пор испытывает что-то, когда видит его. Что-то! Вполне ясно, что именно. А уж сам-то он как-нибудь перебил бы и без Наташи, нашлись бы боевые подруги, вон их сколько вокруг, только свистни...

Ну, было, было им хорошо! Обоим! Но почему теперь, когда все позади и давно, от него требуют сломать все планы, послать к черту надежды, в которые столько вложено? И все это именно теперь, когда у него есть шанс сыграть наверняка. Ведь сразу после дембеля с рекомендацией от части он точно поступит на подготовительное отделение, прочтется там до лета и наверняка поступит. А если он поедет к Наташе — все пропало. Она может болеть долго, а у него такого шанса уже не будет...

Да неужели каждый мало-мальски знакомый человек — это обязательно долг и обязанность?! В мире каждую секунду страдают и умирают люди, и в то же самое время другие рядом веселы и счастливы. Потому что по-другому нельзя жить! Конечно, есть люди, которым он должен идти на помощь, не раздумывая, но должны же быть и какие-то разумные границы. Жаль только, их нельзя затвердить наизусть, как таблицу умножения в школе или уставы в армии. Чтобы не мучить себя каждый раз.

А уж если совсем начистоту, разве, когда человеку некому помочь, виноват в этом не он сам, а прохожий на улице?

И опять же, если по правде, то возможны были между ним и Наташей только эти ни к чему не обязывающие дни отпуска. Даже вся их переписка была бессмысленной. У них с Наташей общего — ничего. Это только такая, как Лена, может считать, что у них безумная любовь...

И тут в его памяти вспыхнули слова: Наташа называла в бреду его имя... Именно его... Но как-то сразу и просто он рассудил, что бред он и есть бред, а к тому же Лена сама написала, что не расслышала точно — могло быть имя мужа или еще кого-нибудь...

В самом углу казармы кто-то вдруг принялся стонать длинно, жалостно. Невнясно. Толик приподнялся и узнал Лазурко.

— Дневальный! — злобно крикнул он. — А ну-ка, успокой почтаря. Ревет, как... — он выругался. — Попробуй тут засни.

Дневальный, посмеиваясь, растолкал Лазурко. Тот всхлипнул, вскинулся с безумно раскрытыми глазами, потом повалился лицом в подушку и затих.

Толик с удовольствием потянулся и вдруг заметил, что мышцы его чуть вздрагивают от пережитого напряжения, словно Наташа только-только отняла от них свою легкую руку.

Все еще спали, когда дневальный осторожно разбудил его. Толик неторопливо оделся и вышел из казармы. Темнота еще только пыталась блекнуть и расплзаться, но фонари уже не горели. За ночь сильно потеплело, воздух стал сыррым и тяжелым, пахло мокрой землей, подгнившими листьями.

Он вышел за ворота части на дорогу, круто поднимающуюся между двумя дубовыми рощами и упирающуюся через километр в шоссе, потянулся, зевая, и побежал, сначала даже не вынув рук из карманов.

В рощах глухо шелестели непадающие всю зиму темные, бессочные, как бумага, листья.

Добравшись до шоссе, он свернул направо и вместе с редкими машинами устремился дальше. Он бежал, высоко подняв голову. По шоссе он добежит до поворота, к расположенному рядом с их частью понтонному батальону, там свернет и выскочит прямо к учебному корпусу. Как обычно. Все рассчитано.

Как всегда, во время бега он смотрел только в правую сторону и замечал лишь одни и те же предметы, по которым умел точно определять, сколько еще бежать и когда надо прибавить. Он привычно искал их глазами и замечал издали.

А слева тянулось бесконечное поле. Там ничего не было. Оттуда должно было взойти солнце.

Уже у самого учебного Толик перешел на шаг и еще с минуту потоптался на асфальтовом пятячке за корпусом, успокаивая дыхание. И вдруг услышал:

— Товарищ старший сержант!

Он обернулся.

Почтальон Лазурко стоял на цементных ступенях перед входом в учебный и смотрел на него строго и пристально, с мрачной неприязнью. Это был его обычный вид, который давно уже вызывал у Толика лишь улыбку, но тут ему вдруг стало не по себе от этой мрачной строгости, и, чтобы избавиться от неприятного чувства, он специально грубо спросил:

— Ну? Чего там?

— Я сейчас на почту еду. Если у вас есть письма — давайте, сразу отправлю. А то потом придется несколько дней ждать.

— Письма? — переспросил зачем-то Толик. А потом вдруг закивал послушно, забормотал, что сейчас принесет, хотя нести ему было нечего.

Почтальон смотрел на него все так же пристально и серьезно, и он, словно подталкиваемый этим взглядом в спину, побрел к казарме. Идти нужно было, как и вчера вечером, через пустынный плац, но он зачем-то свернул в противоположную сторону, за угол учебного, и испуганно замер там, прислонившись плечом к стене, опустив голову. У него словно не было сил идти через громадный плац под упершимся в него взглядом почтальона.

Тяжело шаркая по размякшей дороге измазанными сапогами, мимо Толика прошла смена караула с пятого и шестого постов. У ребят были осунувшиеся, чем-то неудовимо схожие после бессонной ночи лица. Он смотрел в их спущенные под тяжестью автоматов спины и понимал, как мучительно неприятен, отвратителен он сам себе. Ощущение стыда было столь острым и непереносимым, что он уже не мог просто стоять, а терся плечами и затылком о беленую стену, пачкая известкой спину и волосы.

А за плацем, казармами, полями, дорогами, лесами, городами, островами, из-за безмерного пространства океана всходило солнце. Оно было уже рядом. А там еще ночь, вспомнил он. Там еще эта ночь впереди, и можно прожить ее вместе с ними, вдруг подумал он со страхом и надеждой.

О чем может напомнить старинная открытка, изданная в Киеве в 1916 году? Изображена на ней картина Отто Маркуса «Танцовщица» (Дункан), и напоминает она мне, как ни странно, о послевоенном тяжелом детстве, когда наша страна только начинала зализывать раны, нанесенные войной.

На ней — женщина в легком платье на темном фоне, стоит на пальцах правой ноги, голова слегка наклонена влево, а руки разведены в стороны, будто прыгает, как школьница, играющая в классики на асфальте. Но больше всего меня поражало сходство балерины с нашей учительницей немецкого языка Кирой Давыдовой. И если кто-то из моих одноклассников спрашивал, откуда у меня прыгающая Кирхан, я начинал сочинять. Мол, Кира Давыдова работала в Саратовском театре оперы и балета главной балериной, но война заставила ее перейти к нам учительницей, чтобы научить нас немецкому языку для борьбы с Гитлером.

Жила она напротив нашего дома с мужем Августом Карловичем. Детей у них не было, и они вели замкнутый образ жизни. Изредка она приходила к моей маме и долго о чем-то шепталась с ней, а когда уходила, моя матушка всегда со слезами на глазах подходила ко мне и нежно гладила по голове...

В один из вечеров, когда наша семья готовилась к ужину, в окно с улицы энергично забарабанили. Я первым кинулся в сенцы, радуясь гостям, с улицы послышался женский крик. Сделав шаг во двор, я чуть не споткнулся о какой-то сверток. В это время калитка открылась, и показалась женщина в красивой шубе и с ярко накрашенными губами. С непонятной злостью начала кричать:

— Что же вы, хозяева, не слышите, как ваш ребенок надрыдается, наверное, уже битый час. Я стою, автобуса жду, а плач не прекращается, вот и решила вам постучать. Ага, вон и автобус мой...

Неизвестная укатила, а мы в каком-то оцепенении стояли и не могли ничего понять. Первой в себя пришла мама, она наклонилась над свертком... Кинулась с ним в дом, мы — за ней. Развернули — и остолбенело уставились на мальчика, посиневшего от холода и с картошкой в ручонках. Он ее старательно сосал, вскрикивая время от времени. Мама сразу же заревела, а мы с братом смотрели на страдальца и молчали. Вдруг брат приказал:

— Жень! Дуй-ка к соседям. Нужно что-то предпринять.

Я моментально оделся и пулей вылетел на улицу. У дома соседки тети Дани я остановился и начал тарабанить в ставню. Почему меня толкнуло именно к ней, не могу объяснить. Эта соседка терпеть не могла всю нашу мальчишечью компанию. Мы сами ее побаивались, так она агрессивно держалась с нами. И вот именно к ней я постучал. Увидев меня, она нахмурилась.

— Теть Даня, нам ребенка подкинули! Я побежал к Вовке Долганову, а вы, пожалуйста, идите к нам! — И с этими словами кинулся к Вовкиному дому.

Узнав от меня ошеломляющую новость, он быстро оделся, и мы побежали к нам. В комнате увидели такую картину: моя матушка купала подкидыша, тетя Даня ей помогала, а кучкой стол-

пившиеся соседки обсуждали событие. В дом подходили новые люди, и каждый выкладывал на стол какое-нибудь угощение. Кто морковь, кто конфетку, кто кусочек сахара или яблоко, кто крендель, и эта гора росла и росла.

Только сейчас, по прошествии многих лет, я в состоянии оценить эту сердечность наших людей, прошедших муки войны и сохранивших в себе человечность и способность прийти на помощь другим людям. В этом именно и заключается сила советского человека.

А тогда мы с Вовкой смотрели на эту гору яств и на все происшедшее и диву давались, как в считанные минуты о случившемся узнала почти вся наша улица... Моя матушка в который раз рассказывала соседям о случившемся, как вдруг тетю Даню осенило:

— Наверное, эта сволочь в шубе и подкинула дитя, небось, мальчонка ей помешал...

— Ка-ля-ля, ка-ля-ка-ля... — силится что-то выговорить ребенок.

— Ага, ага, — начала поддакивать ему тетя Даня. — Тебя зовут Коля? Да? Ну, конечно же, Коленка, Колошенька. Сокровище ты махонькое, ягодка ты сладенькая.

В комнату вошла Кира Давыдова. Все замолчали, а Коленка, как его уже успели окрестить, увидев ее, протянул свои порозовевшие ручонки и начал радостно лопотать:

— Ма-ма, ма-ма...

Кира Давыдова с плачем кинулась к Николке и, крепко прижав его к груди, стала целовать, целовать. В это время вошел Август Карлович и, оценив обстановку, стал тактично настаивать, чтобы Кира Давыдова ушла домой, так как ей с гриппом оставаться на ногах нельзя. А та протягивала Николку мужу и, ничего не говоря, только рыдая, показывала всем своим видом, что мальчонка признан в ней мать. Немного успокоившись, она проговорила:

— Август, мы его усыновим? Да? Скажи, да?

Матушка моя приняла ревущего Николку от Киры Давыдовой, и они ушли. Наша семья была не против оставить Николку у себя, но соседи, видя, как тяжело матери растить своих детей, советовали лучше помочь в усыновлении его Киры Давыдовой.

Прошло недели две-три, и счастливая Кира Давыдова наконец обрела сына. Не описать те светлые дни, которые начались для нее. Она и в школе выглядела настолько счастливой, что у нее не поднималась рука поставить кому-либо из нас двойку. Этим мы и пользовались: не выучив урока, начинали упрашивать, чтобы она рассказала нам о Николке.

Прошли долгие годы. И вот я снова в своем родном городе Энгельсе. Долго бродил по улицам и, к сожалению, убеждался, как мало осталось живых среди тех, с кем прошли юношеские годы. От соседней узнал о смерти Киры Давыдовой и Августа Карловича. И вдруг — такая встреча! Из дома напротив вышел молодой мужчина с ребенком на руках, и я услышал слова провожавшей их женщины:

— Николай, не приучай его к рукам. Ножками пусть топает. Ишь, хитрец какой — так и виснет на руках отца.

Николай, прижав годовалого ребенка к груди, трогательно с ним играл, а тот счастливо визжал от восторга. ... «Коленка, Колошенька. Сокровище ты махонькое, ягодка ты сладкая», — будто услышал я слова тети Дани.

Добро не стареет во времени!

КОМСОМОЛЬЦЫ РЕСПУБЛИКИ
РЕШИЛИ
ОТРАБОТАТЬ ПО ДВА-ТРИ ДНЯ
НА ДОРОЖНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

ВРЕМЯ ГОРЯЧЕГО АСФАДЬТА

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Комсомольцы
Мордовии
взяли
шефство над
строительством
сельских
дорог

Над огромным полем подсолнухов звенели пчелы, колыхаясь, шепотом переговаривались тугие шершавые стебли в человеческий рост, а сзади, с крутой зеленой горы, красовавшейся лохматыми соснами, смотрели на нас кряжистые бревенчатые избы. С высоты своей видели они могучий лес за дальней пашней и пестреющие по берегам цветами темные озера с удивительно прозрачной и холодной водой.

— Хорошо у вас, Саша.
— Хорошо. Посмотришь — душа радуется. Только и от нас уезжают. А все из-за дороги. Асфальт бы сюда...

Возвращаясь в деревню, мы тоже вспомнили про асфальт. После нескольких особо неудачных прыжков на колдобинах грунтовок у машины полетел задний мост. До деревни мы все-таки добрались и, прощаясь, договорились с Александром Федониным — молодым председателем колхо-

за имени 50-летия Октября — встретиться утром на субботнике. Субботнике, который имел особое значение для всего района.

Бесконечные поля перекапываются по холмам и тянутся от Саранска на восток, изредка рассекаемые жидкими клиньями перелеска. Но если ехать в другую сторону, на запад, пейзаж начнет меняться, и у самой границы Мордовии встретят вас глухие леса, тихие озера и заливные луга. Встретит удивительная по красоте природа.

Таков Теньгушевский, самый отдаленный район республики. Только доехать до Теньгушева не просто — асфальт обрывается, когда до райцентра еще остаются трудные километры разбитого проселка.

Одолевая их, можно увидеть и заросшую травой дорогу в некогда большое и красивое село, где от девяноста домов сохранилось лишь с десяток, и застрявшую в грязи технику, и рассыпанное на ухабах зерно... Много кар-

тин, что вызовут лишь чувство острой досады за этот красивый край.

Прочно утвердилась за Теньгушевским районом репутация «медвежьего угла». А все из-за бездорожья. Дорого, очень дорого оно обходится экономике. И потому откладывать строительство дорог «на потом» сегодня уже невозможно: Они позарез нужны немедленно, сейчас. В стремлении добиться решающих перемен на селе люди способны проявить настоящую хозяйственную предприимчивость, найти новые резервы. История трассы на Теньгушево — это цепь нестандартных творческих решений. И немалая роль здесь принадлежит молодежи.

Прибыл как-то в Теньгушево из Саранска комсомольский отряд, сформированный во Всесоюзном научно-исследовательском институте источников света. Предполагалось, что ребята будут строить коровник. Первый секретарь райкома партии Иван Семе-

**БУЛЬДОЗЕРИСТ
ВЛАДИМИР ГОРБУНОВ УВЕРЕН:
«БЕЗДОРОЖЬЮ КОНЕЦ».**

**АЗБУКУ ДОРОЖНОЙ АРХИТЕКТУРЫ
ПОЗНАЮТ БОЙЦЫ
СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА
МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.**

**КЛЮЧИ ОТ ТРАССЫ —
В РУКАХ МОСТОСТРОИТЕЛЕЙ.**

**ПОСЛЕДНИЕ,
САМЫЕ ТРУДНЫЕ МЕТРЫ
НА ПУТИ СКРЕПЕРИСТОВ
БРИГАДЫ ВИКТОРА ЖАРКОВА.**

нович Цыганок побеседовал с ними и вдруг предложил:

— Коровник, конечно, нужен, но дорога для нас важнее. Поможете?

Комсомольцы охотно согласились. Опыт оказался удачным. Работу отряда отметили в обкоме ВЛКСМ. Так было положено начало новому движению. Комсомол Мордовии взял шефство над дорожным строительством. Работники обкома изучили возможности крупных предприятий республики, помогли комитетам комсомола подобрать молодежь для отрядов дорожного строительства. Добились, чтобы такие отряды стали постоянными.

Приобрели регулярность республиканские комсомольские субботники. Более 14 тысяч человек вышло на строительство дороги в один из июнь-

НАВ

ОТКЛИКИ НА ВЪ

Встречают по одежке...

Здравствуй, дорогая редакция «Смены»!

Прочла статью «Власть вещей» и решила вам написать. Письмо Игоря Т. меня глубоко взволновало. В нем действительно затрагиваются очень острые проблемы. Игорь правильно пишет, что вопрос одежды для молодежи — важная часть жизни. Сейчас даже старую русскую поговорку «Встречают по одежке, а провожают по уму» переделали на новый лад, и она теперь звучит: «Встречают по одежке и провожают по одежке». Если ты не имеешь красивых импортных вещей, значит, ты не вхож в компанию избранных, «элитарных». Но меня больше волнует вот что. Почему не мы диктуем моду, а нам ее диктуют? Конечно, не одежда главное в человеке, но все-таки красиво одеваться хочется каждому. Неужели наша легкая промышленность не может обеспечить молодежь хорошими товарами? Я не отрицаю, в последнее время выпуск технических товаров стал налаживаться, но по-прежнему на прилавках их не видно. А зачем, спрашивается, выпускают вещи, которые годами пылятся в магазинах?

Оксана М.,
Житомир

Мораль спекулянта

Пишу по поводу статьи «Власть вещей». Сразу же поясню: статью читали долго, обсуждали. Кто читал? Сугубо мужской коллектив, средний возраст 25—30 лет, все как минимум со среднетехническим образованием и даже женатые. Для полноты картины необходимо добавить: все мы не очень понимаем «джинсовый бум», так как используем джинсы по их прямому назначению — в качестве рабочей одежды.

Конкретно о статье. Хотелось бы кое в чем возразить. Например: если влечет что-то недоступное, то желание обладать им — мещанство? Нет, квартир — вспоминаем «райские коммуналки», нет джинсов — пожалуйста, берите ширпотреб, не можете купить сырокопченую колбаску — питайся духовной пищей, которая, кстати, тоже недешева. Так?

У моей матери библиотека, 700 томов или чуть больше. Вы считаете, книги пылятся? Отнюдь. Читаем помаленьку... Но, надо заметить, желания отдать книги в районную библиотеку ни у матери, ни у меня нет. Если рассказать, чего стоило собрать эти книги! И если у кого-то понятие «книга» равносильно понятию «много денег», то это неверно.

Теперь о деньгах. Человек я работающий, цену им знаю. Зарабатываю неплохо. Очень неплохо. Ставка 105 рублей. В месяц, однако, получается 400—500 рублей. Откуда? Продаю джинсы, часы, колготы. Вы думаете, мне это приятно? Ничуть.

ских дней. Тогда, в июне, освоили 200 тысяч рублей и значительно продвинули дорогу на Теньгушево. Но время решающих работ, время горячего асфальта было еще впереди...

Утро субботника в Теньгушево выдалось прозрачным и солнечным, но машины шли с включенными фарами. Путь просматривался всего на несколько метров. Растревоженная колесами пыль проселка вставала непроницаемой стеной, лезла в кабину, широким густым шлейфом тянулась по ветру.

Неожиданно машина вырвалась из пыльного облака, и перед нами оказался отлогий спуск к реке. На зеленых берегах светлели россыпи крупного буттового камня, и десятки людей, выстроившись цепочками, передавали друг другу бульдозики, быстро заполняя кузова подошедших грузовиков. В работе чувствовался единый ритм.

— Молодцы ребята, хорошо начали, — заметил Цыганок. — Кстати, вы вчера с Александром Федониным познакомились, вон он работает со своей бригадой — любо-дорого посмотреть...

Машины, груженные камнем, медленно выбирались на проселок и снова ныряли в облако пыли, держа курс к райцентру, к возводимому там полотно дороги и мосту через Мокшу. Субботник набирал темп, переноса на своих плечах сотни тонн камня.

Для водителей и пассажиров дорога — это лишь лента ровного, гладкого асфальта. Для строителей же асфальт — венец работы, последний шаг нелегкого пути от глинистой с колдобинами грунтовки до гладкого шоссе. А первый шаг на этом пути — насыпь. Шестиметровая ее стена разрезала широкую пойму Мокши.

— Наша работа, — показал на длинный песчаный вал насыпи начальник земснаряда Виктор Борисов. — Около трехсот тысяч кубов насыпали. Мощная машина, не ожидал. Ну, и ребята быстро освоились.

Никто из бригады до нынешней весны не имел опыта работы на земснаряде. Переучиваться пришлось в кратчайший срок, когда стало известно, что появится на Мокше новая техника.

Долго мучился над проектом теньгушевской трассы Абдулхак Абдулфурович Салимов, начальник Мордовавтодора. По-всякому прикидывал, и выходило, что на дамбе и насыпи в пойме Мокши хватят работы на год восьми экскаваторам и трем десяткам самосвалов. А у Салимова как назло ни одной резервной машины.

Ситуация выглядела безвыходной, пока не оказался проездом в Саранске главный инженер Ульяновского управления Гидромеханизации Салимов уговорил гостя пролететь на самолете до Теньгушева. Сверху, через иллюминатор Ан-2, показал, где пройдет будущая трасса. И убедил, что без помощи соседей, без их земснаряда не обойтись.

Зимой земснаряд смонтировали прямо на льду Мокши. Набрали бригаду из молодых. И вот уже виден результат ее работы — высокая земляная насыпь, которую не захлестнет мощный весенний паводок.

...У самого основания трассы, под деревней Пензятка, другую насыпь вели ребята из комсомольско-молодежной бригады Виктора Жаркова. Отчаянно дымя выхлопными трубами, тяжелые скрепера надвигались на холм у деревни.

Жарков вел скрепер точно по намеченной линии, ориентируясь по звуку двигателя. Вот взревел, напрягаясь, дизель — значит, ковш скрепера слишком круто врезался в грунт, может, выступ на пути попался. Виктор чуть поднимает нож ковша, обернувшись, следит, как заполняется бункер. Все, готово! Полных десять кубов. Жарков поднимает ковш и направляет

машину к насыпи. Только что он срезал с холма еще одну ленту, толщиной сантиметров в пятнадцать. Но вместе с Виктором его бригада, и потому холм тает прямо на глазах.

Бригаду свою Жарков создавал вместе с Геной Овчинниковым. Двадцатилетние парни пришли в управление механизации сразу после армии. Показали им стоявшие в ряду автоскрепера. Разбитые, уже списанные. Мол, выбирайте ребята. Ребята принялись восстанавливать все машины подряд. Никто не верил, что этим молодым удастся починить технику. Сомневались даже тогда, когда вывели они скрепера на трассу. А когда сформировали бригаду, выяснилось, что новички делают за смену рейсов в два раза больше, чем скреперисты со стажем.

...Машина Жаркова подходила к насыпи. Узкую, тесную кабину встряхивало на каждой кочке. От нагретого двигателя волной шел раскаленный воздух. Но и тряску и духоту, оказываемая, можно вытерпеть ради минуты, когда взберется твоя машина на насыпь и из ковша хлынут на полотно привычные десять кубов грунта.

Глянешь со стороны — и увидишь, что почти сравнялись профили насыпи и срезанного холма. Значит, скоро полотно под будущую дорогу здесь будет готово. И двинется бригада дальше по трассе.

К полудню наступила самая горячая пора теньгушевского субботника. Машины с буттовым камнем подходили и подходили к насыпи, к пойме Мокши. До укладки асфальта предстояло завершить одну очень важную и трудоемкую часть работы. Пожалуй, самую трудоемкую на участке. Работа эта — укрепление склонов насыпи для защиты от размыва паводком — выпала на долю бойцов отряда «Горизонт» Мордовского университета. Ребята вгоняли кувалдами тяжелые колья в насыпь, оплетали их прутьями ивняка, покрывая склон сеткой четких квадратов, — операция ручная, ее не механизуешь. А потом ячейки заполнялись балластом. Большие белые камни перелетали по цепочке из рук в руки, добираясь до самого верха, где студенты аккуратно укладывали их в ивовые клетки.

Цепочка стройотрядовцев медленно продвигалась по склону, оставляя позади прочный панцирь буттового камня, надежно укрупнявший насыпь. Сплошная белая стена уходила к реке, где уже выселись стройные опоры с укрепленными на них бетонными конструкциями.

Это был мост — ключ ко всей трассе. Самый крупный мост в Мордовии. Именно через него вели последние шаги к теньгушевскому асфальту. А одолеть их, конечно, легче сообща. Поэтому сюда, к трехсотметровому гиганту, комсомол республики направил самых толковых молодых специалистов. Оказался среди них и секретарь комсомольской организации районной ПМК Александр Милованов.

Его «Кировец» медленно двигался к подковам насыпных дамб на левом берегу, за которыми строители возводили последнюю, пятую опору моста. Пожалуй, еще никогда за спиной Саша не было такого груза — шестьдесят тонн тянул могучий трактор! Огромная бетонная балка покоялась в креплениях тележки, норовила опрокинуться набок.

Эти цельные тридцатиметровые балки появились в Теньгушево совсем недавно. Раньше пролеты моста собирали из отдельных блоков, тратя недели по две на подготовку каждой балки. А новую только привезли со станции — и укладывай на опоры. Но долгие часы занимает этот короткий путь. Милованов знает его до мельчайших подробностей, потому что не раз приходилось здесь Саше вытаскивать своим «Кировцем» застрявшие в непро-

лазной грязи грузовики. Крепко подрезала грунтовка шоферам и заработки и энтузиазм. Уезжали парни туда, где асфальт гарантировал им результаты работы. Поэтому, когда понадобились для строительства моста техника и люди, одним из первых вызвался помочь и секретарь комсомольской организации Александр Милованов.

Милованову оставалось меньше километра, когда на пути оказался деревянный мосток через Телимерское озеро. Маленькое озерко, и мосток переброшен в самом узком его месте, но под веселенькой ряской таилась черная глубина. Гнул мосток под грузом в десятки тонн, едва умещались на нем колеса тележки, и уже осыпалась из-под них земля, специально уложенная для укрепления переправы. И если бы не помог Володя Горбунов, не подправил бы сзади прицеп ножом своего бульдозера, может, и не одолел бы Саша этого озера.

Но вдвоем они прошли, и легла эта балка, с хрустом подмяв прокладку из бревен, в ряд с другими. Ждать, когда завершат мостостроители последнюю, пятую опору у левого берега и специальным подъемником собственной конструкции установят пять тридцатиметровых громадин. Потом ребята из комсомольского отряда уложат на них бетон, польют битумом, и наступит наконец время горячего асфальта.

Цена хорошей дороги немалая. На это порой и ссылаются в отдаленных бездорожных районах, как бы подчеркивая свое бессилие и стесненность в средствах. Мордовия еще лет десять назад тоже была бездорожной. Сегодня ситуация изменилась, и это доказывает, что одолеть проблему можно.

— Мы убедились: если будет желание строить, будет и дорога, — поделился опытом начальник Мордовавтодора А. Салимов. — Заинтересуем предприятия и организации тех районов, где пройдет трасса, найдутся у них и техника и материалы.

Выходит, верна присказка, которую так часто пришлось нам слышать на трассе: «Сколько бы ни стоила дорога, а бездорожье еще дороже». Люди, раскрывшие этот нехитрый секрет, найдут резервы всегда. Ведь резервы — это и умение быстро освоить новое дело, которое показали Виктор Борисов и его товарищи с земснаряда. Это самоотверженность и настойчивость скреперистов Жаркова, энтузиазм студентов из отряда «Горизонт», высокая ответственность за общее дело комсорга Александра Милованова.

— Трудно сегодня было, но завтра работа сторидей отзовется, — сказал на прощание Иван Семенович Цыганок. — Дорога принесет району большую прибыль. Животноводство пойдет в гору, филиалы заводов откроем. И вопрос не только в деньгах. Найдут наши парни и девочки свое дело на родной земле. Обретут здесь свой дом. Словом, близки в Теньгушево добрые перемены.

Чуть в стороне от дороги пристроились закопченные агрегаты асфальтового завода. Рокотали отлаженные механизмы, гремели гравием короба, позванивали дозаторы. Невидимая, казалось, чудом попавшая в этот горячий стальной клубок автоматика равномерно отвешивала в кузов самосвала порции дымящейся черной массы. Командовал здесь Геннадий Гурвич, руководитель бригады по производству асфальта.

— Тебе ехать? — спросил Гурвич стоявшего тут же, на почерневшей от битума глинистой площадке бригадира водителей Николая Кочнова. Николай молча кивнул и, увидев, что кузов полон, торопливо полез в кабину. Короткий перегон, и вот уже самосвал подходит к границе, за которой хозяйничают тяжелые катки. Сейчас поднимется кузов, и лягут на гравий еще несколько тонн асфальта.

И дорога станет еще на несколько метров длиннее.

ЕСАХ СОВЕСТИ

СТУПЛЕНИЕ «ВЛАСТЬ ВЕЩЕЙ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О НЕНАЙДЕННЫХ ИДЕАЛАХ»

«Я не верю, что кто-то стоит на истинно нравственной, бойцовой позиции. Я не верю людям».

Это строки из письма Игоря Т., которое легло в основу публикации «Власть вещей, или повесть о ненайденных идеалах» («Смена» № 5). До сих пор в редакцию поступают отклики. В них читатели делятся своими сомнениями, раздумьями о смысле жизни, о подлинных и мнимых ценностях. Несколько писем из нашей почты мы публикуем в этом номере.

До сих пор я не понимал, как это люди что-то перепродают. Теперь понимаю. Сам этим занимаюсь, чтобы моя жена ездила на работу и с работы, допустим, на такси, и мне так спокойнее!

С. В.
Николаев

«Откуда они их берут?»

Здравствуй, дорогая редакция! Пишу вам впервые. Сначала немного о себе. Мне 19 лет, работаю. А пишу вам вот почему. В пятом номере вашего журнала я прочла статью «Власть вещей». Да, Игорь не прав. Злиться на людей за то, что они живут лучше его, что у кого-то есть джинсы, а у него их нет? Очень глупо, считаю. Но он правильно задает вопрос: откуда берут спекулянты эти джинсы, откуда они берут ценные книги?

Я, например, увлекаюсь фантастикой и приключенческими романами. Но в магазинах ничего этого не найти. А если и найдешь, то только по «великому благу». Недавно я искал книгу братьев Стругацких. И мне ее предложил один мужчина за 15 рублей. Он взял мой адрес, а на следующий день принес. Предлагал еще и другие книги за такую же цену. Так откуда он их берет?

Ирина Х.,
Казань

Счастье. Как мы его понимаем

Здравствуй, «Смена»!
Пишу тебе впервые и вот по какому поводу. Прошедший учебный год стал для меня первым годом самостоятельной работы. Окончив Иркутский государственный педагогический институт, я осталась преподавать на кафедре русского языка. Первокурсники литературного факультета стали моими первыми учениками (хотя «мои ученики», конечно, громко сказано). На занятиях по практической грамматике мы не только выполняли упражнения, писали диктанты, но и работали над сочинениями. Темы были разные, а одна такая: «Письмо, требующее ответа».

В пятом номере «Смены» я прочла статью «Власть вещей, или повесть о ненайденных идеалах». Эта статья оказалась честной. Прочитав ее, я подумала: а как бы ответили на письмо Игоря мои студентки? Перед сочинением я ничего не сказала о статье в журнале. Прочитала девочкам только письмо Игоря Т. из Уфы и попросила представить, что от каждой из них он ждет ответа.

Сочинения написаны, выставлены оценки за грамотность, но не это главное. Главное — о чем эти сочинения, какие это ответы. Конечно, с некоторыми мыслями можно не согласиться, чему-то улыбнуться, но я верю, что в этих ответах в большинстве случаев есть попытка отстоять нравственную позицию. Какую?

Об этом — сочинения или отрывки из них.

Ирина ПОРОТОВА,
Иркутск

Светлана Коршунова. Меня поразило начало письма Игоря. Может, и вправду мы разучились дружить? Сейчас распространилось мнение, что другом можно считать того, кто может что-то достать. Это неправильно, я решительно против такой «дружбы» и тех, кто настоящей дружбе предпочитает такую, презираю. По-моему, это очень низко, когда тебя воспринимают лишь как «добывальщика» дефицита.

Татьяна Карелина. Я не понимаю, почему мнимые ценности (вещи) китайской стеной закрывают некоторым весь прекрасный мир. Почему за этой стеной молодые не могут разглядеть ценности истинные?

Ах, как Игорь несчастен! У него нет «фирменной оболочки», у него нет автомобиля, от него ушла девушка, которой нужен только «фирменный» мальчик. И подумать только, из-за этого Игорь перестал верить людям, разочаровался в жизни.

Представим, что он обрел все, о чем мечтал. Он обрел счастье? Ничего подобного. Он обретет жалкое, мелкое благополучие мещанина, он будет просто существовать. Он не узнает, что такое жизнь, станет глухим к бедам и страданиям других, будет вести жизнь моллюска в своей раковине. Но зачем тогда жить?!

Для меня счастье — это общение с умными, интересными людьми, познание человеческой мудрости, понимание

других и себя. А что могут дать вещи? Они нужны только практически. Материальное должно быть помощником в познании духовного. «Не сотвори себе кумира из... сапога и стула», — писал М. Горький.

Некоторые молодые люди пытаются утвердиться среди сверстников за счет одежды. И вот кто-то для кого-то является «фирменным богом», ему поклоняются, пресмыкаются перед ним, хотя бы быть похожими на него. Нужна большая работа всех членов общества, чтобы не было у нас таких божков.

Я осуждаю Игоря, и в то же время мне его жалко. Ведь настоящее наше богатство, как мне кажется, — это верные, умные друзья и такие же книги. И если бы это у Игоря было, то его «трагедия» не приобрела бы «вселенских» масштабов.

Наталья Блажко. Необязательно иметь импортные вещи, чтобы любимая девушка была тебе парой. Я думаю так: если она тебя любит, то не посмотрит на твою одежду и не станет слушать увещеваний родителей, что «вы не подходите друг другу». Ты, Игорь, с ней расстался — не жалею. Придет время, и ты встретишь девушку, которой будет безразлично, одет ты в «фирму» или во что-то попроще. Главным для нее будет — какой ты человек.

Эмма Голикова. Мне думается, безрассудная тяга к вещам появляется у детей под влиянием взрослых: очень много дают и почти ничего не спрашивают. Это страшно. У меня был один одноклассник, который в свои 15 лет являлся заправкой на музыкальной барахолке.

Один мамин знакомый, умный, интеллигентный человек, сказал, что мещанство — это стремление быть, как все. У соседа есть «Жигули», и мне подавай. Откуда это у людей? Знаю точно: если человеку этого не привили с детства, то скорее всего у него и потом не будет «вещемании».

Надежда Соловьева. Очень много ребят и девчат стоят сегодня на истинно бойцовой позиции. Ты только посмотри, сколько молодых едет на стройки. Они счастливы, потому что они трудятся во имя людей. Тебе же, Игорь, посоветую помнить о человеческом достоинстве и не мириться с «эквивалентной» дружбой.

Ольга Афанасьева. Люди, которые заняты лишь приобретением, мне кажется, могут предать и Родину. А для чего погибли 20 миллионов советских людей в годы Великой Отечественной войны, отстаивая наше счастливое будущее?! Мы никогда не должны забывать об этом. Я считаю, нужно быть прежде всего настоящим человеком, нравственно чистым, идейно закаленным, и тогда у нас будет все.

Марина Пронькина. Через четыре года я буду учителем. Своих учеников я буду учить не только литературе, но и тому, что важнейшая цель жизни — учеба и работа, что нужно дружить с настоящими людьми, а не только с теми, у кого папа и мама — «шишки». Главная цель — быть нужным людям.

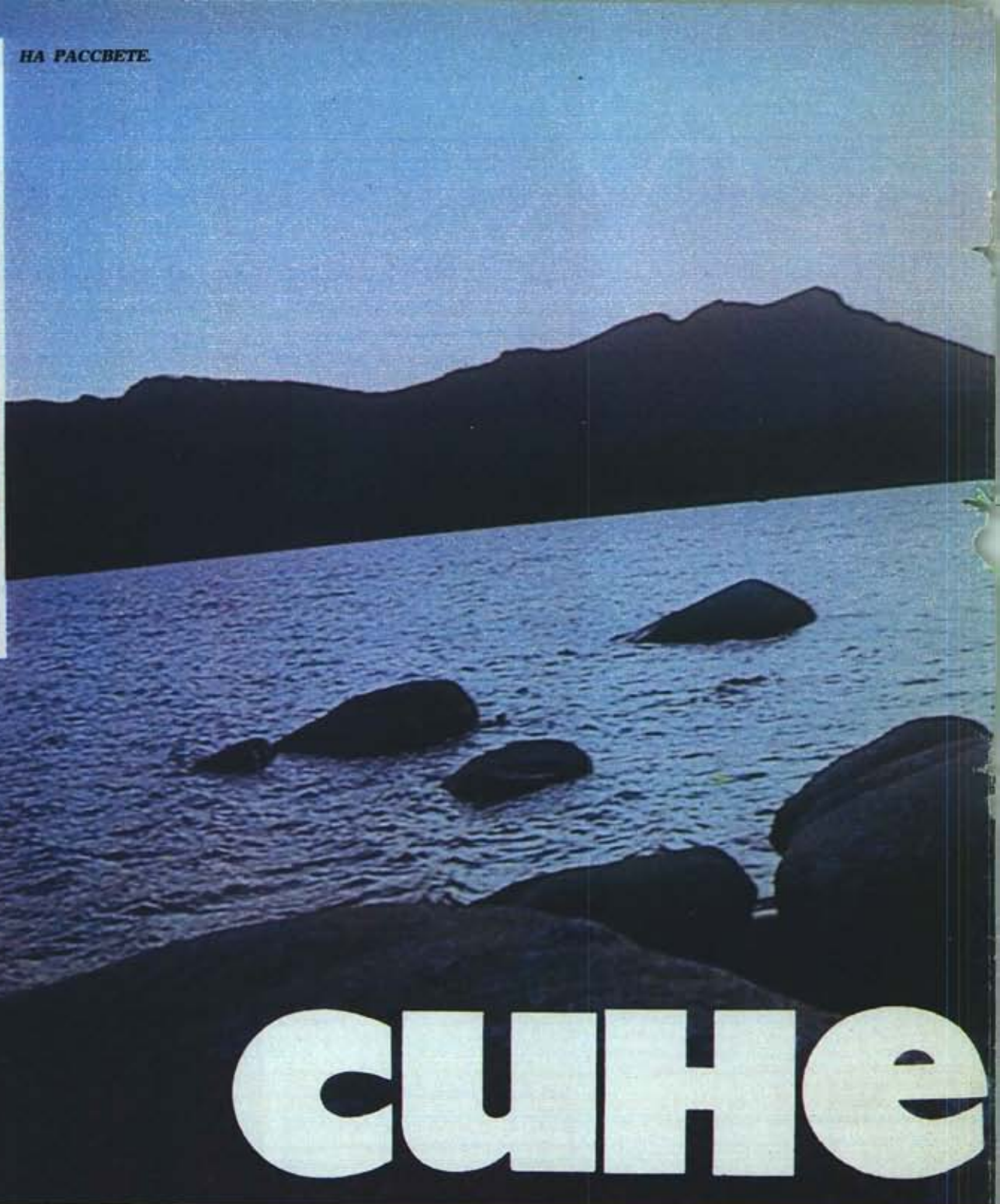
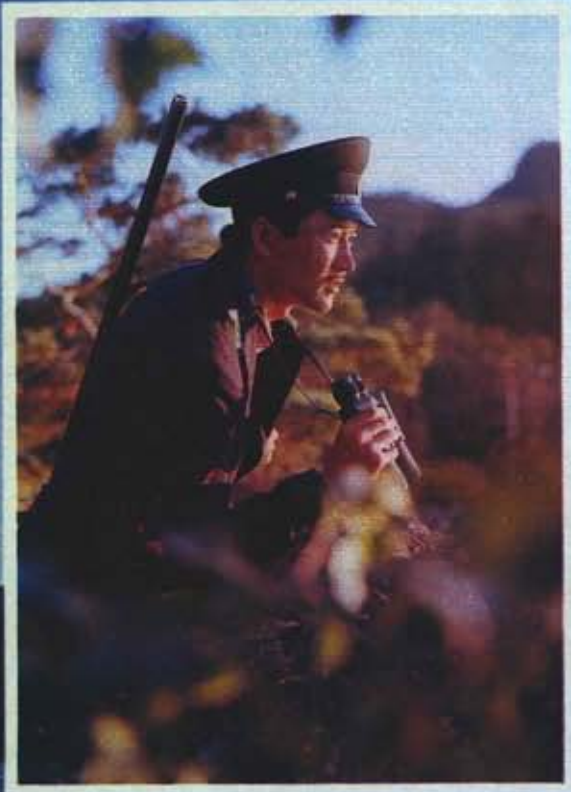
Оксана Вахрушева. Не понимаю, как можно судить о человеке по его одежде. Разве это подлинный критерий? Нет, нет, нет! И тысячу раз нет! Блестящая Элен Курагина составляла одно целое со своим сверкающим платьем. Ее улыбка одинаково была адресована всем. Даже Пьер, умный и тонкий, не сумел сразу понять ее пустую, пошленькую душу. Нельзя судить о человеке по его платью, нужно видеть в человеке Человека.

Наталья Соболева. В жизни надо уметь найти себя, применение своим способностям. А ты, Игорь, занят только бессмысленными подсчетами: сколько времени понадобится для того, чтобы купить машину. В жизни столько интересного! А ты ничего этого не видишь, сам не замечаешь, как становишься пустым, малодушным человеком, живешь только для себя, ради себя.

ОТ РЕДАКЦИИ. Жить ради вещей, ради машины, дачи или же стремиться к чему-то более высокому, более достойному человека? Эта «вечная» проблема нравственного выбора, затронутая в письме Игоря Т., волновала и волнует молодых, тех, кто стоит в начале своего жизненного пути.

Большинство читателей согласны с автором публикации: уже в юном возрасте важно найти подлинные идеалы, верные ориентиры. Ведь плутания и ложные дороги небезобидны: они уведут от истины.

Но точку в разговоре, начатом статьей «Власть вещей», ставить рано, он будет продолжен на страницах журнала. А пока мы благодарим В. Архипова (г. Абай), В. Брусневу (Москва), Лену В. (г. Куйбышев), В. Ростовскую (г. Атбасар), А. Алексееву (Южно-Сахалинск), П. Иванова (Краснодар), Л. Кулакову (Владивосток), И. Гудзия (г. Брежнев), И. Шахову (Новосибирск), Юрия К. (Красногорск), Татьяну (Московская обл.), С. Калугина (г. Белорецк), А. Носкову (Иваново), Юрия Л. (Коми АССР), Е. Карасева (Омск), А. Прохорова (Москва), Т. Малышеву (г. Нефтекумск), А. Кейлера (пос. Агаповка Челябинской обл.), Н. Зуйкову (Москва), О. Иванова (Реутово) и всех других читателей, приславших отклики на публикацию Альберта Лиханова «Власть вещей, или повесть о ненайденных идеалах».

СИНЕ

Отечество

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

С чего начать? Может, с легенды?

Когда аллах создавал мир, рассказывает старая сказка, одним народам достались богатые леса, тучные поля, широкие реки, другим — высокие горы и голубые озера. Казах получил только степи. Несправедливо, решил он, и стал просить всевышнего выделить и ему хотя бы немного красивой природы. Сжалился над ним создатель, выгреб со дна своего кожаного мешка-коржуна и бросил посреди безбрежной ковыльной степи остатки живописных гор, скал, озер с хрустальной водой, метнул щедрой рукой изумрудные луга с яркими цветами, одел склоны

гор деревьями, кустарником, ковром из разнотравья, пробил в камнях студенья родники, а по распадкам пустил веселые ручьи. Населил леса зверьем и птицей, озера — рыбой, луга — бабочками и насекомыми, каких никогда не водилось в округе.

Вот так вроде бы и родилось в казахской степи Боровое.

Правда, есть и другая версия. Когда аллах обделил казахов природой и по скупости не захотел расстаться с теми красотами, что еще остались у него, на помощь народу пришел сказочный герой, балагур и весельчак, безбородый насмешник Алдар-Косе. Предложил он всемогущему поиграть с ним в прятки, а чтобы было где прятаться в голой степи, попросил у аллаха маленькую горку. Тот шутя насыпал на ровном месте холм, который и поныне называется Букпа, что означает «прятаться». В разгар игры Алдар-Косе незаметно проделал в коржуне аллаха дырку, и на степи из мешка высыпались остатки гор, лесов, озер и родников.

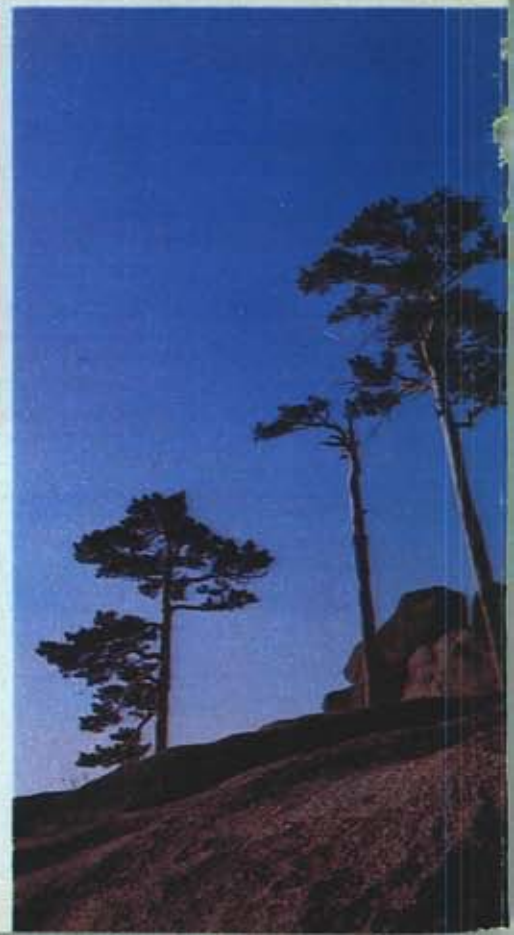
Давние это дела. А потому сейчас трудно в точности сказать, как все обстояло в действительности.

Одно только ясно: Боровое прекраснее любой сказки. Чтобы убедиться в этом, достаточно в полдень промчаться из Кокчетова по раскаленной асфальто-

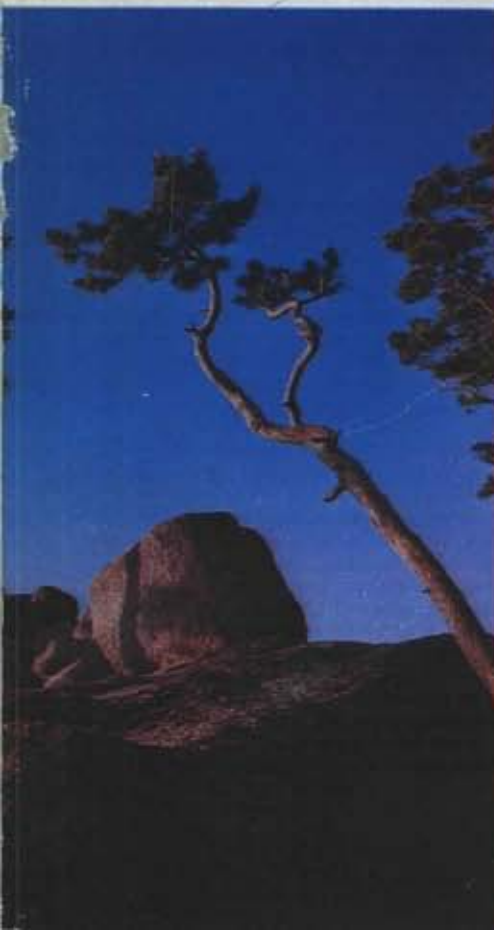
ОРЛИНЫЙ ВЗГЛЯД.

вой дороге и увидеть, как степь, еще не переступившая вершину лета, уже тронута бурными пятнами увядания. Достаточно один только раз хватить полной грудью горячего воздуха из набегающего на машину потока, и куда девается вера, что где-то есть тень, прохлада, вода, способная смочить горло, что вообще есть что-нибудь иное, кроме вот этого жаркого, расслабляющего марева. А пути-то всего один час. Однако и его оказывается, достаточно.

ГОРЬЕ

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ.

**СОСНА РАСТЕТ
ДАЖЕ НА ГРАНИТАХ.**

И вот за Щучинском дорога влетает в сосновый бор. Как и положено соснякам, он устал у подножия хвоей, щедро усыпан шишкой и растет почти без подлеска. Как всякий сосняк, он прокален солнцем и так настоян смолой, что ароматный воздух в пору резать ножом. Его прозрачная сень пышет зноем. Кажется, что пекло уже поджарило и подзолотило стволы, обуглило и растре-

скало комли, деревья вот-вот займутся огнем. Расплавленный асфальт липнет к шинам и недовольно брюзжит, когда колеса выдирают из него собственные скаты. Чего бы не отдал сейчас за глоток воды!

И вдруг впереди, словно в сказке — голубая чаша, озеро. За ним в легкой дымке горы. А надо всем бездонное синее небо. Дорога будто нарочно так долго бежала лесом, старалась за деревьями, скрытно, поближе подобраться к озеру и горам, чтобы потом в упор распахнуть перед тобой их красоту, поразить, удивить, заставить усомниться в реальности увиденного.

Такое вот оно, Боровое. Боровое. Это имя здесь носит не только озеро, что на десять квадратных километров раскинулось овальной чашей у подножия гор и сосновых лесов. И не только небольшой поселок, притулившийся к его берегу. Боровое — это еще и курорт, известный с прошлого века и включающий ныне несколько санаториев. И лесохозяйство площадью в 64 тысячи гектаров. В более широком смысле Боровое — это целая система лесов, гор, озер, удивительный оазис среди засушливых степей, который за неповторимую красоту высокопарно величают то «жемчужиной Казахстана», то «казахской Швейцарией».

Человеку, побывавшему, допустим, в

ДРУЗЬЯ.

Домбае, видевшему Алтай и Байкал, подобные параллели покажутся чересчур преувеличенными. Тут в отличие от тех мест действительно не хватает размаха и безудержного буйства природы. Ведь даже самая высокая из здешних гор, красавица Синюха — Кокшетау по-казахски — не дотянула до километровой высоты, но и 947 метров оказалось достаточно, чтобы всю округу назвать Синегорьем и даже дать имя главному городу области — Кокчетав.

Не в высоте, выходит, дело. Тем более, что ее вполне хватает, чтобы увидеть, как лесистое взгорье, будто островок в открытом море, затерялось в бескрайней степи. Как семь десятков больших, малых и вовсе крошечных озер льнут друг к другу, а все вместе к лесному массиву, который они питают живительной влагой и у которого сами черпают силу. Отсюда, с высоты, отлично видно, как бездушное жаркое солнце, способное, казалось бы, испепелить все окрест, почему-то щадит крошечный клочок земли и по странному своему капризу позволяет ему жить, процветать, бросать вызов округе. С этой в принципе невысокой точки не просто далеко видишь, но, самое глав-

Галактион ТАБИДЗЕ

Галактион Васильевич Табидзе (1892—1958) — классик грузинской поэзии XX века, академик, народный поэт Грузии, активный общественный деятель, лауреат многих литературных премий. Он оставил после себя фундаментальное наследие — более 5 тысяч стихотворений и поэм. И поныне некоторые произведения великого поэта остаются неизвестными русскому читателю, как, например, публикуемые здесь новые переводы.

Отчизна

*Коль босиком по росистой траве
Здесь не пройду —
как мне петь об Отчизне?
Предки — в земле.
Облака — в синеве.
Гомон людской возвещает о жизни.*

*Ветра порыв приоткрыл наконец
Поле — и видит душа, безутешна:
Старый отец мой, старый отец
По винограду ходит неспешно.*

*Стебли и почки,
не жалуя тьмы,
Схожи с мечтою давнишней моею.
Вновь зеленеют поля и холмы!
Молча брожу я...
Скорблю, сожалею.*

Пусть лета
уходят...

*Дни кружат в азарте,
к нам пристрастны,
Иль цветы пылают в тишине —
Для меня как день
давно уж ясно,
Что потомство скажет обо мне.*

*Пусть лета
уходят в эстафете,
Сменит вихрь зефиров полусон...
Как земля
единственная на свете,
Так на ней —
один Галактион.*

1916.

ное, хорошо понимаешь, какой подвиг совершила природа, создав столь необычную для здешних мест взаимосвязанную связь гор, лесов и водоемов, что трудно удержаться от самых выспренных эпитетов и сравнений. Любые преувеличения тут простительны и уместны. В конце концов все в мире относительно и познается в сравнении, и не всегда абсолютная величина или абсолютное качество могут быть доводом при оценке того или иного явления. А сравнивать здесь приходится часто.

В Боровом я поселился в одноэтажном домике лесхоза, полдюжины комнат которого ухитряются выполнять несколько самых разнообразных функций одновременно: здесь располагается общежитие молодых рабочих и гостиница для нежданных, вроде меня, гостей. Домик служит и временным жильем для специалистов, которые еще не получили постоянных квартир и вынуждены пока мириться с теснотой. Нашлось тут место даже для мастерской художника и таксидермиста, где в день моего приезда подсыхали свежие чучела птиц и проникновенные лозунги типа «Браконьер — враг животных», «Берегите лес от пожара».

Столь многоликое, порой несколько шумноватое соседство имело и свои положительные стороны. Две соседние с моей комнаты занимал с семьей Владимир Павлович Канцев, главный лесничий лесхоза, недавно переведшийся сюда с Алтая. Должность у Канцева хлопотная: как-никак в лесхозе семь лесничеств, четырнадцать кордонов, и надо всюду поспеть и быть в курсе дел каждого, а человек он здесь новый. Вот и носится его песчаного цвета «уазик» от рассвета до темна по дальним и ближним точкам. И если удастся, я набиваюсь в попутчики. Странные ощущения привозишь из подобных поездок.

В последнее время слова «биоценоз», «экосистема» от частого употребления так подзабылись, что, кажется, их изначальный смысл значительно обветшал, утратил содержание. И вот тут, в Боровом, они как будто заново обрели для меня изначальную свою суть. Не припомню другого виданного мною места, где бы связь всего живого между собой и окружающей средой обитания была так зрима и контрастна. Тут все до того обнажено и конкретизировано, что порой кажется: здешней природе неведомы полутона.

Два специалиста по лесоустройству и мы с Владимиром Павловичем отправляемся на северный берег Большого Чебачьего озера, чтобы на месте осмотреть земли, где планируется посадить новые леса. Говорят, совсем недавно Большое и Малое Чебачье соединились между собой озерами Майбалык и Балпашор. Сейчас протоки окончательно пересохли, и солоноватые озеросоединители потеряли столько воды, что оставшаяся влага превратилась в едкую приторно-теплую рапу. В ней не водится рыба, только по самому урезу воды, где скользкое, липкое дно почти выходит на поверхность, озеро оторочено метровой ширины серой лентой. Асфальт — не асфальт и грязь — вроде бы не грязь. Проворный куличок шустро бежит прямо посреди этой ленты, она вскипает перед ним легким серым облачком и сразу снова смыкается. Птица что-то схватывает на ходу и все бежит, бежит, а серая лента вновь вскипает и тут же гаснет. Подхожу ближе — и не верю глазам. Мелкие мушки сидят на влажной слизи мелководья так плотно, что сливаются в одну живую однородную серую массу. Сколько их тут? Тысячи? Миллионы? Тьма.

Лезем в озеро. Не освежиться — скорее из любопытства, из желания убедиться в действии закона великого Архимеда. Тут, лежа на спине, можно спокойно прямо в воде читать газету. Почему-то вспоминается подобный снимок из школьного учебника далекого детства. Когда-то это вызывало восторженное удивление. Теперь единствен-

ное желание побыстрее смыть соль. Убраться из этой унылой впадины.

И удивляет сейчас совсем другое: рядом Чебачьи озера с пресной водой, двадцатиметровыми глубинами, разнообразной рыбой, стаями чаек и уток, с прекрасным сосновым бором на противоположном берегу.

Отчего такой контраст? Что тут не сложилось в природе?

Проезжая мимо птицефабрики, решаем посмотреть на табун здешних дойных кобылиц, однако кумкосяк, как тут его называют, оказался в это время на выпасе, где-то по пути, и мы катим в указанном направлении. Переваливаем первую гряду и оказываемся в пепельно-бурых низинах. Видно, по весне тут шумело половодье. Теперь же рослая трава по руслу бывшего потока пожелтела, иссохла, а некогда сырая земля пошла глубокими с солонцеватой седкой трещинами. Кобылий косяк понуро сгрудился в крошечном тенистом бочажке. Матки и жеребята предусмотрительно извлеклись в грязь, которая теперь, схватившись на солнцепеке коркой, защищала их тела от невыносимых оводов и слепней. Зной. Терпко-сладкий аромат полыни и чебреца. И казалось невероятным, что полчаса назад мы катили по веселым березовым колкам и душистое цветастое разнотравье стояло чуть ли не в пояс. Приветливая лесная дорога вывела нас к Золотой долине, во всю ширь которой размахнулись посевы желтого донника с группой березок посредине, вагончиком пасечника и несколькими десятками ульев.

Под березками бил родник, он убежал к противоположному концу долины, его витиеватое русло в зеленой оторочке камыша и осоки четко читалось на желтом фоне донника.

На пасеке отроились пчелы. Беглецов заметили вовремя, успели окропить водой, и сейчас мощный рой висел живой бородой на корявом березовом суку, недовольно гудел и сушил крылья перед дальнейшим полетом. А пасечник тем временем разжигал дымарь и готовил роевню. Пахло дымом, воском и медом, как где-нибудь в рязанской деревне, а не бок о бок с казахскими степями.

Странное соседство. Но это Боровое.

После таких поездок, какой бы поздний ни был час, мы идем к озеру. Прогретое за день, оно не дает почувствовать перехода от воздуха к воде. Оно ластится легкой волнишкой к песчаному берегу, что-то там шепчет ему и нагоняет такую дрему, что уже не замечаешь ни времени, ни дробленого лика луны на его поверхности, ни стайки пескарей, которые у самого дна пощипывают твои ноги. На душе спокойно и счастливо от полного слияния с природой.

Хорошо.

Но у озера хорошо и жарким днем. Конечно, можно по примеру других бесконечно валяться на пляже или, зайдя по пояс в воду, выуживать доверчивых чебачков и вечно голодных окуней. Можно до одури в разных ракурсах щелкать причудливые извивы «танцующих» берез в местном парке. Но все это в конце концов надоеет. И ноги сами собой пойдут, не торопясь, вдоль берега Борового и станут листать страницы его истории и связанных с ним легенд.

Речка Громовая — естественная граница между поселком и санитарной зоной. Она единственный сток озера Борового, как, впрочем, и единственная водная артерия, питающая Большое Чебачье. Разница уровней двух озер равна шестнадцати метрам. В былые времена этого перепада и километровой роста Громовой хватало, чтобы вращать колеса четырех водяных мельниц. Первую из них поставил еще в начале семидесятых годов прошлого века казак Зубов. От нее-то и стал расти поселок Боровое. Сейчас в это трудно поверить, ибо при всем своем звучном имени Громовая все-таки не тянет на звание реки — так себе ручей, в зарослях ивняка и ольшаника.

Живописные скалы окрестных гор вызывают самые неожиданные ассоциации. Есть тут Верблюд, Спящий рыцарь, Три сестры, Корова. Ну и, понятно, соответствующие легенды. У кого не хватает воображения, тот видит в нагромождении выветренных гранитов стопки матрацев и подушек. Каждому свое.

Рыбачий стан открывается как-то неожиданно. Дорожка сбегает с лесистого бугра к небольшой бухточке, и перед тобой две лодки, уткнувшиеся в берег носом, щитовая будка да наспех сколоченные из досок стол и лавки. Хозяином тут Андрей Иванович Казионов и Дмитрий Федорович Черемухин. Первому — восемьдесят три, второму — «только» семьдесят. Отношения у них товарищеские, но разница в возрасте, а может, врожденная утиливость Черемухина накладывают неуловимый отпечаток на их общение.

— Вот я учил-учил Дмитрия резать автомобильные камеры, — сетует Казионов, — а он все никак не может.

— Зато ты в этом деле, Андрей Иванович, первый мастер, — почтительно вставляет Черемухин.

Вместе они объясняют мне, что сантиметровой ширины резиновая лента (на нее-то и распускают отжившие свой срок камеры) — самый лучший материал для нижней подборки ставных сетей. Они тут же растолковывают, как вяжутся эти сети, как их нужно «сажать», из чего изготавливать поплавки и грузила, какой ячеве в зависимости от рыбы отдать предпочтение. Дмитрий Федорович взял меня с собой ставить сети и даже разрешил — признак особого доверия — сесть за весла.

Они рыбачат здесь от лесхоза. Улов идет в столовые санаториев и поселка. Добыча невелика, но все-таки какой-то приработок к пенсии.

Мы едим копченых линьков, балуемся

чайком и не торопясь калякаем «за жизнь».

Биография Черемухина не очень сложная. Он здешний, родом из Щучинска. В тридцать пятом году пошел служить на Тихоокеанский флот. Был мичманом на крейсере «Калинин». После войны демобилизовался, вернулся на родину, работал председателем колхоза, помощником машиниста на железной дороге, а когда вышел на пенсию, стал рыбаком.

Жизнь Андрея Ивановича побогаче на события. Он из вятских крестьян. Работать начал лет с семи. В девятнадцатом году ушел в Красную Армию. Бился с Мамонтовым и Петлюрой, с бандами Махно, Шубина. Дважды попадал в плен к бандитам, и только случай спасал от расстрелов. После демобилизации строил заводы в Нижнем Тагиле, работал на перевалочных базах в Тугуро-Чумиканском районе на Охотском побережье. С Дальнего Востока его сманило радио. Помотавшись по стране, он осел наконец в теперешней гавани, в Боровом.

Рыбачьей профессией Андрей Иванович овладел только с уходом на пенсию. И теперь, перебирая в разговор свою жизненную одиссею, он с сожалением вспоминает, что так беззаботно расстался с Дальним Востоком. Вот где было рыбы! Да и какой! Разве сравнишь с постными чебачками да линьками Борового?

— Ну не скажи! — возражает Черемухин. — Разве забыл, какие тут раньше водились сазаны, лещи, карпы? Люди сами виноваты, что загадили озеро, извели рыбу.

— Оно-то и правда так, — соглашается Казионов. — Ведь даже наш глухой угол превратился в проходной двор...

Я был уверен, что как бы ни петлял наш разговор по извилистой биографии моего собеседника, он рано или поздно

Вчерашней ночью ветер прилетал

Вчерашней ночью ветер прилетал—
И долго я не мог заснуть, к несчастью.
Пристанница тогда я не искал,
Но не было приюта у ненастья.

То всхлипывал за дверью
гость ночной,
То сторожем под окнами шатался.
Он прошлое раскрыл передо мной—
И в горести я сразу разрыдался.

И я, как он, в безвестности бродил—
И столько я ночей своих прославил,
И сладостные мысли погубил,
Утехи и мечтания оставил!..

Вчерашней ночью ветер прилетал—
И в час, когда настало пробужденье,
Был воздух пуст—и ясный свет упал
На землю без намека на движенье.

Я вышел в сад... На тропке, в тишине,
Листва уже лежала золотая—
И долго, долго брел я, как во сне,
В минувшие лета перелетая.

1914.

Русскому поэту

Как горный поток,
налетело, пленило сказанье
О женщине дальней,
о гибнущем лебеде дивном.
Равны мы в пространствах,
таящих судьбы оправданье,—
Так жить и пристало
надежды одной паладинам.

Как будто бы взоры
сроднились за гранью тумана,
В морозной лазури,
дарящей прозрений приметы,—
И были мы оба
с тобой одинаково пьяны:

Ты—снегом своим,
я—вином своим, вестником света.
И я обращаюсь к Бальмонту,
как мог бы и к Шелли:

Поверь, не случайны
вот эти каскады ступеней,
Пустынность калужского поля,
дыханье метели,
И наша грузинская скорбь,
и залог песнопений.

1925.

Перевел с грузинского
Владимир АЛЕЙНИКОВ.

Рисунки Елены УЛЬЯНОВОЙ.

обязательно вырвет к проблеме Борового.

За те два часа, что я провел у рыбаков, мимо их будки прошло с десяток туристских групп. Загорелые, спортивного вида парни и девчата, нескладные школьники-подростки, степенные родители и малолетние их отпрыски с огромными рюкзаками, гитарами, транзисторами валили веселой гурьбой к утесу Кзылтас и пещере Канесары. Возле нас они притормаживали ненадолго, спрашивали, как пройти к роднику, а заправив пресной водой всю свободную посуду, шли дальше.

Где они останутся на ночлег? И чем обернется это для леса?

Удивительно, до чего ранима здешняя природа. Местные горы из гранита. Время, перепады температур, ветер источили монолиты, превратили их в причудливые скалы и хрусткий песок. Идешь по лесу и слышишь, как скрипят под ногами мелкие камешки, прикрытые палящей хвоей. Сосна любит такую почву. Дожди и талые воды вымыли из нее вредные соли. А на глубине, у коренных пород, накоплено достаточно влаги, стоит только дотянуться до нее корнями. Но то, что может сосна, под силу не всем деревьям и кустарникам. Вот и растет она практически одна, а из ее иголок какая почва и защита земле? Тысячи ног и мелкие гранитные зерна перетирают хвою в пудру. Туристские тропы—сплошные широкие проплешины, исчертившие бор в разных направлениях.

Да если бы только это!

Иногда среди ночи у нашего лесхозовского дома, не выключая мотора, вдруг останавливаются машины, и тут же коридор оглашается грохотом торопливых сапог. Это означает, что где-то в лесу опять возгорание. Что утром уставшие, с воспаленными от дыма и недосыпа глазами, пропахшие смолистой гарью сосе-

ди будут отмывать сажу, лечить ожоги и клясть виновников пожара, которые смогли наделать столько бед. Они расскажут, сколько раз за лето им пришлось вот так же подниматься по тревоге, со специальными ранцами и масками карабкаться в темноте по каменным осыпям к месту, облюбованному огнем.

Согласно закону подлости, пожар не ищет легких путей. На близких к проезжим дорогам участках, куда можно добраться с техникой, где легко локализовать и задавить его в самом начале, ему не интересно. Он стремится в глухомань, поближе к вершинам, где настичь его труднее, а уж погасить тем более. Его сопровождают сюда человеческое тщеславие и дурачки понимаемая романтика. Ну кому захочется жарить шашлыки и петь под гитару на официально отведенной площадке? А вот забраться поближе к звездам, на макушку скалы, соорудить там бивак да осветить всполохами костра подступающую со всех сторон темноту—вот это дело! Тут даже без бутылки весело и мило, хотя и она с-о-в-сем не помешает.

В шесть часов утра Канцев устраивает мне побудку. Ночью на противоположном берегу озера, в запретной для ночлега зоне, были замечены шесть костров. На вездеходе мы добрались туда минут за пятнадцать. Никого нет. Только черные круги обожженной земли. В двух местах еще тлеют угли. Турист осторожен, когда дело касается его интересов. Он уходит до того, как его оштрафуют. Да и трудное это дело—штраф. Ведь не докажешь, что компания, расположившаяся на берегу в полусотне метров от тлеющих головешек, тут ночевала, а вовсе не сегодня утром притопала из Щучинска.

Правда, есть ситуации, когда и доказывать ничего не надо, тем не менее нельзя принять меры. Уж и не знаю, какая светлая голова сообразила поста-

вить ресторан и оборудовать стоянку личных автомашин прямо на берегу Борового, у самого въезда на поселок, там, где в озеро впадает Сарыбулак. Устье этой реки—единственное место нереста местной рыбы, облюбованное к тому же для гнездовой разной водоплавающей птицы, и без того уже усыхает. Теперь его еще больше ужали, загрязнили. Частники—народ аккуратный и свои «колеса» блюдут в чистоте. То, что грязь с их любимых экипажей, масло и бензин попадают в воду, травят икру и мальков, их мало волнует. Червь неделю-другую они «сделают ручкой» Боровому и, возможно, никогда больше сюда не приедут. Чего же щепетильничать? Тем более что площадка выделена официально и очень удобна для отдыхающих: переоделся в машине—до воды всего двадцать метров.

А рядом на вытоптанной опушке «дикий» палаточный городок. Он вырос без разрешения, и лесхоз, по идее, имеет право его «закрывать». Но как решиться на такое?

Пока Владимир Павлович и участковый милиционер убеждали «дикарей» в незаконности их лагеря, я ходил от палатки к палатке, интересовался, откуда приехали люди, почему именно сюда. География—чуть ли не весь Советский Союз. Есть и Москва, и Бухара, и Красноярск, и Ташкент. Но большинство все-таки из «окрестностей»: Омска, Целинограда, Караганды, Экибастуза. Многие едут с детьми. И причина одна: здешний воздух полезен для легочных больных, а путевок в местные санатории не достанешь. Короче, люди собирались сюда не по случаю, а задолго и обдуманно. Кто же решится испортить им отпуск?

Дефицит, какой бы лик он ни принимал, не обходится без гримас. Вот и здесь, в Боровом, наиболее оборотистые «аборигены» сразу смекнули, какую личную пользу можно извлечь из разрыва между общественным спросом и предложением. Отдыхающим сдают не только койки и комнаты, но даже... место в огороде: плати и ставь собственную палатку, под сенью частника тебя никто не побеспокоит.

Бесконтрольный, никем и нигде не учитываемый наплыв отдыхающих причиняет неудобства не только самим отдыхающим, но и местным жителям. Ведь снабжение поселка, всякие там коммунально-бытовые блага рассчитаны на какое-то определенное количество людей. Когда же это количество возрастает, опять возникает проблема дефицита.

Но главной бедствующей стороной оказывается все же природа. Она не может, как люди, сняться с места и податься куда-нибудь, в другие, более благодатные края. Ей остается терпеть. Надолго ли хватит этого стоического терпения?

Что же делать, чтобы «жемчужина Казахстана» не потускнела с годами, чтобы здешней «Швейцарией» могли любоваться и наши внуки и правнуки? В Боровом этот вопрос я задавал многим. И хотя свои ответы мои собеседники обосновывали по-разному, почему-то все начинали со стандартной фразы: Боровое нужно объявить национальным парком со всеми вытекающими из его статута правами и обязанностями. Как правило, дальнейшее углубление темы вело к разнобою в определении этих самых прав и обязанностей. Понятно, национальные парки для нас дело новое, и как к нему подступиться, мало кто представляет. Вот и здесь разброс мнений был велик.

Самой четкой и глубоко обоснованной мне показалась позиция Виталия Павловича Бобровника, кандидата биологических наук, заведующего лабораторией лесного почвоведения научно-исследовательского института почвоведения Академии наук Казахской ССР. Мы встретились с ним в самом отдаленном от главной усадьбы Золоторского лесничества, куда лаборатория Бобровника приезжает на летний полевой се-

зон уже двадцать лет подряд и где, кстати, ее специалисты бывают и в другие времена года. Так что за словами и выводами Виталия Павловича—годы опытов и наблюдений.

Но прежде несколько слов о самом лесничестве. Хотя оно в принципе находится недалеко от Борового (час езды на вездеходе—какое это расстояние), это совсем другой мир. Там строгие горы, сосны, просторное озеро. Тут почти всхолмленной равнине—березовые рощицы, вперевивку с крошечными полями сеяных трав, укромные низинки с ручейками, а где есть запруды—с небольшими водоемчиками. Средняя полоса в чистом виде. И только опытный взгляд видит, что буйная зеленая трава у обочины—это все-таки солодка. А где она, там солонцы и весь соответствующий набор растительности.

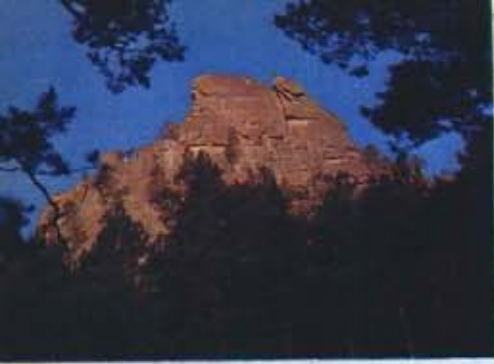
Лесничим в Золотом Бору работает Сабыр Сарович Рахматулин, дядя директора Боровского лесхоза Рахматулина Жансерика Рашитовича. Между прочим, весь род здешних Рахматулиных имеет «лесной уклон». Двадцать два работника лесхоза носят эту казахскую фамилию—целая рабочая династия. Так вот наука и практика живут в Золотом Бору в мире и дружбе, считают защиту природы своим общим делом и помогают друг другу чем могут. В прошлом году в усадьбе лесничества провели интересный эксперимент. От протекающего рядом с домами ручья экскаватор прорыл метровой ширины канаву к небольшой низинке, заросшей луговой травой. В половодье ручей чуть-чуть перекрыли, и талая вода наполнила естественную чашу. Для развода в новый пруд выпустили ведро карасей. Они прижились, как прижились тут кряквы, огари, нырки. Странная это картина—открытое, еще не заросшее растительностью зеркало воды метров сто в ширину, и на нем полдесятка утиных выводков. Одна кряква облюбовала под гнездо кочку совсем рядом с берегом, высидела яйца без всякой маскировки. Благо бы место тихое, а то ведь нет. Ужение карасей здешней детворе еще не приелось. Ловят с шумом и криком на самую примитивную самодельную снасть. Но рыба исправно клюет, и это вызывает всеобщий восторг. Но уток шум не волнует: у них своих дел хватает, да и шумят-то «свои» люди.

На берегу этого пруда еще раз убеждаешься: вода здесь—самый драгоценный дар природы. Она—сама жизнь. К ней особое, благоговейное отношение. Любопытная деталь. Угостить нас Сабыр Сарович решил на улице. Щедрый дастархан расстелили у ручья прямо на траве. Неожиданно нагнал тучку, и она просыпалась мелким дождем. Никто не обратил на него никакого внимания: вода—благо во всех ее проявлениях.

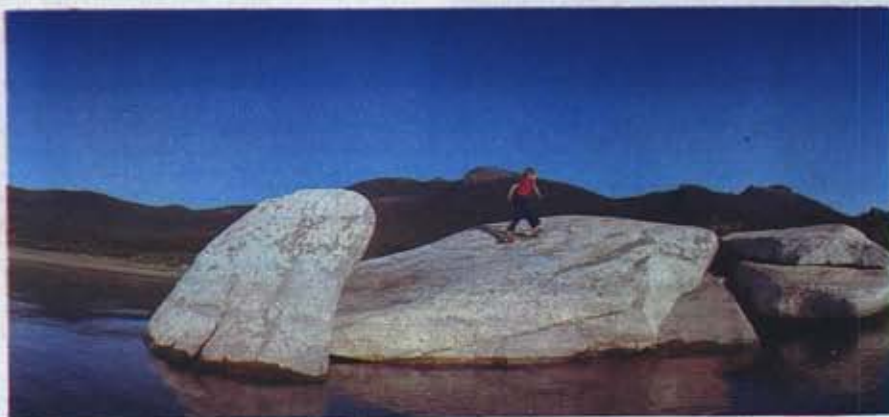
Но вернусь к разговору с Бобровником.

—Знаете, в чем главная причина всех здешних бед? В отсталости психологии,—говорит Виталий Павлович.—Украина, допустим, или Белоруссия в этом плане далеко обогнали Северный Казахстан. Там больше ценят землю. А у нас все еще бытует мнение, будто тут земля сам черт коcherгой не мерил, хватит всем и надолго. Потому и не берегут. В связи с добычей полезных ископаемых идет интенсивное разрушение почв и ландшафтов. Темпы рекультивации значительно отстают. А ведь это может дорого обойтись. Климат тут суровый. Осадков выпадает мало, а солнца больше, чем в европейской части страны. Поэтому надо быстрее закрывать нарушаемый почвенный покров всем, что дает хороший рост, любимыми растениями, пусть даже сорняками, лишь бы они выдерживали здешние жесткие почвенно-экологические условия.

Хотя в районе Борового и не ведется никаких разработок, нагрузка, которую испытывает природа от антропогенных факторов, тем не менее огромна. Про-

КРАСАВИЦА СИНЮХА.

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ.

**ЕМУ ВСЕГО МЕСЯЦ,
НО ОН УЖЕ ФИЛИН.**

ЛЕС ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА.

мышленность, сельское хозяйство, индустрия отдыха—организованного и «дикого»—все это в конечном счете работает в одной упряжке и в одном направлении: как можно больше и меньшей ценой взять у природы.

Замечено, например, резкое обмеление источников и понижение уровня Щучьего, Котыркульского, Малого Чебачьего, Джукейского озер. Причина: в округе много набурено скважин, из которых бесконтрольно берут воду по потребности. Город Щучинск к тому же забирает большое количество ее прямо из озера, хотя для технических и бытовых нужд можно было бы использовать воду глубинных горизонтов, которой тут с избытком и которая не связана со здешней системой озер.

Воду берут не только из самих озер, но перехватывают источники их питания—опять-таки бесконтрольно,—что сильно влияет на их уровень.

Здешняя экосистема носит довольно-таки замкнутый характер и легкоранима. Овощной совхоз «Олжеклес» во всех отношениях высокоразвитое хозяйство. Но это очень опасный сосед. Мы с тревогой ждем массового «сброса» азотно-фосфорных удобрений. Эти удобрения хорошо фильтруются гранитными почвами и применяются в долине, поверхностные и грунтовые воды которой питают озеро Боровое. Эти удобрения способствуют быстрому размножению и расселению микроскопических водорослей, что приведет к увеличению массы зоопланктона. Это, в свою очередь, резко нарушит экологическое равновесие в озерах. Начнутся «заморы» рыбы, что уже однажды наблюдалось.

**НИ ДНЕМ, НИ НОЧЬЮ
ЕГЕРЯ НЕ ЗНАЮТ ПОКОЯ.**

Нерегулируемое создание мест отдыха и лечения—особенно бесконтрольный «дикий» туризм—привело к разрушению почвенного и растительного покрова, сильному изменению состава микроорганизмов почвы и приземного слоя воздуха. А здешняя почва содержит микроорганизмы, которые подавляют многие болезнетворные микробы, палочку Колли, например, стрептококки и другие. Такие опыты проводились и дали замечательные результаты.

— Другими словами, воздух Борового хорош не только тем, что он ароматен и чист, но и тем, что имеет лечебные свойства?

— Конечно. Сосна выделяет фитонциды, полезные для человека и всей экосистемы. Здешний воздух очищает среду.

— Выходит, нужно ремонтировать не только землю, растительный покров, реставрировать и возрождать водоемы, но и принимать меры по восстановлению первоначального благоприятного состава микроорганизмов в почвах и приземном слое воздуха?

— Безусловно, так...
— Но этих самых «нужно» получается слишком много...

— Мы коснулись далеко не всех...
— Если выстроить их по значимости, вернее, по срочности, то с какого «нужно» следовало бы начинать?

— Я уверен, с науки, в самом широком ее понимании. Необходимо собрать в единый кулак все отрасли знания, чтобы в проблеме защиты природы не оставалось «белых» пятен. Она должна решаться в комплексе, как широкая научно обоснованная программа.

— Не могли бы вы проиллюстрировать свою мысль примерами?

— Однажды с Николаем Терентьевичем Черепановым, бывшим директором лесхоза, мы провели небольшое «исследование». Сели на главной трассе у въезда в лесной массив и стали считать автомашины, идущие в сторону Борово-

го. За полдня перед нами промчалось три тысячи единиц с двигателями внутреннего сгорания. Мы были, честно говоря, потрясены, до того неожиданным оказался результат. Видите ли, дорога в лесу практически не продувается. Над ней стоит смог из выхлопных газов, в которых столько ядовитых для живых организмов веществ! Если мы всерьез хотим восстанавливать первозданную целебную чистоту здешнего воздуха, для этого нам нужно будет, среди прочего, решить и проблему транспорта. Либо строить объездные пути. Либо пускать сюда только «безвредные» двигатели. Может быть, стоит запретить въезд частным автомашинам, а все перевозки пассажиров возложить на общественный транспорт, автобусы, например, или троллейбусы. Ведь ходят же троллейбусы из Симферополя в Ялту!

Как видите, даже такой, казалось бы, небольшой вопрос требует знаний спе-

циалистов самых различных областей науки: экологов, почвоведов, экономистов, энергетиков. Я уже не говорю о конструкторах, инженерах, строителях.

Или вот возьмем наши колки. Это замечательное детище природы. Не будем говорить об их чисто эстетическом воздействии на человека—в унылом однообразии степи они радуют глаз, это и так понятно. Коснемся лишь практической стороны дела. Эти небольшие замкнутые леса из березы, осины, ивы растут обычно в микропонижениях, там, где ближе всего к поверхности подходит вода. Колки не только потребляют ее, но и накапливают атмосферную влагу и тем самым «рассоляют», понижают минерализованность подземных вод прилегающих степных просторов. Они смягчают климат, снижают вредное воздей-

ствие сушеет, скорость ветра. Они же — прибежище всего живого бегущего, летающего, ползающего. Там, где свели колки, худо земле.

А ведь сводили. Видите ли, эти перелески мешают тракторам. Им негде развернуться, им нужен простор, крупные поля. Вот и перепахали все и вся, и почва стала засоляться. Поля пришлось бросить.

Теперь, кажется, поняли, что распахивать эти леса нельзя. Но беда подобралась к ним с другой стороны. Колки — отличный индикатор воздействия человека на природу. Процветают колки — значит, тут живут умные, рачительные хозяева, угнетены — выходит, земля досталась безграмотным лентяям.

Цвет листвы колков — показатель правильного применения гербицидов.

ТУРИСТСКИМИ ТРОПАМИ.

Если среди лета зелень зажглась красно-бурым, осенним цветом, это говорит о том, что где-то рядом перусердствовали в борьбе с сорняками, так как запустели в свое время посева.

В Боровском лесхозе колки занимают значительные пространства. Со всех сторон они окружены землями, используемыми в сельском хозяйстве. Соседство это, как мы уже говорили, не всегда безвредно. Выходит, если мы всерьез хотим защитить Боровое, нужно проанализировать характер и степень воздействия на него его ближайших соседей. Может быть, некоторым из них придется переселиться в другие места или же сменить производственный профиль. Короче, потребуются научные рекомендации специалистов в области экономики, сельского хозяйства, экологии.

— Хорошо. Предположим, мы собра-

ли «всю науку в единый кулак», она нам выдала необходимые рекомендации, разработала целую долговременную программу, которую кто-то должен выполнять. Кто?

— Та организация, которая будет поставлена во главе всего дела. Лесхозу это не по силам. Мне кажется, здесь должен быть создан национальный парк, статус которого давал бы широкие права его администрации.

На основе научных рекомендаций тут нужно выделить курортно-санаторную зону, зону туризма, территории нуждаются в восстановлении нарушенного природного равновесия. Разумеется, пока будет идти перевод территории на статус национального парка, здесь нужно прекратить всякое расширение хозяйственной деятельности и принять меры к сокращению уже существующего.

Вокруг национального парка необходимо создать защитную зону...

— Но осуществление всех этих мероприятий, как мне кажется, может привести к тому, что Боровое превратится в недоступную человеку сказку.

— Это неверно. Научно организовать отдых, лечение, туризм — вовсе не зна-

чит запретить их или сократить. Напротив, изучив, какую нагрузку природа способна выдержать, а какая ей не под силу, человек сможет оказать ей действительную помощь. Например, строительство новых санаториев следует развернуть на северном берегу Большого Чебачьего озера.

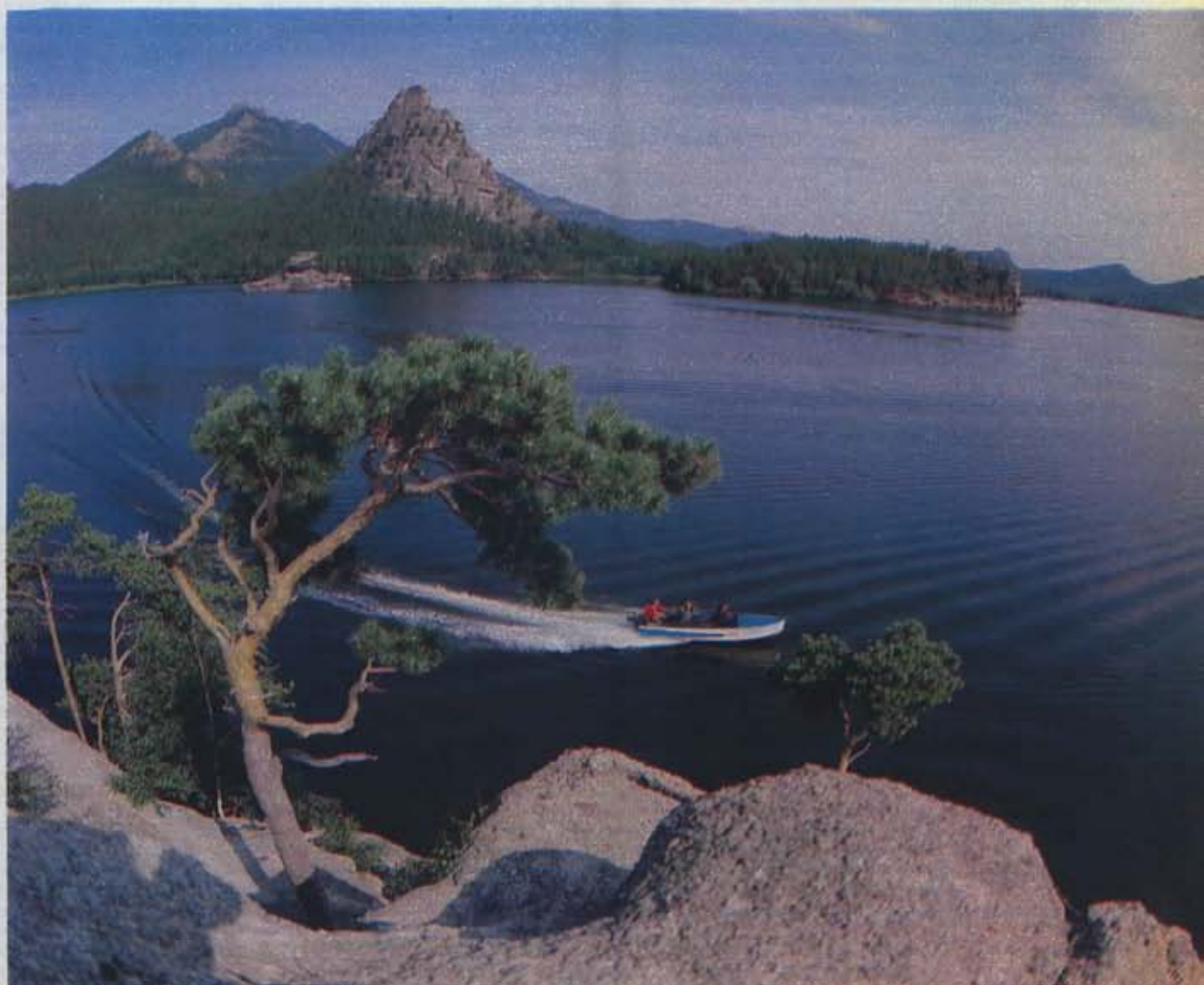
— Там голая степь.

— Совершенно верно. Но территорию эту можно и нужно обустроить. Земля там есть, вода тоже. Остается приложить руки — получится прекрасный курорт. Кстати, местная птицефабрика уже построила примерно в том районе отличный дом отдыха.

Понятно, что работу предстоит проделать большую, и затрат она потребует немалых. Но следует уяснить одно: второго Борового, такого, какое нам подарила природа, человек сделать не сможет. А вот потерять его легко. Так что выбор слишком мал: или — или.

Я уезжал из Борового рано утром. Над лесом, горами стояли еще предзвездные сумерки. Было тихо. Только самые ранние птицы после сна начали опробовать голоса. Воздух был настоящим чистым запахом смолы. Природа и ночью не знала покоя, трудилась...

СТОЛЕТИЯМИ СКАЛА ОЛЖЕКПЕС СМОТРИТ В ГОЛУБОЙ ЗАЛИВ.

УЧИТЕЛЬ

Прочитал проблемную статью «Урок физкультуры» («Смена» № 12) и вспомнил прекрасный фильм «Доживем до понедельника». Это там в среде умных учителей объявляется дуроватый коллега, физкультурник. Он врывается в учительскую, и... зрителям все уже ясно. А на экране учителя демонстрируют свое отношение к равноправному коллеге. Это в кино, а в жизни?..

Когда я окончил институт, один из первых моих директоров, человек грамотный и интеллигентный, сказал мне, восторженному лейтенанту физкультурных войск: «Подождите, придет время, и вы будете стесняться своей профессией».

Стесняться?.. Начинать я в детской спортивной школе, работал в институте, стал кандидатом наук, был старшим тренером сборной команды страны. Отдав жизнь большому спорту и написав о его делах и людях немало, берусь утверждать: прекрасна, неисчерпаема и крайне необходима подрастающему поколению профессия учителя физкультуры.

Представьте, у вас в школе прекрасный учитель математики. Это он нашел у вас замечательные способности и неустанно готовит вас к поступлению на физмат. Но вы почему-либо не последовали его призывам и стали зубным врачом. Представьте, в вашей школе вдохновенно трудится учитель литературы. Восхищаясь вашими способностями, он зачитывает вслух ваши сочинения и пророчит карьеру известного журналиста. Но вы по какой-то причине не последовали его советам и стали строителем. Как видите, даже высокая оценка ваших способностей еще не гарантия успехов в будущем. Нет, вы, конечно же, добьетесь их: в роли врача и в роли строителя, но, согласитесь, успехи могли быть выше, если бы вы объединили природные способности и призвание.

А вот если в вашей школе оказался прекрасный учитель физкультуры, кем бы вы ни стали, плоды его работы вы будете ощущать всю жизнь. Учитель должен подарить вам физическую активность — существенное богатство в стремительный век умных машин и нервных стрессов.

Физическая активность. Как ни странно, в эти слова можно вложить много. Утренняя зарядка. Гигиена тела. Умение чередовать работу и отдых. Плавание. Оздоровительный бег. Гимнастика. Лыжи. Велосипед. Режим питания...

Пишу о предметах, изучаемых в институтах и техникумах физкультуры. Ваш учитель знает о них больше других. Но я не сказал о физической нагрузке, способной видоизменить тело и характер. Это физическая нагрузка заставляет преодолевать себя. «А зачем?» — удивленно спрашивает ваше тело, молодое, раскрепощенное и счастливое в своей неповторимой звонкости. Зачем? Пройдут годы, и физическая нагрузка останется единственным советчиком в борьбе со старостью, болезнями, недомоганиями...

Вы улыбаетесь? И правильно делаете. Читатель журнала, человек комсомольского возраста (и немного старше), не скоро задумается над этим. Хотя ученые полагают, что процессы старения начинаются после... двадцати пяти лет.

Если учитель физкультуры отдаст вам часть души и знания, можете считать себя счастливым человеком. Какую бы вы специальность ни выбрали, какой бы пост ни заняли, значительная часть успехов будет зависеть от состояния здоровья. Ни ум, ни талант, ни удача не смогут предложить вам великое ощущение — работать, не уставая. А значит, делать больше и лучше!

УРОК

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» записано:

«Физическая подготовленность значительной части населения еще не в полной мере отвечает требованиям, которые предъявляет к человеку современное производство и служба в Вооруженных Силах СССР».

Это речь о юношах и девушках в возрасте 18 лет, какими они вышли из школы.

«Народное хозяйство несет значительные потери от болезней рабочих и служащих, зачастую связанных с их слабой физической закалкой».

Это уже о людях далеко не школьного возраста.

«Физическая культура должна входить в повседневную жизнь широких слоев населения, особенно детей».

Спросим у самих себя: каким образом? А спросив, разберемся, чем в этом отношении обеспечены наши дети.

Первое. В стране 145 тысяч начальных, восьмилетних и средних школ. Система детских спортшкол (шесть тысяч) охватывает 15 процентов школьников. Опыт моей работы подсказывает: 15 процентов — это так называемый списочный состав. Огромный отсев из детских спортшкол — явление, требующее изучения. **Второе.** Учебный год в школе длится 200 дней, в среднем по шесть часов — 1200 часов. Согласно программе 1983 года, на уроки физкультуры отводится 70 часов в год. **Третье.** Сегодня урок физкультуры — это (наиболее часто!) построения, перестроения, выравнивание в линейку и... образно говоря, «рукомахание». **Четвертое.** Во многих школах по всем предметам давно созданы учебные кабинеты. Только физкультурный зал практически ничем не обогатился. **Пятое.** До 1956 года физкультурные залы в школах не строились. (Не путать с актовыми, используемыми для уроков физкультуры.) Сегодня обеспеченность школ физкультурными залами в стране составляет 58 процентов.

Как видите, есть объективные причины, если не оправдывающие, то объясняющие неудовлетворительное состояние школьной физкультуры. И не получилось ли так, что объективные причины не сразу, но постепенно видоизменили наши представления о физкультуре?

Десятиклассник, намереваясь поступать в вуз, работает в школе шесть уроков, и три часа ему положено заниматься дома. В итоге его рабочий день побольше, чем у взрослого. Что и как происходит в юношеском организме, если в этот обязательный режим пассивности не внедрить физическую активность?

Вспомним и привычное родительское влияние (особенно в младших классах): «Чего ты прыгаешь,

Физкульт — УРА!

Александр БОЙКО,
доцент,
кандидат педагогических наук

садись делать уроки!» Или из окна: «Сколько можно бегать, иди делать уроки!» И как-то незаметно обросли мы очкастыми отличниками с бездными лицами и искривленными позвоночниками...

Попросите учителя физкультуры показать справки, освобождающие от занятий. И эти справки выдают врачи, призванные помогать учителю закалять детей при помощи движений, делать готовыми к труду и обороне. К жизни!

Против того, чтобы закалять и готовить к жизни, никто не возражает, но многие скажут: «Помилуйте, но при чем здесь школа? Школа призвана учить знаниям!» На этот счет хорошо написала в редакцию Татьяна Сергеевна Гальчук из Ленинграда: «Хочу, чтобы к уроку физкультуры относились как к любимому предмету. Все остальные уроки — уроки знаний. Урок физкультуры — урок здоровья. Но какие могут быть знания, если ребенок больной?»

Все правильно, школьный урок физкультуры тоже должен научить знаниям и навыкам. На большее времени нет! Значит, укрепление здоровья должно происходить за счет внешкольных мероприятий? Кто и когда этим будет заниматься? Родители? Но тут мы вынуждены ограничиваться пока лишь призывами.

И, конечно, опять возвращаемся к школе. Да, школьной физкультуре далеко до образцового порядка. Если, допустим, сравнить с литературой. Там ведь не бывает, чтобы в один и тот же день в Саратове школьники одного класса изучали Радищева, а во Львове — в таком же классе Маяковского. В физкультуре же бывает и не такое. В одном городе одни плавают, другие прыгают, третьи готовятся к марш-броску, а у четвертых урок физкультуры заменил биологией...

А поэтому, не обижая учителей физкультуры, могу предположить, что школьный урок физкультуры в том виде, в каком существует, бесперспективен.

ШКОЛА

Допустим, что дела в школе развиваются нормально, и все школьники получают удовлетворительное физическое развитие. Допустим и перевернем медаль, рассмотрим ее другую сторону...

В каждой школе есть так называемые подготовительные и специальные группы. В эти группы объединены дети с серьезными заболеваниями — их незначительное меньшинство! Но среди них — и такие, кто, к примеру, имеет избыточный вес. И такие, кто любвеобильными родителями освобожден от физкультуры

справками разного толка. В лучшей школе, где мне пришлось побывать (№ 146 г. Киева), из 1030 учащихся 930 детей абсолютно здоровы. И все же есть сто школьников, отнесенных к этим группам. Итого — 10 процентов. Я подчеркиваю: таково положение в лучшей школе!

Позже, встречаясь с учителями других школ, я выяснял у них процент учащихся, освобожденных от физкультуры. Больше или меньше, но в среднем их число вращается вокруг тех же 10 процентов.

А теперь хотя бы теоретически отсчитаем эти проценты от 42 миллионов школьников: более 4 миллионов детей или не могут активно заниматься физкультурой, или не имеют возможности участвовать даже в школьных соревнованиях. Не означает ли это, что 10 процентов школьной молодежи как бы консервируются в физической пассивности, а начальные отклонения в здоровье уносят с собой во взрослую жизнь?

Как видите, все не так просто, если рассматривать наши проблемы в масштабах страны. И пусть этих ребят будет не десять процентов, а пять: значит, два миллиона...

Мудрый учитель физкультуры из другой киевской школы, № 70 (стаж работы на одном месте тридцать семь лет!), Михаил Захарович Оселко хитровато прищурился и задал мне вопрос: «Объясните, почему в послевоенные годы, кажется, до 60-х годов, в школах не было ни специальных, ни подготовительных групп?»

А действительно, почему? Военные и послевоенные дети, как и взрослые, приняв на себя тяготы трудных лет, не в пример нынешним были, оказываются, здоровее сверстников 80-х годов?

Продолжая тот разговор, учитель сказал: «А теперь

ОБЯЗАТЕ

задумайтесь, как я могу сказать Юре Яценко, который с первого класса в специальной группе: сейчас класс будет бегать тысячу метров, а ты сиди на скамейке. Нет, я скажу: пробеги половину, а затем я у тебя пульс измерю. Если у меня специальная группа не выделена в отдельные часы, то хуже только мне, но лучше — детям».

Да, выделение освобожденных ребят в отдельные группы и занятия с ними в другое время позволяют учителю получать лишние часы и, естественно, деньги. Однако лучшие учителя физкультуры (нарушая правила, а на самом деле поступая правильно!) берут на свои уроки всех освобожденных, снимая с них печать физической неполноценности. И делают это, поступаясь дополнительным заработком, во имя того, чтобы увидеть детей здоровыми. Я не говорю о тех, кто освобожден «справкой», а думаю об истинно больных. Памятуя извечный лозунг медицины: «Не повреди!», лучшие учителя физкультуры дают освобожденным нагрузку, достаточную, чтобы справиться с ней, а значит, не слабость сначала духом, а потом и телом.

Я интересовался у разных учителей: а возрастает ли число школьников, по тем или иным причинам освобожденных от физкультуры? Да! Не будем путаться в процентах, перемножая новые тысячи. Задумаемся о тенденции.

Что же получается? Многие из школьников своими ногами приходят в школу, на переменах носят по коридорам, а когда звонок призывает их в физкультурный зал, оказывается, они освобождены от школьного урока.

Как сейчас не вспомнить Вильму Рудольф? Это она, переболев полиомиелитом, училась ходить в школьном возрасте и стала олимпийской чемпионкой в беге на 100 метров! Как не вспомнить Мюрею Халберга — олимпийского чемпиона в беге на 5000 метров, имевшего парализованную руку? А Ирина Роднина, тяжело переболевшая в детстве и ставшая трехкратной олимпийской чемпионкой?

Трижды правы учителя физкультуры, утверждая обязательное и активное присутствие на уроках освобожденных детей. Только ведь учителя не все могут. Есть школьники, которые хотя бы бегать, но за частоколом справок начинают ощущать себя инвалидами. Кто и когда посчитал школьников, числящих себя больными? Сколько из них эту живучую психологию унесут на производство, в институты, в армию? Думают ли родители и врачи, предоставляя справки, ограничивающие физическую активность, что они наносят школьнику травму, убеждая его в собственной неполноценности?

А может, есть смысл изучить историю возникнове-

ния этих групп и задуматься о своеобразных ножницах: жить стали лучше, умственная нагрузка у школьников возросла значительно, но резко снизилась физическая активность. Что последует за этим?

БЮЛЛЕТЕНЬ

Итак, 10 процентов школьников отнесены к подготовительной и специальной группам. А что происходит с ними, когда они поднимаются выше?

Я специально интересовался этим вопросом, находясь в командировке для знакомства с физвоспитанием студентов Львова. Так, в медицинском институте эта цифра уже выше и достигла 15,3 процента. При поступлении в институт освобожденных от физкультуры насчитывается человек пятьдесят, а после зачисления число освобожденных возрастает до 500!

Согласно правилам поступления, абитуриент предоставляет справку по форме № 286, а в медицинском институте проходит и специальную комиссию. И то и другое не мешает будущим врачам приносить на кафедру физвоспитания справки, освобождающие от движений. Можно предположить, что эти специалисты, мягко говоря, с подпорченной психологией вряд ли пропишут своим пациентам столь эффективное лекарство, каким является физкультура. И можно огорчаться, узнав, что это происходит в институте, избравшем своим лозунгом «Здоровье—вторая специальность врача».

Как видите, сначала освобождение от урока физкультуры в школе, потом от занятий по физвоспитанию в вузе. Что последует? Специалисты отвечают: функциональные отклонения в организме.

вим: что-то, а пресловутое ОРЗ (острое респираторное заболевание) физкультура победила давным-давно. И сегодня замахваются на более серьезные болезни. И тоже побеждает их!

ЗДОРОВЬЕ

Давайте спросим у молодого человека, не выделяющегося среди остальных: что сегодня престижно? Магнитофон? Джинсы? Машина? Нет, я не ханжа. Но иногда думаю, а может ли стать престижным объект—«Здоровье»? И тогда мне кажется, что люди моложе меня (в том числе и мой сын) так не думают.

Заметный перекос в сторону широкой популяризации спорта (в ущерб физкультуре) будет еще выправляться не один год. Средства массовой информации подняли на щит чемпиона, оставив в стороне важное обстоятельство: чемпионом может стать истинно здоровый человек. И подготовку к восхождению на пьедестал любой величины начинают с укрепления здоровья. Нагрузки современного спорта накладываются только на здоровый организм. Это давняя истина. Так почему же популяризация образа жизни и работы здоровых людей осталась в стороне от влиятельного взгляда нашей прессы?

И тогда школьник, испытав себя в разных видах спорта и не найдя себя ни в одном, оставляет желание стать просто здоровым человеком. Если его нет, отсюда, в вольности свободного времени, прямой путь к сигарете, рюмке и всему остальному.

Главная причина непопулярности культуры здоровья среди молодежи, на мой взгляд, пресловутое деление

подсказал: физическое состояние солдата—гарантия успешного выполнения им воинского долга. Вручается военная техника и целенаправленно, настойчиво внедряется физкультура. Почему же в условиях гражданских (школа, техникум, институт) это сделать нельзя? Разве на современном производстве техника менее сложная?

Я убежден, что сейчас надо думать не об увеличении времени, отводимом на физкультуру. Это мера частичная. Надо думать об изменении отношения к физкультуре.

БУДУЩЕЕ

Что же делать с тобой, урок физкультуры?

Недостатка в предложениях нет! И наиболее распространенная точка зрения: урок физкультуры должен быть ежедневным! Все правильно. Только отсутствие залов, насыщенность программ по другим предметам не позволяют пока думать об этом.

А может, все-таки да?!

Вот если после дзесада, после четвертого, восьмого, десятого классов были бы государственные экзамены! Пожалуйста, не пугайтесь, именно государственные. Вспомните еще раз слова В. И. Ленина: «Здоровье—казенное имущество».

Мне предоставилась возможность проследить путь продвижения отдельной личности в реально существующей системе: детский комбинат № 445 Киева (директор Л. И. Пархоменко), средняя школа № 146 (учитель физкультуры И. М. Левитас) и подростковая поликлиника (старший врач С. С. Орловская).

Следуя по этой цепи, я добрался до удивительного вывода. Оказывается, заинтересованное сотрудничество и деловая связь между этими учреждениями позволили школе № 146 занять первое место в микрорайоне по состоянию здоровья. Но еще и стать победительницей в республиканском конкурсе по спортивно-массовой работе и занять второе место в стране по подготовке значков ГТО. Как видите, одно другому не мешает.

Итоги, достигнутые товарищами из Киева, не требуют рекламной кампании и выездов на место по изучению опыта. В их работе нет ничего уникального, а есть желание поддерживать друг друга, имея в руках достояние, каким и является здоровье будущего гражданина.

Все было непросто в становлении центрального звена системы—школы. Учитель физкультуры Илья Михайлович Левитас на протяжении многих лет говорит родителям, недовольным плохой оценкой по физкультуре, одно и то же: «Пусть занимается дома. Если он (она) не успевают по математике, вы ведь не пускаете их гулять, пока не сделают уроки».

Речь о домашних заданиях по физкультуре. Идея простая и эффективная.

А теперь задумайтесь, какие бы у вас были знания по математике или физике, если бы по этим предметам не было учебника, домашних заданий и экзаменов? Что же делать учителю физкультуры, от которого мы ожидаем многого? Не забываем ли мы, что здоровые будущие граждане нам должны быть дороже не меньше, нежели знание бинама Ньютона. Нет, я не противопоставляю ум и силу, но по-прежнему уверен: одно немисливо без другого.

Почему же в первую очередь должна быть решена проблема домашних заданий по физкультуре? Во-первых, они приучают к системе в занятиях. Во-вторых, организуют неконтролируемое время школьника. В-третьих, заставляют трудиться самостоятельно. В-четвертых, позволяют открыть в себе скрытые резервы. В-пятых, приучают делать не л ю б и м о е дело, не получающееся с первого раза. Я не говорю, в-шестых,—делают здоровым, это и так понятно.

Сегодня система оценок по физкультуре ничего не говорит о состоянии здоровья. И пятерку можно получить за выполнение эпизодических нормативов. А если бы попробовать систему контроля? А значит, сопоставляемые измерения. Все чаще и чаще поговаривают о карточке (паспорте) здоровья. Наличие такого документа дисциплинировало бы не только проведение урока. И школьник, и учитель, и родители видели бы плоды своей работы.

Как было бы здорово, если бы эта часть работы стала главным звеном единой системы физвоспитания. Детсад—3 года+школа (ПТУ, техникум)—10 лет—армия (вуз)—2—5 лет. В идеальном варианте система здоровья продолжительностью в 15—18 лет—срок достаточный, чтобы заложить прочные основы здоровья на всю жизнь.

Я не берусь подменить опыт многочисленных учреждений, способных предложить более совершенную систему, но глубоко убежден: сегодняшняя школа, даже оставив 70 часов на физкультуру, сможет добиться многого, если...

А пока наш долг—максимально помочь учителям. Это они, лучшие учителя физкультуры, утверждают: «Здоровье народа закладывается в школе».

ЛЫЖНЫЙ УРОК

Командировка во Львов позволила увидеть и другие факты, имеющие отношение к теме нашего разговора. Университет построил Дворец спорта, а рядом—в медицинском и в полиграфическом институтах—отобрали помещения, предназначенные для физвоспитания. На одной улице находятся военнополитическое училище и десять общежитий политехнического института. На территории училища выстроена система перекладки, где одновременно могут подтягиваться человек сто (и там все время кто-то развивает силу), а на территории общежитий нет ни одной перекладки. Но почему же будущий офицер имеет условия для физического совершенствования, а будущий инженер нет? Они ведь ровесники, и в их здоровье в одинаковой степени заинтересовано государство.

Еще один тревожный факт: каждый пятый (!) студент города Львова болеет. Об этом сообщила в своем докладе на областном пленуме ДСО «Буревестник» председатель областного совета профсоюза высшей школы Г. Гипрагс.

Можно ли искать общее между школьным уроком физкультуры и занятием по физическому воспитанию в вузе? В чем-то они едины, в чем-то разнятся. Но как объединить их целенаправленные действия, если студенты не могут подтвердить нормативы, освещенные в школе? Как на базе школьной физкультуры развить физические возможности студентов, чтобы с их помощью совершенствовать качества, необходимые в будущей профессии? Геологи, геодезисты, мелиораторы, агрономы, лесоводы, строители... Народное хозяйство насчитывает сотни специальностей, которые требуют профессионально-физкультурной подготовки. А кто и когда подсчитывал справки, освобождающие уже от исполнения профессиональных обязанностей?

Как видите, мостик перекидывается все дальше и дальше.

Итак, бюллетень—государственный документ, позволяющий болеть, не беспокоясь о будущем. А если задуматься о государственном кармане, из которого обеспечиваются больных, каковыми многие могли бы и не быть? Да-да, это больные, так сказать, по собственной небрежности, невниманию к здоровью, если хотите, халатности, разгильдяйству.

Кто может сказать, сколько у нас выдано бюллетеней на излечение простудных заболеваний? Но если прозу домашнего насморка сопоставить с прозой служебных расчетов, можно уже задуматься о сотнях тысяч рублей—оплаченное государством элементарное неуважение к собственному здоровью. Вот как далеко можно зайти в разговоре о школьном уроке физкультуры. Но, сказав об этом, с гордостью доба-

на перспективных и недостойных (назовем их так). Казалось бы, нет ничего удивительного: отбор осуществляется и в балетных, и в музыкальных, и в математических школах. Если юноше говорят об отсутствии у него музыкального слуха, подобный недостаток не мешает ему стать парикмахером или краснодеревщиком. Но если в секции плавания говорят, что ты перерос в годах, а в секции баскетбола—недорос в сантиметрах, все необходимое в движении—основе здоровья—он уже нигде не получит. Не тогда ли юноша и—гораздо чаще!—девушка вынуждены идти по извечному кругу: минимум физической активности—излишняя полнота—минимум движений—ослабление функций—болезнь—еще большая осторожность—хроническая болезнь—ослабление организма.

Что возведено в культ сегодня? Победа!

Что ценится сегодня в работе учителя физкультуры? Победа!

Победа в спорте—главное слово. Победа позвала за собой миллионы наших ребят и сотни из них сделала олимпийскими чемпионами. Победа—слово важное, необходимое, но, как бы сказать поосторожнее, ослепляющее, что ли. И слово это дурманит многие головы, заставляя стремиться вперед и вверх. Что подлаешь, такова правда спорта.

Но когда на соревнованиях я вижу возбужденных своей «правотой» учителей физкультуры, якобы проигрывающих честь школы на районных соревнованиях, когда слышу их слова, упрекающие судей в предвзятости и т. п., мне становится обидно за них. Школьный учитель физкультуры должен жить другими интересами, а в его душе и совести должна вырваться иная гордость. И чувство это должно быть продиктовано не сиюминутным успехом, цена которого—тьфу!—ведь уже завтра об этой победе все забудут. Нет, в умах и сердцах школьных учителей физкультуры должна закладываться новая модель, имя ей—здоровье будущих создателей. А итоги этой работы должны подводиться не на соревнованиях, где выступают единицы, а в отчетах подростковых поликлиник и районных военкоматов.

А спорт? Спорт в школе—удел одаренных. И пусть одаренные в движениях занимаются в спортивных школах, а одаренные в пластике—в балетных. Совершенствование личных способностей—дело добровольное. Но здоровье, определенное В. И. Лениным как «казенное имущество»,—категория не бесхозная!

А можно ли ставить вопрос о принудительном (какое нехорошее слово!) занятии собственным здоровьем, как это делается в армии? Там ведь занимаются очень серьезно. Опыт воинской службы давно

Сказки городского двора

Тигр в лениво-настороженной позе положил голову на вытянутые лапы, питон распластал по широкому изогнутому стволу дерева свое пятнистое тело. Хозяин этого необычного зверинца, высокий, в сандалях на босу ногу, в спортивном костюме защитного цвета, наклонившись, колдует над маленьким невзрачным стебельком (который потом оказался знаменитым здельвейсом).

Осматриваюсь: экзотический садик неподалеку от шумного Ленинского проспекта столицы укрыт зеленью. Здесь среди камней плещутся в бассейне ярко-красные рыбы и цветут удивительной красоты кактусы. Рукотворный фантастический оазис, возле которого забываешь о суете большого города. Создал его Михаил Кузнецов — энтузиаст, мечтатель, художник, биолог.

Он переехал сюда с родителями, когда ему было 8 лет. Сначала учился рядом с домом, в 169-й школе, потом перешел в 35-ю, биологическую. Он увлекался тогда птицами. Потом внезапно «заболел» архитектурой. Потом рисованием и лепкой — всем по очереди и всем с равным азартом. Бывают такие вечно увлекающиеся люди. Так что своих тигров, крокодилов, аистов и питонов, населяющих садик под окнами угловой квартиры на первом этаже, он вылепил из цемента и раскрасил сам. Прикрепил к стене дома картину на полиэтиленовой пленке — альпийские луга, тоже рисовал сам.

Он научился отбиваться от тех, кто косо смотрит на его искусство. Сначала были столкновения с родителями из-за коллекции кактусов. Но только словесные. А потом...

— Вы удивляетесь, как это мой садик не топчут и не ломают? А почему вы так думаете? И топчут и ломают. А я восстанавливаю. Тигра менял пять раз — уносили. И питона и аистов. Сейчас к саду привыкли, лопать перестали, даже помогает кое-кто.

Мне же думается, что этот его сад стал для окружающих чем-то большим, чем просто обиходный клочок московского двора, он сделался гордостью общей, потому и перестали его ломать.

Да и нельзя не уважать этого человека, труд его, упорство. Вместо того, чтобы смотреть телевизор по вечерам, он таскал ведрами землю с дальнего пустыря, причудливо выкладывал камни, высаживал кропотливо стебелек к стебельку разные неадаптированные травы, рыхлил посадки совочком. Именно совочком — ни с лопатой, ни даже с тяпкой в миниатюрном садике не развращешься.

В садике протоптаны дорожки и установлены таблички с латинскими названиями растений, а на столбике возле подъезда висит объявление: «Экскурсии и раздача семян цветоводам-любителям проводятся по воскресеньям с 12 часов».

Он выходит, открывает калиточку и ведет экскурсию, осторожно ступая по узеньким дорожкам, таким же миниатюрным, как и сам садик. Его осаждают вопросыми:

— Скажите, вы все это привезли из экспедиций, туристических походов? Много путешествовали?

— Да нет, семена и рассаду большей частью покупаю, друзья из Ботанического сада иной раз делятся.

Вероятно, из тех же соображений он и стены квартиры расписал сюжетами джунглей.

— Было как-то раз на душе тоскливо: все уехали, в квартире тихо. Я подумал: разрисую стены. Пусть будут лианы и орхидеи. Хочу спать под баобабом!

Раньше орхидеи и лианы в квартире были настоящие. Бассейн с золотыми рыбками полкомнаты занимал. Но после рождения маленькой дочери пришлось все вынести на улицу.

Местные общественные организации (домком и жэк) сначала выражали недоумение. Пытались даже открыть «кампанию» против Кузнецова. Но он и тут переупрямил, и все увидели: дело-то стоящее.

Если приедут гости или нагрянет комиссия, работники жэка теперь первым делом ведут их сюда: показать гордость квартала.

Теперь возле соседних домов появилось несколько подобных садиков. Им далеко еще до экзотичности первенца. Но важно то, что пример подхвачен.

Кузнецов не стал ботаником, он заканчивает медицинский факультет Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Смеется:

— Медицина — это, знаете, серьезно, веско — сам себе значительным кажешься. А то спросят тебя: «Чем занимаешься?», а ты в ответ — латинское название какого-нибудь сорняка. Несolidно как-то для мужчины. Но после работы, как хобби, — дело другое!

Утверждение спорное. Но бесспорно другое: если бы все молодые люди поднимали свое хобби на такую же высоту, как Кузнецов, то мир, окружающий нас, был много прекраснее.

Прошлой зимой, в январе, во время студенческих каникул Михаил увидел альпийские луга в горах Кавказа. Увидел и понял: «Это действительно надо УВИДЕТЬ. И не заменит этого никакой сад».

Походы стали его новым увлечением. Он окунулся в жизнь с палатками и рюкзаками с таким же энтузиазмом, с каким привык делать все.

Но садик под окнами угловой квартиры по-прежнему в полном порядке.

ЭКСКУРСИЯ
В МИР
ЧУДЕС.

КАЖДЫЙ
ДОЛЖЕН
ВОЗДЕЛЫВАТЬ
СВОЙ САД.

В ГОЛЛИВУДСКИЕ ГОДЫ РЕЙГАНУ НЕ ПРИШЛОСЬ СЫГРАТЬ «СУПЕРМЕНА» — В ЭТОМ ОБЛИКЕ ЕГО ИЗОБРАЗИЛ ЖУРНАЛ «ШТЕРН». «СУПЕРМЕН» ИЗ БЕЛОГО ДОМА, УГРОЖАЮЩИЙ ВЗОРВАТЬ ПЛАНЕТУ...

4 ноября 1980 года — как и всегда, в первый вторник после первого понедельника — Америка избрала своего 40-го президента.

В веренице его предшественников, вознесенных на верхушку государственной власти, теснится разномастный политический люд. Были президенты-великомученики и президенты-инквизиторы, были мрачноватые крепыши — виртуозы «большой дубинки» и разговорчивые пророки всеобщего благоденствия. Одни оставили в истории заметный след, другие — смутное и тревожное воспоминание о том, что в стране на некоем этапе наряду с наводнениями, землетрясениями и прочими стихийными бедствиями был президент ИКС.

Президенты менялись, однако мало что менялось в положении американцев, и с течением времени стало обнаруживаться, что колоссу избирательского доверия к институту президентской власти, похоже, все труднее балансировать на неуклюжих глиняных ножках.

Особенно много испытаний выпало на его долю за последние два десятка лет. Вьетнам послал колосса в нокадаун. Не успел он прийти в себя, как на него обрушился Уотергейт.

На подмогу пошатнувшемуся идолу поспешил было человек из Джорджии — непосредственный предшественник Рейгана — крупный специалист по выращиванию арахиса с замашками баптистского проповедника, осененный идеей о своей миссии поборника человеческих прав и свобод во всех странах, за исключением собственной. И немало потрудился, лишая американцев последних иллюзий по поводу непогрешимости президентской власти.

О том, как хирел упомянутый колосс, лучше всего, наверное, свидетельствует катастрофическое падение интереса граждан США к выборам. На выборах 1976 года в голосовании участвовало 54,4 процента населения с правом голоса. В 1980 году — уже только 38 процентов. И если дело пойдет так дальше, то в 2000 году президент Соединенных Штатов может быть избран всего 10 процентами избирателей.

40-го президента избирала страна с большими нервами. Перед ней стояла дилемма: кто более достоин стать во главе великой державы и обрести возможность влиять на судьбы всего человечества — все тот же неталантливый моралист или бывший голливудский актер?

Выбор пал на актера. И не потому, что уж очень он был хорош, а, скорее, потому, что казался не настолько плох, как его соперник, о чьих способностях управлять государством избиратели уже сложили определенное мнение за четыре предыдущих года. С той поры прошло не так уж много времени, но и за этот исторически короткий срок Америка успела испытать на себе неукротимую энергию немолодого человека с голливудским прошлым.

В заоблачные выси стремительно ушла кривая безработицы: по данным профсоюзов, работы не имеют сейчас почти двадцать миллионов американцев. Больше тридцати миллионов не могут разорвать порочного круга «официальной» бедности.

Зато не болит голова у тех, кто находится на противоположном полюсе сегодняшней Америки — у тех, на кого 40-й хозяин Белого дома взирает с отцовской нежностью, кому он без сожаления дарит все нерастроченные ресурсы своего президентского сердца.

И пусть их меньшинство, этих трогательно опекаемых (хотя они, может быть, менее всего нуждаются в опеке), президент явно озабочен лишь мнением этого меньшинства.

Радуйся и веселись, бедность Америки, награда твоя будет велика на небесах. По этому адресу найдут утешение скорбящие в очередях за бесплатным супом.

Библия остается любимой книгой Рональда Рейгана.

«...Рональд Рейган превратил войну против бедности в войну против бедняков».

Стив Сьюэттс, исполнительный директор Южного регионального совета, город Атланта

«...Если платить деньги людям потому, что они бедны, разведется слишком много бедных».

Рональд Рейган

В один из весенних дней 1964 года Линдон Бэйнс Джонсон содрогнулся сердцем.

Это загадочное проявление человеческой слабости приключилось с тогдашним президентом США в Аппалачах, беднейшем районе богатой страны. Сколь ни быстротечен был президентский марш-бросок — 15 часов на пять штатов, — Джонсон успел заглянуть в глаза отверженной Америки. И доподлинно неизвестно, хватило ли ему духу, чтобы не отвести взгляда.

В тот день в центре внимания страны оказались

лица, мало подходящие для журнальных обложек, — почерневшие изнутри от сгоревшей надежды лица безработных шахтеров из Западной Вирджинии и старческие от регулярного недоедания лица детей из Восточного Кентукки. Среди прочих было схваченное крупным планом лицо 38-летнего рабочего лесопилки Тома Флетчера.

Фотокамеры запечатлели исторический миг беседы м-ра Джонсона с м-ром Флетчером, состоявшейся у обитых толем стен хижины, которая служила жилищем семье последнего. В ходе беседы м-р Флетчер попытался объяснить м-ру Джонсону, что означает содержать семью из десяти человек на 400 долларов в год. По завершении беседы хозяин не дал приема в честь высокого гостя — по очевидной причине отсутствия в бюджете его семьи статьи расходов на обеспечение довольствием президента Соединенных Штатов и его свиты.

После этого, возможно, в речах Джонсона и зазвучала решимость дать бедности смертный бой.

Риторика в объявленной Джонсоном «войне против бедности» было, конечно, больше, чем боевых действий. Строго говоря, эта «война» попросту в какой-то степени стабилизировала положение неимущих, не давая им шанса подняться выше, но и не позволяя опуститься еще ниже, поддерживая их существование на той грани, за которой жизни уже нет. Так было шестнадцать лет.

И вот энергичными усилиями 40-го президента «война против бедности» в кратчайшие сроки на глазах у всех превращена в войну против бедных — самую настоящую, уже без всяких кавычек.

«...Кое-кто обвиняет меня в том, что я пытаюсь свести на нет приверженность нашего правительства принципам гуманности и сочувствия к нуждам бедных. Тревожит ли это меня? Да, тревожит. Позвольте мне, подобно Франклину Делано Рузвельту, сказать, что я вовсе не пытаюсь разрушить то лучшее, что свойственно нашей системе гуманного, свободного правления — я делаю все, чтобы сохранить это».

Рональд Рейган

«Список жертв политики правительства растет с каждым днем. Единственно, кого не коснулись бедствия рейганомии, — горстка богачей, заботливо лелеяемых нынешней администрацией».

Из заявления председателя АФТ — КПП и лидеров шести крупнейших организаций, борющихся за профсоюзные, женские и гражданские права

Ответственность за плачевное состояние экономики несет правительство Картера, говорил в октябре 1980 года Рональд Рейган, тогда еще кандидат в президенты.

Через месяц он сам занял место «развалившего экономику» Картера.

У ног его расстилалась великая страна со всеми ее великими проблемами. В этой стране были, с одной стороны, десятки миллионов людей с доходами ниже официального порога бедности. С другой стороны, в ней были гигантские корпорации, чьи прибыли носили галактический оттенок. И было печально подавленное состояние экономики, на которое кивал кандидат Рейган — оно, быть может, и не приводило гигантов бизнеса в восторг, но все же не пускало их с сумой по штатам. Зато всей своей тяжестью обрушивалось на малоимущих.

Какие же действия в данной ситуации можно было бы посчитать целесообразными, гуманными и логичными? Вероятно, силой президентской власти заставить тех, кто богат, поделиться с теми, кто беден?

Оказалось, наоборот: заставить бедных поделиться с теми, кто богат.

Такова логика рейганомии.

За это Рональд Рейган был удостоен малопочетного прозвища «Робин Гуд наоборот», указывающего на коренное различие в практике хозяина Шервудского леса и хозяина Белого дома: один отнимал у богатых, чтобы отдать бедным, другой грабит бедных, чтобы одарить тех, кто и без того неприлично богат.

Выше уже цитировалось изречение президента о том, что платить деньги бедным — дело ненужное и вредное, способное лишь умножить их ряды. Куда разумнее, в силу этой логики, платить тем, кто богат. Поэтому в первом же своем бюджете президент сокращает ассигнования на социальные нужды более чем на 30 миллиардов долларов, одновременно готовясь израсходовать в течение ближайших пяти лет 1,6 триллиона на наращивание вооружений — чтобы не остались внакладе производители оружия.

«Я не враг своему собственному поколению».

Из выступления Рональда Рейгана на конференции по проблемам престарелых

«Рейган — верный друг дряхлых стариков и старух. Правда, при условии, что этот старик или старуха — линкор «Нью-Джерси». Некоторое время назад Рейган, израсходовав 326 миллионов

долларов на его модернизацию, вновь ввел в строй действующих этот корабль времен второй мировой войны».

А. Кокберн, нью-йоркский обозреватель

40-й президент любит поговорить о 32-м. То есть о ФДР. ФДР — это Франклин Делано Рузвельт. Сороковой любит вспоминать, как в году, кажется, 1936-м видел тридцать второго в Де-Мойне, штат Айова, в ходе предвыборной кампании. Какой он был веселый и уверенный в себе, как вызывал у соотечественников энтузиазм и будил в них веру в лучшее будущее.

40-й президент порой не прочь сравнить себя с ФДР. Кое-какие аналогии действительно напрашиваются сами собой. Рузвельт принял руководство страной, по которой прошлась «великая депрессия». В Америке 1932 года было 12 миллионов безработных. В некоторых городах — например, в Чикаго — на улице оказалась половина работоспособного населения. Почти тридцать миллионов человек не имели постоянных доходов.

Рональд Рейган пришел в Белый дом в дни, когда обстановка в стране печально и пугающе напоминала картину пятидесятилетней давности. Те же миллионы «лишних». Два миллиона бездомных. И абсурдный для великой державы 80-х годов призрак голода.

Оба направили свои усилия на перераспределение национального богатства. Эту цель преследовал рузвельтовский «новый курс». Эту цель преследует рейганомика.

На этом аналогии кончаются.

Потому что ФДР старался, насколько это возможно в живущем по капиталистическим законам обществе, уменьшить бедность. Сделать так, чтобы, как он сам говорил, «забытый человек не был бы больше забыт».

А РР умножает бедность, вспоминая о «забытом человеке» для того только, чтобы выудить из его кармана еще несколько центов именем грядущего всеамериканского процветания.

И если верно, что надежда была величайшим даром, принесенным Рузвельтом своим соотечествен-

никам, то нынешний президент делает все от него зависящее, чтобы изъять этот дар из обращения.

В общем, «Робин Гуд наоборот» расшифровывается еще и как «ФДР наизнанку».

Как же действует механизм рейганомики, облегчающий кошельки неимущих в пользу имущих? Схема достаточно проста. К примеру, Рейган сокращает ставку подоходного налога для физических лиц. Эта мера распространяется на всех налогоплательщиков. К чему это приводит? По официальной оценке конгресса, в 1983 году семьи с доходами менее 10 тысяч долларов в год — то есть, если называть вещи своими именами, бедные семьи — сэкономят на уплате налогов примерно 120 долларов. Зато в результате сокращения социальных программ эти семьи потеряют в среднем 360 долларов. Сальдо явно не в их пользу: рейганомика уменьшает их годовой бюджет на 240 долларов.

С другой стороны, семьи с доходами 80 тысяч долларов в год и выше сэкономят на налогах 15 тысяч долларов, которые целиком можно занести в их актив.

Так усилиями Белого дома в Штатах торжествует бессмертный принцип «битый небитого везет».

Битых — больше, небитых — несравненно меньше. Ополчившись на социальные проекты, Рейган первым делом пустил кровь четырем федеральным программам помощи наиболее обездоленным, как то: талоны на бесплатное питание, детское питание, медицинская помощь и помощь одиноким матерям. В 1983 году около миллиона детей утратили право на бесплатные школьные завтраки. Это следует понимать не иначе как проявление трогательной заботы Рональда Рейгана о подрастающем поколении: президент стремится сымитировать отучить молодых американцев от иждивенческих настроений. Два миллиона американцев, постарше лишаются талонов на питание: утверждают, что президенту как-то рассказали историю о том, как один прохвост примеривался на сдачу с этих талонов купить бутылку виски «бурбон». Далее, Рейган решил, что выплачивать женщинам, имеющим на иждивении детей, сразу два пособия — семейное и по безработице — это излишняя роскошь.

Короче говоря, президент попросту возмущен притязаниями бедных, подозревая в них вечную готов-

ность на коварный подвох и попытки покушения на пирог, который он испек вовсе не для них.

Официально и вслух все это именуется «средствами оживления экономики»: мол, богатые, став еще богаче, не поспусят на капиталовложения, которые вдохнут жизнь в увечное производство, и американская экономика, отбросив костыли, бешеным аллюром понесет весь народ к сверкающим высотам благоденствия.

На самом же деле, по диагнозу многих социологов и экономистов, налоговые льготы для имущих не привели к созданию новых рабочих мест и повышению эффективности производства, а были использованы для концентрации предприятий или спекулятивных сделок на финансовом рынке.

Снаряжая свой поезд до станции Всеобщего Процветания, где рельсы упрутся в золотой песок и алмазный щебень и средний американец переплюнет по части богатства Али-Бабу и Джона Пирпойнта Моргана, бдительный кондуктор из Белого дома строго наставляет неимущих кандидатов в пассажиры: платите за билеты сейчас, а о посадке будет объявлено позднее, когда усядутся другие — если, конечно, останутся свободные места...

Адвокаты рейганомики не перестают твердить, что пройдет какое-то время, и на волне экономического бума взметнутся вверх все плавсредства — и яхты богатых и челноки бедняков. Но ни одна волна не поднимет со дна обломки кораблекрушения.

«Рональд Рейган — один из самых сострадательных из всех живущих на земле людей».

Дональд У. Моран, высокопоставленный сотрудник администрации

«Я низкого мнения о Рейгане. Он увеличил страдания бедняков».

Элси Бэнкс, участница демонстрации у стен Капитолия

Когда боевые действия против неимущих истощают президентские силы, он берет тайм-аут, и тогда путь его лежит в Калифорнию, где высоко в горах Санта-Инес на 278 гектарах раскинулось «Ранчо дель Сиело» — «Поднебесное ранчо» Рональда Рейгана.

Здесь на просторных, тучных пастбищах пасутся коровы с большими и печальными глазами. Здесь летние бризы едва смущают серебряную поверхность искусственного озера. Здесь открывается замечательный вид на просторы Тихого океана. По вечерам, когда зеленые сумерки цепляются за кусты чапарреля и заповедную тишину нарушают только бесконеч-

**АМЕРИКА
80-Х ГОДОВ...
АМЕРИКА
ТРЕВОГ И РАЗДУМИЙ...
СЛИШКОМ ВЕЛИКИ ЗАБОТЫ
СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ,
СЛИШКОМ ГОРЬКИМ
И БЕСПЕРСПЕКТИВНЫМ
ВЫГЛЯДИТ БУДУЩЕЕ.**

ные тремоло цикад, благодатный покой нисходит на усталую государственную душу. А по утрам лесистые горные тропинки зовут совершить прогулку верхом. Здесь президент, по его собственным словам, приходит в себя.

Демократично сверкая колуном, он рубит дрова — решительно, сноровисто и смачно. Как рубил федеральные программы помощи бедным.

Обнаруживая старую голливудскую выучку, объезжает стадо, куда более послушное его воле, чем своенравный конгресс.

И отдыхает сердцем в кругу любимых собак, где любой сенбернар или пинчер преданнее и бескорытнее, чем даже Уайнбергер или Кларк, и где любой будет восторженно слушать, развесив длинные уши, всё, что ему ни преподнесешь, не придираясь к формулировкам и не замышляя передать информацию в «Вашингтон пост»...

Рейган (возмущенно):

— Как можно утверждать, что в моем правительстве нет представителей меньшинств?!

Репортер:

— Какое же меньшинство вы имеете в виду, сэр?

Рейган:

— Как это какое? Миллионеров...

Подпись под карикатурой в одной из американских газет

Политический Олимп в Америке никогда не населяли бедняки, однако администрация Рейгана в суммарном выражении «стоит» куда больше, чем администрации прошлых лет.

Если верить вышедшей недавно книжке «Правящий класс Рейгана», из ста влиятельных сотрудников нынешнего правительства каждый четвертый — миллионер. По меньшей мере семеро из них — мультимиллионеры. А поголовье «почти миллионеров» даже никто и не подсчитывал.

Заседания кабинета в Вашингтоне весьма походят на деловые совещания совета директоров какой-нибудь крупной корпорации. Министры Рейгана получили свои посты по протекции личных друзей президента. В круг особ, приближенных к нынешнему хозяину Белого дома, в частности, входят: один владелец пивоваренной компании; один владелец предприятий по производству автомобильных шин; один владелец сети магазинов-закусочных; и для разнообразия один издатели.

К этому надо добавить, что, став президентом, Рональд Рейган вряд ли забыл своих старых друзей из «Дженерал электрик» и тем более земляков из калифорнийских корпораций по производству оружия.

Может показаться странным, но вполне состоятельные молодцы из окружения президента не прочь при случае подзаработать «по мелочам». Бывший помощник Рейгана по вопросам национальной безопасности Ричард Аллен, например, получил от одного японского журнала две пары ручных часов, а потом еще тысячу долларов за помощь в организации интервью с Нэнси Рейган. Не слишком большой бизнес. По всей очевидности, у г-на Аллена просто сработал сохранившийся с младенчества хватательный рефлекс...

Сколько «стоит» сам президент, затрудняется определить даже автор его биографии журналист Лу Кэннон: может, два миллиона долларов, а может, и все пять. В 1982 году его доходы, по официальным данным, составили 741 253 доллара. Во всяком случае, денег у президента достаточно для того, чтобы забыть «вкус бедности» — хотя в ходе предвыборной кампании он охотно вспоминал, как бедствовала его семья во времена «великой депрессии» и как его отец потерял работу в канун рождественских праздников.

Как давно это было! Трудно поверить, но тогда же, в 30-х годах, Рональд Рейган был одним из руководителей левого, по американским понятиям, профсоюза актеров в Калифорнии. Однако по мере того, как крепло его бытие, неуклонно «правело» его сознание, пока экс-либерал не стал наконец убежденным адептом и покровителем американского консерватизма.

«Либерализм оказался обанкротившейся идеологией».

Р. Рейган, из предисловия к книге «Консервативное десятилетие»

Не случайно бастионами интеллектуальной поддержки президента выступают «мозговые тресты» отъявленного консерватизма, ставшие для нынешней администрации главным источником идей и кадров — такие, например, как Гуверовский институт по изучению вопросов войны, революции и мира. «Америкэн энтерпрайз институт», научно-исследовательская организация «Хэриедж фаундэйшн», Центр стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете. Их выученики плотным кольцом группируются вокруг президента — это все те же Ричард Аллен и Уильям Смит, и постоянный представитель США в ООН Джин Киркпатрик, и Мартин Андерсон, Марри Уайденбаум, Честер Крокер, Лоуренс Корб — советники, помощники, консультан-

ты, внедрившиеся в госдепартамент, Пентагон, министерства и т. д.

История эволюции Рональда Рейгана «вправо» знала по меньшей мере один качественный скачок. Он пришел на темную пору маккартизма. Нынешний президент в свое время с лихвой отдал дань тогдашней политической моде, внеся посильную лепту в разоблачение «подрывной коммунистической деятельности», короче, по всем правилам включился в печальную память «охоту на ведьм».

«Рейган и его последователи не шутят. Они четко дали понять, что намерены демонтировать всё, чего американцы добились за последние 50 лет в области либеральных реформ и демократических прав... Это убежденные враги самых элементарных прав человека».

Терри Кэннон, американский журналист

Похоже, замаскированным спиритам из окружения президента удалось добиться намеченной цели: призвать из небытия мрачный дух сенатора Джозефа Реймонда Маккарти. И в полночь, когда неверный колеблющийся огонек свечи пляшет на стенах Овального кабинета, озабоченный дух проводит спиритические брифинги, призрачной рукою направляя действия администрации.

Именно такое создается впечатление, ибо ни одна из предыдущих администраций не принималась с таким пылом за реконструкцию и модернизацию того механизма репрессий и травли инакомыслящих, который особо сильно громыхал во времена Маккарти.

Ренессанс охоты за ведьмами сопровождается созданием в конгрессе новых инквизиторских органов — вроде подкомиссии по безопасности и терроризму при сенатской юридической комиссии. И если лексикон охотников нынче изменился, пусть это никого не вводит в заблуждение, потому что ведьмы они ищут там же, где и покойный сенатор. Подкомиссия дан наказ «расследовать пугающий рост числа террористических актов... обращая особое внимание на попытки некоторых иностранных держав подстрекать к актам террора, направленным против граждан и имущества США». Стоит ли говорить, что под «некоторыми иностранными государствами» идейные преемники Маккарти подразумевают СССР и другие социалистические страны?

Политические установки подкомиссии базируются на простых и четких предположениях. Миссисипи впадает в Мексиканский залив, главные очаги мировой культуры — Голливуд и Кони-Айленд, а всякое инакомыслие в Соединенных Штатах есть результат дезинформации, распространяемой КГБ. У подкомиссии достойный председатель — сенатор-республиканец от штата Алабама Джеримайя Дентон, бывший летчик военно-морской авиации США, побывавший во вьетнамском плену. Он был избран в сенат в 1980 году и тогда же обессмертил свое имя призывом ввести смертную казнь за супружескую измену. Поговаривают (и не без оснований), что у Джеримайи «не все дома», зато он достоверно знает, где таятся враги Америки.

В большую цену вошли ярлыки с изображением всепроникающей «руки Москвы»: они практичны и универсальны, их можно приклеить организациям, выступающим за упрочение международной солидарности или за ядерное разоружение, а можно отдельным лицам, например, прогрессивным или даже просто либерально настроенным журналистам.

«РЕЙГАН, ТЫ НЕ К МЕСТУ ТУТ. ВОЗВРАЩАЙСЯ В ГОЛЛИВУД!»

Из лозунгов американских демонстрантов

Американцы не забывают о голливудском прошлом своего президента. Он сам не дает им об этом забыть.

Актер становится президентом, но президент остается актером. Президента обуревают неодолимая тяга к различного рода политическим шоу. Он уделяет пристальное внимание мимике и жесту. Принимая у себя в Овальном кабинете нового посла США в Италии, он не преминет, воздев руки к небу, воскликнуть: «Бон джорно!» А на ежегодном обеде в журналистском клубе «Гридайрон», облачившись в красный мексиканский шарф и белое сомбреро, президент, танцуя румбу, исполнит комические куплеты на злободневные внутри- и внешнеполитические темы.

А монологи, исполненные трагического пафоса, по поводу «империй и центров всемирного зла»...

По словам известного американского публициста Джеймса Рестона, мысли президента сосредоточены не на планах на будущее, а на очередном выступлении перед публикой, на исполнении роли.

Бывают, однако, заминки, когда оказывается, что роль выучена неважно, а сфлёр куда-то запропастился. Тогда премьер-министр Белиза Джордж Прайс превращается в м-ра Райса, Ливия — в Ливан, а во время пребывания в Бразилии поднимается тост за процветание Боливии. В последнем случае президенту поспешили подсказать, что находится он все-таки в Бразилии. Желая исправить положение, президент пояснил, что провозгласил тост за страну, в которую отправляется завтра. И опять дал промашку, потому что в действительности собирался в Колумбию, а в Боливии к тому времени к власти пришло демократи-

ческое правительство, за здоровье которого президент, если бы он об этом догадывался, пить бы ничем не стал...

Во время пресс-конференций перед Рейганом на трибуне лежит схема, на которой указаны места, отведенные для влиятельных американских газет и телекомпаний, и имена представляющих их журналистов. Обращение к журналистам по имени, надеются советники президента, создаст у телезрителей впечатление, что у президента хорошие отношения с прессой и плюс к тому блестящая память, раз он не забывает все эти имена.

Однако эта система порой приносит неприятные сюрпризы. На одной из пресс-конференций — она транслировалась по телевидению — президент поднялся на трибуну, игнорируя тех журналистов, которые пытались привлечь его высочайшее внимание выкриками с мест («мистер президент!») или пошляцки поднятыми руками. Он, похоже было, решил, кто должен задать ему первый вопрос. «Боб!» — провозгласил президент. Боб, он же Роберт Томпсон, глава washingtonского бюро газетного издательства Херста, если и мог откликнуться на президентский зов, то разве что у себя дома, сидя у телевизора, поскольку на пресс-конференции в тот день не присутствовал.

Удостоверившись в отсутствии злосчастного Боба, президент после непродолжительного раздумья произнес: «Эл!» Но и на сей раз ответа не последовало, и washingtonские журналисты, говорят, до сих пор теряются в догадках по поводу того, кого имел в виду Рональд Рейган...

Что же касается импровизированных интервью вне пресс-конференций, президент считает за лучшее от них уклоняться, чтобы не обременять лишней работой своих советников, которым впоследствии часто приходится вносить в его заявления совершенно необходимые коррективы. В американской печати как-то была опубликована карикатура художника Герблока: на ней изображены президент и один из его советников, а подпись гласит: «Позже последуют поправки и официальные разъяснения того, что он, собственно, хотел сказать».

Между тем Рональд Рейган любит при случае вспомнить о старых добрых временах, когда сам был репортером и в качестве такового освещал матчи по бейсболу.

«В сознании президента, — пишет его биограф Лу Кэннон, — слились между собой кажущийся мир и мир действительный». В результате президент верит «во многие вещи, которые просто не соответствуют истине»...

Он искренне считал, что устранение радиоактивных отходов не представляет большой проблемы: достаточно спрессовать их в небольшие аккуратные брикеты наподобие торфа и утопить в море. Он, по крайней мере до последнего времени, свято верил, что ядерные ракеты, запущенные с подводных лодок, при желании можно вернуть обратно, а межконтинентальные ракеты наземного базирования запускаются «простым нажатием кнопки». Миллионам безработных президент порекомендовал вместо того, чтобы жаловаться на судьбу, «взять газеты и почитать объявления о приеме на работу». Узнав о волнениях в гетто Майами, молвил, напрягши память, что во времена «великой депрессии» тоже было трудно, а волнений не было.

В конечном счете каждый человек — только человек и никто не способен объять необъятное. Но слабости и заблуждения, вполне простительные для бывшего актера, приобретают совершенно особое звучание, если они свойственны действующему президенту. И интеллектуально-политический кругозор, ограниченный вырезками из «Ридерс дайджест», которыми снабжают Рональда Рейгана друзья, гарантирует практически абсолютную непредсказуемость и слов и действий человека, не только весьма вольно рассуждающего о войне и о мире, но и, увы, способного влиять сегодня на мировую ситуацию.

«Он недостаточно знает и не осознает, как многого он не знает», — пишет о Рейгане все тот же Лу Кэннон.

В сути некоторых проблем президент, однако, разбирается превосходно. По крайней мере он твердо знает, чьи интересы он призван защищать и отстаивать. И ни разу пока не было и вряд ли когда-нибудь будет, чтобы президент по рассеянности или забывчивости принял решения, выгодные для немощных и наносящие вред имущим. А эти последние будут считать его курс правильным, покуда в их царстве земном повышаются курсы акций.

«Америка переживает высший взлет духовного пробуждения и морального расцвета».

Рональд Рейган

«Вот уже третий год идет война Рейгана против бедняков... Наступление продолжается, число жертв возрастает... Бедных жмут по всему фронту. Во многих местах они мерзнут на улицах, не имея жилья. В других — просто лишаются работы и впадают в отчаяние. И всюду их удел — нищета».
Газета «Вашингтон пост»

АНЮНИШКИНЫ ЗАКАЗЧИК

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

20

В эту ночь Бугаев долго не мог заснуть. Беспокойно ворочался на скрипучей раскладушке. Снова и снова вспоминались ему события отошедшего дня, мелькание знакомых и незнакомых лиц, удивительное ощущение, которое испытывал уже не один раз, но которое всегда неприятно волновало,—ощущение раздвоенности, когда приходилось скользить равнодушным взглядом по лицам своих близких товарищей и встречать в ответ такие же безучастные взгляды, понимая, какое напряженное внимание кроется за ними. А потом кружить на машине по городу, путать следы, стараясь, чтобы твои товарищи их не потеряли. И ощущать рядом теплое плечо врага...

Бугаев вспомнил о том, что рассказал ему полковник про рыжего парня, усмехнулся. «Я-то сразу понял, что ты не Вася. Но вот что ты еще и Николай Борисович Осокин... Такого сюрприза не ожидал!» Он стал перебирать в памяти все известное о рыжем. Вышло, что ничего серьезного об Осокине-младшем он не узнал. Никаких фактов, одни ощущения. «А участковый инспектор нашим ребятам сразу гору фактов выложил. Все правильно».

Бугаев вдруг вспомнил, как улыбнулся рыжий, когда он предложил ему в машине бутылку пива. «Ха, каждый улыбнется, когда его угощают пивом!» — хмыкнул он, понимая, что не прав, что улыбки бывают у людей разные. У рыжего улыбка была добрая. — А как настроился парень, когда я ему сказал про тюрьму? «Живым не дам!» Детская бравада. Он еще непуганый сопляк. Никогда не сидел. Это я правильно подметил. Здесь мои ощущения меня не подвели. А вот рожа противная, с дурацкими баками... Баки он, может быть, отрастил, чтобы свои прыщи прикрыть, а лицо? — Бугаев повернулся на бок, закрыл глаза. — Спать, спать, Семен Иванович!..»

Но плоское лицо рыжего стояло у него перед глазами. «Теперь-то уж он точно влипнет!» — с этой мыслью Бугаев наконец-то заснул.

И проснулся он с мыслью о том, что судьба рыжего предрешена. «Теперь он влипнет. И научится воровскому жаргону, которым так неумело пытался щегольнуть. И еще многому научится. Тому, что страшнее любого жаргона».

Он занимался своими обычными утренними делами, а мыслями время от времени возвращался к рыжему. Легкое чувство досады владело им, словно и он, Бугаев, был виноват в грядущей трагедии рыжего. «Как его в это дело затянули?» — думал он. — Случай, недоразумение, дурные наклонности? Прямая-то дорожка одна, а кривые развед сосчитаешь? Его бы, как Жогина, в больницу на время спрятать! — усмехнулся Семен. — А потом бы разобрались. А что? — думал он. — Если без иронии?... В больницу, конечно, нельзя — тут и жуку станет ясно, что дело нечистое, а посадить на десять суток за мелкое хулиганство или еще за что-нибудь... Нет, арестовать его — значит поставить под удар всю операцию. Бандиты насторожатся. Уедут из города. И начнут все снова. И найдут еще какого-нибудь рыжего. Не рыжего, так брюнета... — Бугаев вздохнул. — Выходит, положение для тебя, рыжий, безвыходное...»

Он особенно расстроился, когда при очередном разговоре узнал от Корнилова, что рыжий — действительно родной сын Бориса Дмитриевича Осокина.

— Мистика! — выдавил из себя Семен.

— Никакой мистики, — с иронией отозвался полковник. — Анна Тимофеевна Санжарова, мать Николая Осокина, была первой женой Бориса Дмитриевича. Ровно год. Он успел дать новорожденному свое имя и уехал в Москву учиться.

— Ах, он уехал учиться! Нянькать сыночка не захотел! Как же, как же! Он бы мешал готовиться к экзаменам! Борис Дмитриевич выучился, а нянькаться с Николаем Борисовичем должны теперь мы...

— И с ним самим. — буркнул Корнилов и тут же оборвал разговор об Осокиных, спросив: — У тебя что нового?

— Тихо. Ни звонков, ни гостей...

— Хорошего мало, — сказал полковник таким тоном, словно сам Бугаев был виноват, что преступники ему не звонят. Потом добавил потеплевшим голосом: — Колокольников в себя пришел. Белянчиков разрешили свидание. Ни рыжего, ни «студента» Леонид Иванович не признал. Говорит, что мужчина, за которым он следил, был покрупнее. И «морда ящиком». Попробуем составить фоторобот...

21

Этого третьего, неизвестного, Бугаев увидел ровно через десять минут после того, как повесил трубку и подошел к своим «Жигулям». В машине на переднем сиденье вальяжно развалился рыжий с сигаретой в зубах. А на заднем маячил какой-то здоровый тип в потертой кожаной курточке. «Вот уж действительно «морда ящиком», — подумал Семен, неприязненно разглядывая его круглую физиономию. И, сузив глаза, зло спросил у рыжего:

— Что за штучки?

— Семен Иванович, не сердись! — Рыжий как-то сразу сжался под взглядом Бугаева и смотрел на него заискивающе. — Мы тебе несколько раз звонили — все занято и занято. Подумали, деваху какую-нибудь клеишь по телефону... «Студент» опять звонит тебе, а мы отдохнуть решили... — Он вдруг вытянул шею и посмотрел в сторону. Бугаев тоже повернул голову и увидел идущего от соседнего дома «студента». Там была единственная телефонная будка...

— Рассказал бы я тебе, как один фрайер на моих нарах захотел однажды отдохнуть, — сказал Семен, — да времени нету. Дела зовут. Давайте выкай-вайтесь...

— У нас тоже дела, Семен, — услышал Бугаев примирительный голос «студента» у себя за спиной и почувствовал на плече его руку. — Сядем, перекинемся парой ласковых.

Бугаев нехотя сел в машину, обернулся на мордастого. Тот по-своему подмигнул ему.

— А это что еще за красик? — спросил Семен.

«Студент» расхохотался.

— Это Гордеич. Его не бойсь! Свой в доску.

— Ну вот, — подумал Бугаев. — Кажется, все в сборе. Не сегодня ли все состоится?»

На сиденье рядом с Гордеичем он заметил большой черный портфель.

— По какому поводу сбор?

«Студент» посмотрел на часы, оглянулся по сторонам.

— Дымком, Сеня, запахло. Лайту мы пару раз брали у знакомого мастера. Зеленую «Волгу».

— Как же, как же, помню! — усмехнулся Семен. — Приметная карета.

«Студент» сердито зыркнул на Бугаева и тут же отвел взгляд.

— Не время собачиться. Сейчас там каша заварилась — гаишники толковище затеяли. Говорят, на лайте дважды под красный свет проехали. А хозяин лайты в отъезде. Знакомому в починку оставил. То да се. Забрали они «Волгу».

— Боишься, что расколется дружок?

По тому, как напряженно слушали разговор рыжий и Гордеич, Бугаев понял, что они все боятся этого.

— Может, и не расколется. — хмуро сказал «студент». — Только бы сама лайта не раскололась. Менты неспроста притопали... Я, Сеня, не то чтобы под красный, под желтый свет ни разу не проехал, — и пристально посмотрел на Бугаева.

Семен выдержал взгляд и спокойно спросил:

— Ну, так что? Разбегаться по сторонам будем?

— Без тугриков далеко не убежишь, — ответил «студент». — Сейчас мотанем за город. Прихватим одну кассу. Мы ее давно обложили.

— Ловко, — пронеслось в голове у Бугаева. — Мне даже не позвонить в управление. Хотя ведь нужны инструменты. Поднимусь и позвоню... Но тут же он вспомнил, что инструменты с прошлого раза оставил в машине под сиденьем. — А эти гаврики наверняка уж обшарили салон».

— У вас-то все подготовлено... — усмехнулся он. — А меня вы спросили? Если я уж с девушкой сговорился?

— Простит тебя девушка, когда подаришь ей пару зелененьких. Доля твоя — десять косяк. Как условились...

22

«Имею ли я право вынести им приговор? — подумал Бугаев. — И привести его в исполнение?» Голова у него была ясная, и даже волнение, которое он испытывал с того момента, как увидел в машине рыжего и Гордеича, прошло. Он вел машину осторожно и четко, но то был словно и не он, не Семен Бугаев, а некий автомат. Как автопилот в самолете. А настоящий Семен Бугаев видел своего двойника со стороны и, наблюдая за ним краешком глаза, только контролировал его, а сам думал и думал. Времени на принятие решения оставалось совсем мало.

— Сейчас вертанешь направо, — подсказал «студент». — Нечего нам у поста ГАИ отсвечивать.

— Дорогу хорошо знаешь? — спокойно спросил Бугаев и подумал: «Последняя надежда лопнула». Он рассчитывал, что машину «засекут» на посту ГАИ. Корнилов наверняка перекрыл все выезды из города.

— Приходилось однажды утопить. Припоминаю. Эту грунтовую дорогу, по которой пылили одни самосвалы, Семен тоже знал. Года два назад ездил с группой на окраину города брать в полуразвалившемся бараке бежавшего из заключения уголовника.

Дорога была тряская, пыльная.

— Тут немудрено и гвоздь в колесо схлопотать, — проворчал Семен. — А пылица! Выберемся на шоссе грязные как чушки.

— Вот и хорошо, — засмеялся «студент». — Ты сейчас тормози. Сменим номера. У нас есть псковские. По случаю приобрели. — Он смеялся нервным, не натуральным смехом, и Бугаев с удовлетворением подумал: «Трусишь ты, падаль. Чувствую, трусишь. А твои помощнички рта не открывают. Наверное, уже в штаны наложили».

Он притормозил, осторожно съехал с дороги на поухлую, пыльную траву. Большая ворона, устроившись на брошенном строителями бетонном кольце, долбила клювом пустой пакет из-под молока. Одной лапой она смешно придерживала пакет. Умные черные глаза смотрели на вылезшего из машины Бугаева сердито. А когда вслед за Семеном выбрался рыжий, ворона бросила пакет и улетела. «Может, они меня хотят здесь коннуть?» — подумал Семен. Но тут же усмехнулся — время было неподходящее: по дороге то и дело проносились грузовые машины.

— Ну давай, что ли, откручивай! — хмуро сказал рыжий и бросил на землю два стареньких, тронутых коррозией номера.

— Не запрюг, не нукай, — оборвал его Бугаев и, открыв багажник, достал инструменты.

«Студент» и Гордеич о чем-то тихо разговаривали. Семен дал один ключ рыжему и показал на передний номер:

— Ты меняй этот, а я сзади...

Крышку багажника он оставил открытой, надеясь хоть что-нибудь услышать из разговора в салоне. Но не смог разобрать ни одного слова... Поменяв номер, Бугаев подошел к рыжему. У того ключ соскочил с гайки, и он ободрал себе кожу на костяшках пальцев. Слизувая кровь, рыжий проворчал:

— Дал бы хоть рукавицу...

— Ах, мы такие нежные! — усмехнулся Бугаев.

Он еще и раньше приметил, что руки у рыжего мягкие, с нежной кожей. Парень метнул на Семена злой взгляд и взялся отворачивать вторую гайку. Руки у него дрожали.

«Сейчас бы затеять драку, — подумал Семен. — Место только неподходящее. А так бы сбегались люди. Нет, тут нельзя. Прикочат они меня и выйдут из-под контроля». Но чтобы вывести рыжего из себя, все-таки сказал:

— Рука бойца дрожать устала...

Окончание. Начало в №№ 14—21.

— Ну и отворачивай сам! — Парень швырнул ключ об землю и поднялся. — Подумаешь, задавала!

Это «задавала» прозвучало так по-детски, так непосредственно, что Бугаев рассмеялся. Рассмеялся весело, по-доброму, и рыжий, только что глядевший зверем, тоже улыбнулся. И сунул опять в рот ободраные пальцы. «Эх, парень, не удалось тебя вовремя отшить, — в который уже раз подумал Семен. — Теперь уж обратного пути нет».

— Ну вот, — сказал «студент», когда они снова выехали на дорогу. — Теперь мы «скобские». Тебе, Семен, хорошая «отмазка»... — Заметив, что рыжий ободрал руку, он как-то злорадно усмехнулся, словно вид пораненных пальцев сообщника доставил ему удовольствие. — Ничего, Николаша, злее будешь. — «Студент» впервые при Бугаеве назвал рыжего настоящим именем.

Впереди виднелся железнодорожный переезд. Когда они подъезжали к нему, зазвонил дребезжащий звонок и замигали красные сигнальные огни. Идущий впереди самосвал проточил, чуть не задев за шлагбаум. Пожилая дежурная в оранжевой спецовке сердито погрозила вслед самосвалу кулаком. Бугаев затормозил, остановился.

— Не ко времени, — проворчал «студент», поглядывая на часы. — Без пятнадцати два я уже должен войти в сберкассу...

— Я сейчас! — Бугаев выскочил из машины и подбежал к дежурной. — Мамаша, ты не пугайся, — зашептал он тихо. Сделай вид, что показываешь мне дорогу... там, в машине, бандиты. Когда мы проедем, запиши номер и позвони в милицию. — Он видел, как поблелела женщина, и ободряюще улыбнулся. — Не робей. Передай привет от Семена. А теперь показывай, где мне выехать на асфальт.

Наконец-то женщина поняла, что от нее хотят. — Сейчас прямо, милый. Она подняла руку, повернулась к Семену вполборота. — Проедешь бетонный завод, свернешь налево... — Семен услышал сзади шаги. Кто-то из его спутников не выдержал, подошел проверить. — А там уж и сами увидите. Шоссеика рядом.

— Спасибо, мамаша, — поблагодарил Семен, и его слова потонули в грохоте проходящего товарняка.

Тетка подняла флажок. Бугаев обернулся. Рядом стоял «студент».

— Спросил, где сворачивать, — сказал Бугаев. — Я и сам знаю, — сердито бросил «студент». — Сказал же тебе!

— Мало ли что сказал. Тут такая стройка, в неделю может все измениться.

Товарняк прошел. Тетка открыла шлагбаум. «Только бы она не побежала сразу в свою будку звонить, — подумал Бугаев. — Могут догадаться». Но дежурная все сделала правильно. Пока машина осторожно проезжала через переезд, тетка стояла у будки, смотрела вслед прошедшему составу. В зеркало Семен видел тетку до тех пор, пока ее не заслонили идущие сзади грузовики.

«Умница, — похвалил ее Бугаев, — небось, ничего не спугает...»

...Когда красные «Жигули» скрылись в потоке автомашин, дежурная быстро прошла в будку. Сняла трубку телефона. Ей уже не раз приходилось звонить в милицию — жаловаться на злостных нарушителей. У нее и телефон был записан на бумажке и положен под стекло на тумбочке. Она взглянула на номер, но чуть помедлила его набирать. «А может быть, это розыгрыш?» — засомневалась она, но тут же решительно начала крутить диск. Вспомнила долгового мужа, вставшего за спиной у того, кто просил ее позвонить в милицию. Вспомнила неприятное, одутловатое лицо долгового с красными, словно подкрашенными, губами.

Номер не отвечал. Тогда дежурная набрала 02. — Милиция слушает! — сразу же отозвался женский голос.

— Миленькая, — сказала дежурная. — Это с Командантской, с переезда говорят. Проезжала мимо меня легковая машина... Красная. Так шофер успел мне шепнуть, что в машине бандиты.

— Ваша фамилия? — спросила телефонистка. — Евдокимова. — Номер машины не записали? — Запомнила я его. Ноль три девяносто девять... — А буквы? — Только две первые помню — «П» и «Е». Шофер-то спрашивал, как на шоссе попасть. — Значит, ехали из города? — уточнила телефонистка.

— Из города, из города. Просил от Семена привет передать.

— Спасибо, — сказала девушка и повесила трубку. Дежурная некоторое время стояла в растерянности, слушая, как из трубки несется короткое гудки. «Как же теперь быть-то? — думала она. — Поймают этих проклятых или нет? Так и не узнаю?»

В это время зазвонил сигнальный зуммер. С соседней станции вышел поезд. Дежурная повесила трубку и пошла его встречать...

...Корнилов сидел рядом с дежурным по городу и поэтому уже через несколько минут узнал о звонке с переезда.

— Подал весточку Семен. Молодец! — Он подошел к плану города. Дежурный показал указкой туда, где на западной окраине пересекались две линии — тоненькая змейка грунтовой дороги и жирная — железнодорожная.

Скользя указкой вдоль тонкой линии, дежурный сказал:

— Они выскочат на шоссе через три километра после поста ГАИ.

Корнилов посмотрел на часы.

— Уже давно выскочили. Где следующий пост? — На сорок третьем километре.

— Срочно передайте, чтобы подготовились к встрече, — сказал Корнилов и тут же досадливо махнул рукой: — Нет, нельзя это делать! Они все вооружены. Нельзя ставить под удар Бугаева! Передайте, чтобы пропустили.

Дежурный подошел к пульту.

«Куда они, почему из города? — думал Игорь Васильевич. — Ведь нападение на кассу должно быть ночью. В городе... — И вдруг его осенило. — Решили напасть на зеленогорскую сберкассу!»

— Передал, товарищ полковник. — От пульта вернулся дежурный. Глядя на раздваивающуюся нитку шоссе, он сказал задумчиво: — Могут ведь и на Приозерск свернуть...

— Могут, Геннадий Сергеевич, — согласился Корнилов. — Они все могут. Но едут в Зеленогорск. Брат сберкассу.

Дежурный пожал плечами. — А если нет? Если в Выборг? А там граница, — тревожно сказал он.

— Зеленогорск, Зеленогорск, — пробормотал Корнилов. — Там у них однажды уже сорвался номер. Зато они хорошо знают эту кассу. — Он перевел взгляд на карту области. — Значит, могут и не доехать до Рошинского ГАИ? Свернуть налево по бетонке на Зеленогорск? Вот что, не будем гадать: передайте во все управления и отделения милиции, чтобы усилили охрану сберкасс. Сколько сейчас? Пятнадцать минут второго... А в Зеленогорске пусть и вовсе закроют сберкассу. Сошлются на ревизию. — Он представил себе, как перепугается его старая знакомая Зоя Петровна. — И запросите все патрульные милициские группы, все посты и машины ГАИ — пусть немедленно сообщают о красных «Жигулях» с псковским номером ноль три девяносто девять. И чтобы никакой самодельности...

Корнилов слушал, как дежурный по городу отдавал четкие и лаконичные приказы, как повторяли их операторы у пультов, а сам все думал о том, почему бандиты поехали за город. Не ошибся ли он, предположив, что они хотят «брать» зеленогорскую сберкассу? А вдруг у Бугаева провал? И его просто-напросто увозят из города, чтобы где-нибудь разделаться с ним в глухом месте? Нет, тогда бы он не сидел за рулем, не смог бы подойти на переезде к дежурной. Псковские номера... Заранее приготовили! Ноль три девяносто девять. В сумме двадцать один. Счастливые номера. Вот тебе и счастливый номер — нагрянули, видать, к Бугаеву так, что он из дома и позвонить не смог.

23

...Бугаев вел машину и думал, на какой же вариант ему решиться. Остановливаться и врать, что мотор не в порядке, было бесполезно. «Студент» прекрасно знает машину и тут же во всем разберется. Махнуть неожиданно в канаву? Неизвестно, кому повезет. Семену нужна была гарантия, что эти трое не продолжат свой путь без него...

— Значит, я захожу первым. — В голосе «студента» появилась какая-то неприятная хрипота. Наверное, сел от волнения. — Предъявляю аккредитив. Без пяти два одна из кассирш выходит из-за барьера закрывать дверь на обед. Ты, Гордеич, в этот момент вваливайся в кассу...

«Нет, — зло думал Бугаев, прислушиваясь к голосу «студента», — куда твой Гордеич не ввалится. И ты, сволота, никому свой аккредитив не предъявишь. Это уж точно. Тетка с переезда уже давно позвонила, шеф поднял на ноги местную милицию, предупредил сберкассу. Он ведь тоже догадался, что едем мы по старому адресу. Но без стрельбы не обойдется. Хорошо, если решат задерживать машину на подъезде. В городе в эти часы на улицах народу полно...»

...Часы в комнате дежурного по городу показывали тринадцать тридцать. С трассы только что поступило сообщение, что красные «Жигули» с псковским номером повернули на Зеленогорск...

До обеденного перерыва в сберкассе города оставалось полчаса. Зоя Петровна закрыла двери и вместе с кассиром торопилась обслужить последних клиентов — пожилого мужчину и старушку, пришедших за пенсией. В комнатке рядом с операционным

залом дежурили два сотрудника. Никакой таблички с надписью «закрыто» на дверь сберкассы не вывешивали — по расчетам Корнилова, кто-то из бандитов должен выйти из машины, чтобы поинтересоваться, почему сберкасса закрыта. Его возьмут у дверей. И Бугаеву будет легче. Рядом со сберкассой остановился хлебный фургон, шофер которого, сотрудник уголовного розыска, был готов в любую секунду тронуть свою машину с места и прижать «Жигули» к тротуару, блокировав левые дверцы.

Уже готовились перекрыть выезды из города, пригнав несколько тяжелых самосвалов, а машина с Беляничковым, Лебедевым и Алабиным, то и дело включая сигнальную сирену, мчалась по Приморскому шоссе. Уже остались позади Сестрорецк и Репино. До центра города оставалось десять минут езды...

...Бугаев ничего этого не знал. И когда они спокойно миновали пост ГАИ на въезде в Зеленогорск, с сожалением подумал о том, что бандитов, наверное, решили задерживать в городе, у сберкасс. Он гнал от себя мысль, что дежурная на переезде не позвонила в милицию. Но не считаться с такой возможностью не имел права. Успокоился он только после того, как увидел небольшой автобус, «пазик», мчавшийся следом, как только они свернули с Выборгского шоссе в сторону Зеленогорска. В автобусе был только шофер. И Бугаев узнал водителя управления Сашу Углова. В выгоревшей голубенькой шапочке с большим козырьком, в тельняшке с обрезанными рукавами, он спокойно восседал за рулем и флегматично смотрел вперед.

На автобус обратил внимание «студент», время от времени оборачивающийся назад.

— Вот прицепился, падла! Все время жмет за нами.

Гордеич тоже обернулся. Сказал, нервно зевнув:

— Не боись. Менты на таких обшарпанных не ездят. Там всего только шофер — и тот в тельняшке. — Он коротко хохотнул, довольный своей шуткой, и спросил у Бугаева: — Семен, ты на сколько идешь?

— На шестьдесят. Видал, знаков повешали? Того и гляди на «командира» с локатором нарвешься?

— Вот! — удовлетворенно сказал Гордеич. — И в «пазике» шеф так же рассуждает. Пойдет на обгон — нарвется на дырку...

«Там, наверное, на полу несколько оперативников устроилось», — подумал Семен.

— Ну, хоп! Проверим наши игрушки, — сказал «студент».

Бугаев услышал, как он расстегнул замок своего чемоданчика, зашуршал газетой. Лязгнув затвор обреза. Потом раздался характерный щелчок — «студент» загнал патрон в патронник.

Вытащил из-под ремня пистолет «ТТ» и рыжий. Провел по нему ласково рукавом, передернул затвор.

— Ты, «студент», наш уговор помнишь? — сердито сказал Бугаев. — Я в «мокрое» деле не участник.

— А куда ты теперь денешься? — засмеялся «студент». Теперь, когда у него на коленях лежал заряженный обрез, он стал смелее, увереннее в себе.

— Я-то знаю — куда. Высажу вас и поеду восвояси.

— Он нас выдаст! Фрайер, чистюля. Получишь пару горяченьких под лопатку.

Бугаев почувствовал у затылка холодок металла.

— Сиди, не рыпайся, — ласково сказал Гордеич. — Подумаешь, законник какой нашелся! Пять минут страха — и на два года обеспечен!

«Интересно, что за оружие у этого болвана?» — Бугаев на секунду оглянулся, но Гордеич уже убрал свою «пушку» и только улыбался дурацкой улыбкой.

«Нет, пострелять вам не удастся». Семен сжал зубы и посмотрел в зеркало. «Пазик» шел не отставая.

Впереди ехал оранжевый «МАЗ». «Эх! — подумал Бугаев. — Подставить бы сейчас под этот угол. Забыли бы и про деньги и про маму родную! Только ведь, если живым останусь, скажут — самосуд устроил!»

Впереди, наискось перегородив шоссе, стоял, чуть наклонившись, огромный фургон «Молдплодоовощ».

Кабина его, будто отломившись, нырнула в канаву, и десятка полтора людей пытались помочь шоферу вытолкнуть ее на асфальт. Машина редела, выпуская клубы дыма, колеса бешено крутились, «стреляя» комьями земли. Несколько грузовиков и три легковые машины стояли в ожидании, когда можно будет проехать.

— Эх, черт возьми! — со злостью прошипел «студент», когда Бугаев притормозил. — Через пять минут будет поздно!

Автобусик, который ехал за ними, остановился рядом. Шофер несколько раз гуднул и высунул из кабины.

— Чего гудишь! — крикнул один из тех, кто помогал трайлеру. — Вылезай, поможешь! А вы чего глазете? — Он махнул Бугаеву, призывая на помощь.

— Может, через канаву? — спросил «студент».

— Пойди взгляни.

— Гордеич, быстро!

Гордеич, повинаясь приказу, выскочил из машины и подбежал к канаве.

— Ну, как? — крикнул Бугаев. — Можно проехать? Гордеич пожал плечами.

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

— Сейчас посмотрим.— Бугаев включил первую скорость и осторожно подвел машину к канаве. Канавка была неглубокой, но Семен видел, что «Жигули» застрянут в ней обязательно.

— Ну что?— с надеждой спросил «студент».
— Попробую. Только придется вам подтолкнуть...
— Быстро, быстро, Сеня. Махни на полной,— прошептал «студент», высказывая из «Жигулей».

Рыжий тоже вылез и стал на канаве, приготовившись толкнуть, если машина застрянет. Несколько шоферов, помогавших трайлеру, подошли к «Жигулям» Бугаева.

— Ты что, трехнулся?— крикнул один из них Семени, сдававшему машину назад для разгона.

«Трехнулся!»— усмехнулся Бугаев, с радостью осознавая, что главное оружие— обреза «студента» остался в машине.

Когда передние колеса «Жигулей» уже выбрались из канавы, Семен заглушил мотор, и машина скатилась назад. Бугаев завел мотор и до конца выжал скорость. Мотор взревел. Задние колеса на больших оборотах уходили все глубже и глубже в землю...

Он снова заглушил мотор и вылез из машины. К «студенту» подошел высокий мужчина.

— Гражданин, ваша фамилия не...?
— Иди ты... знаешь куда!— крикнул «студент», не дослушав, и замахнулся на мужчину.

Тот перехватил его руку, хотел завести за спину, но «студент» вырвался и, выхватив из кармана финку, прошипел:

— Пшел вон!
— Семен Иваныч, влипши,— шепнул рыжий.— Никак «студента» опознали?...— И вытащил из кармана пистолет.

Бугаев наотмашь ударил ребром ладони ему по руке. Пистолет отлетел в траву. Рыжий со стоном прижал руку к груди. Семен свалил парня прямо в грязь канавы...

Гордеич, отстреливаясь, бежал к лесу. Несколько милиционеров, выскочивших из «пазика», гнались за ним. Бугаев увидел, что «студент», распахнув заднюю дверцу «Жигулей», вытаскивает обреза.

«Что же они упустили эту сволочь?— подумал Семен.— Он же такого сейчас натворит!»

Но выстрелить «студенту» не удалось. Один из шоферов— тот, что обругал Бугаева, когда он собирался перемахнуть через канаву, с размаху двинул его по шее монтировкой.

Когда Бугаев вместе с одним из местных сотрудников угрозыска вел всхлипывающего Николая Осокина к милицейской машине, стоявшей на обочине, трайлер уже освободил шоссе и уехал. Два автоинспектора, помахивая своими жезлами, торопили притормаживавших поглазеть на происшествие шоферов. Не давали им останавливаться. С пугающим воем приехали, одна за другой, две «Скорые помощи».

— Ну, и задал ты нам работенки!— с укором сказал Беляничков, приоткрыв дверцу машины и вглядываясь в бледное, перепуганное лицо рыжего.

— Я не хотел...— еле слышно прошептал Осокин-младший, приняв упрек майора в свой адрес.

Бугаев усмехнулся и развел руками.

— Да знаю! Все знаю,— усмехнулся Юрий Евгеньевич.— Стерегите его как зеницу ока!— Он кивнул на рыжего, и Семен понял, что от «студента» и от Гордеича они уже никогда не услышат ни слова...

24

«Чего они парня рыжим окрестили?— подумал Корнилов про своих сотрудников, разглядывая молодого Осокина.— Каштановые волосы. Как у папы. Лицо только неказистое. Ну, ничего, со временем выправится, прыщи пройдут». И тут же он поймал себя на мысли, что условия для того, чтобы выправиться, у парня будут не слишком хорошие.

Николай Осокин сидел, не поднимая головы. Мягкие и длинные его пальцы все время сплетались и расплетались, и полковник вспомнил рассказ Бугаева о том, как в ресторане за столом рыжий мял хлебный мякиш. «И я его тоже рыжим,— поймал он себя на слове.— Прилепится к человеку кличка— не хочешь, а назовешь».

— Ну что ж, Николай, помолчали, собрались с мыслями, теперь и поговорить можно,— сказал он. Голова рыжего опустилась еще ниже.

— Разговор будет у нас долгий. Устанешь, подумай тебе захочется, скажи. Сделаем перерыв. Но на первый вопрос ты должен ответить немедленно.

— Да,— выдал из себя парень и наконец-то поднял голову.

— Ты знал Льва Котлукова по кличке «Бур»?

— Знал.

Парень именно так и сказал: «Знал».

— Вы должны были встретиться с ним со второго на третье августа ночью на Приморском шоссе?

Опять кивок.

— Место встречи?

— Пятьдесят пятый километр.

— В какое время?

— В три. Но мы опоздали. Спустило колесо, ставили запаску...

— И что же?

Рыжий молчал.

— Как произошла ваша встреча?

Парень облизнул сухие губы.

— Мы...

Корнилов ждал спокойно. Узнав, что молодой Осокин был на месте встречи слевой Буром, он теперь не сомневался, что сейчас узнает и о том, куда пропал труп Котлукова.

— Мы подъехали, а он уже мертвый... На дороге. Лицо все черное.— Рыжий снова облизнул губы.— Это не мы. Честное слово, не мы.

— Что же вы сделали?

— Я испугался. Сказал— рвем когти, а «студент» и Гордеич его в багажник засунули— и ходу...

— Без тебя?

— Нет, как же без меня? Со мной. Поехали на Вуоксу, там в лесу закопали. А потом вернулись за чемоданом с инструментами. Сначала в потемках его не нашли...

— И потом не нашли?

— Нет, не нашли. Мужик там один лазал. Он, видать, и прибрал к рукам.

— А вы его?

Рыжий вдруг всхлипнул. Вытер ладонью глаза.

— Гордеич. Я только сегодня утром узнал. Этот мужик за Гордеичем увязался. Он и завел его в темный подъезд...

— Как зовут этого Гордеича?

Рыжий пожал плечами:

— Гордеич и Гордеич...

— Имя? Фамилия?

— Не знаю.

Корнилов вздохнул. Отпечатков пальцев этого Гордеича не было ни в одной картотеке. Он не числился ни в розыске, ни среди пропавших без вести.

— Ладно. О Гордеиче потом. Сейчас с Котлуковым закончим. Место можешь показать?

— Где зарыли?

— Да, где зарыли...— сказал Корнилов и подумал о том, что эти люди даже своих не хоронят, а просто зарывают.

— Могу, наверное. Там рядом сарай разрушенный. Мягче копать было. А то ведь корни в лесу...

— Стоп!—сказал Корнилов и выключил магнитофон.—Остальное расскажешь потом. Сейчас поедешь, покажешь место.

...Когда в сопровождении Беянчикова и Лебедева рыжий вышел из кабинета, полковник подумал: «Ну вот, Борис Дмитриевич, теперь мы с помощью одной вашей жертвы, вашего собственного сына, найдем другую. Труп сбитого вами Льва Котлукова. Недостающее звено в цепи доказательств...»

25

Колокольников прошел десяток шагов вдоль залива по влажному, плотному песку, и у него слегка закружилась голова. То ли от свежего, налитанного мельчайшими брызгами воздуха, то ли от слабости. Всего неделю назад он выплыл из болотистых. Валентина не хотела отпускать его одного, но Леонид Иванович настоял на своем. Ему хотелось побыть в одиночестве.

Накануне над Балтикой пронесся сильный шторм. Своим крылом он зацепил и Финский залив. На берегу, выброшенные волной, валялись доски, разбитые ящики. Сорванный с якоря большой оранжевый буй тоскливо гремел, когда обессилевший пенный вал поднимал его и тут же опускал на камни. Чуть подалеже, метрах в пяти от берега, плясали на мелкой волне дохлые окушки. «О камни их побил, что ли?»—подумал Колокольников.—На мелководье. Хорошо, что плоскодонка моя уцелела». Он прошел еще несколько шагов в сторону основного леса и сел на скамеечку. Голова перестала кружиться, и Леонид Иванович вдруг ощутил удивительную, приятную легкость и безотчетно улыбнулся. «Чего это со мной?»—подумал Колокольников.—Ветром всю хворь выдуло? Надр же! Наозонился!»

Большой белый пес уселся недалеко от скамейки и преданно смотрел на него. Мокрая шерсть на нем сваялась и висела ключьями.

— Ну что, барбос? Потерялся?—сказал Колокольников ласково. Почувствовав участие, пес тихоноко заскулил. Леонид Иванович вынул из кармана пальто полиэтиленовый пакет и достал из него бутерброд с сыром.

— На!—Показал он бутерброд собаке.—Иди, пожуй.

Пес снова заскулил, но подойти боялся. «Эх, наверное, дачники оставили,—с жалостью разглядывая собаку, решил Колокольников.—Потешились лето, поигрались, а в городскую квартиру везти не захотелось». Он поднялся со скамейки и пошел к собаке. Пес нехотя встал и отошел на несколько шагов. Леонид Иванович присел на корточки, протянул еду. Пес помедлил и наконец приблизился. Деликатно взял с ладони Колокольникова бутерброд и, улегшись на мокрый песок, принялся торопливо есть...

Колокольников еще долго сидел на скамеечке, рассеянно прислушиваясь к шуму сосен, сливающемуся с шорохом накатывающих по песчаному дну волн. Какой-то мужчина сел с ним рядом. Леонид Иванович даже не обернулся, испугался, что мужчина заговорит, нарушит его покой. И вдруг увидел, что у ног мужчины стоит маленький потертый чемоданчик. Колокольников не спутал бы его ни с одним другим—это был тот чемоданчик. С пятьдесят пятого километра.

— Откуда он у вас?—резко обернувшись к мужчине, спросил Колокольников.

— Чего, чего?—не понял мужчина.

— Чемоданчик у вас откуда?—повторил вопрос Леонид Иванович. Он узнал этого человека, только никак не мог вспомнить, как его зовут. Жил мужчина в поселке, и они не раз встречались. Иногда даже рядом рыбачили.

— Ах, это вы!—Мужчина тоже узнал Колокольникова.—Что-то давно вы в Залив не выходили?

— Вы мне про чемоданчик скажите,—зло, с расстановкой прохрипел Колокольников, чувствуя, что снова начинает кружиться голова.

— А что?—испугавшись, пробормотал мужчина.—Ваш чемоданчик? Могу вернуть. Я его, и правда, нашел. На шоссе... А кому отдашь? Не объявление же в лесу вешать?—Он заискивающе улыбнулся и пожал плечами.

— А удочки и весла вы тоже нашли в тот день?

— Какие удочки? Какие весла? Ты это брось! Как тебя... Колокольников, что ли? Вспомнил. В сто двадцатой даче живешь! Ну? Чего уставился? Чемоданчик—нашел! С инструментом. Отдам я тебе, если твой. Сегодня же отдам! А весла и удочки...нет. Не видал!

— Неужели тебе даже не икнулось ни разу!—со злостью сказал Колокольников, встал и пошел прочь.

— Постой!—крикнул мужчина.—Постой, Колокольников! Верну я тебе твой чемоданчик.—Он кинулся было вдогонку за Леонидом Ивановичем, но бездомный пес, частично дремавший рядом со скамейкой, вдруг вскинул и, рыча, рванулся ему наперерез...

Заканчивается срок моей службы в армии, и я демобилизуюсь в запас. Какими льготами пользуются военнослужащие по возвращении с действительной срочной военной службы? Освобождаются ли они от налога на холостяков?

**П. КОШЕЛЕВ,
Саранск.**

Прежде всего уволенным в запас или отставку военнослужащим срочной и сверхсрочной службы, а также прапорщикам, мичманам и лицам офицерского состава исполнительные комитеты местных Советов, руководители предприятий, колхозов и учебных заведений обязаны предоставить работу

с учетом их специальности не позднее месячного срока со дня обращения.

За теми, кто до призыва на действительную военную службу работал на предприятиях, в учреждениях или организациях, сохраняется право поступления на работу в ту же организацию. При этом офицерам запаса, призванным на действительную военную службу на два-три года, предоставляется должность не ниже занимаемой до призыва на действительную военную службу.

Если работник, из числа лиц, уволенных в запас после прохождения срочной службы, поступил в высшее или среднее специальное учебное заведение, то армейская служба засчитывается в стаж его практической работы. Военнослужащие, уволенные в запас и прослужившие в Вооруженных Силах СССР не менее двух лет, пользуются преимущественным правом при зачислении в высшие, средние и средние специальные учебные заведения.

По возвращении домой военнослужащие имеют право занять жилую площадь, которую они занимали до призыва в армию.

И, наконец, ответим на ваш конкретный вопрос, товарищ Кошелев. Правом освобождения от обложения налогом на холостяков пользуются лишь солдаты, матросы, сержанты и прапорщики, состоящие на действительной военной службе, а также их жены. Что касается военнослужащих, демобилизованных в запас, то они облагаются налогом на холостяков на общих основаниях.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ Ш

**Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО**

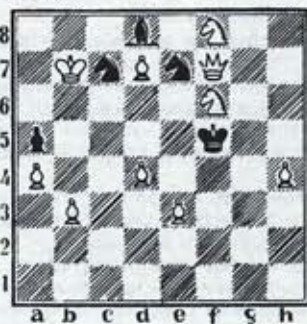
Сегодня мы заканчиваем публикацию заданий шахматного конкурса «Смены». В последнем туре нашего заочного соревнования читателям журнала предстоит решить многоходовую задачу и этюд.

Нетрудно заметить, что в начальной позиции четырехходовой задачи на любое отступление черных коней уже готовы маты ферзем. Столь же очевидно, что у белых нет нейтрального выжидательного хода, с помощью которого можно было бы сохранить эти маты. Нет одного выжидательного, но для выполнения задания отпущено целых четыре хода! Каких?

Шестифигурная ничейная миниатюра содержит столь же изящное, как и начальная позиция, решение, быть может, не очень трудное, но не лишнее тонкости.

Восьмой тур

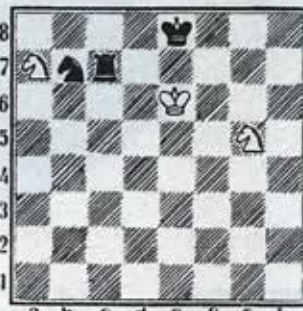
I
Белые: Kрb7, Фf7, Kf6, Kf8, пп. a4, b3, d4, d7, e3, h4 (10).
Черные: Kрf5, Cд8, Kс7, Ke7, п. a5 (5).

Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

II

Белые: Кре6, Ка7, Кг5 (3).
Черные: Кре8, Лс7, Кб7 (3).

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83. 8-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 января 1984 года (по почтовому штемпелю).

**Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО**

Виды и характер соревнований. Соревнования могут быть следующих видов: чемпионаты, первенства, турниры, матчи, матч-турниры. По характеру соревнования бывают:

— личные, в которых определяются места, занятые отдельными участниками;

— командные, по итогам которых определяются места участвующих команд;

— лично-командные, по итогам которых определяются места отдельных участников и участвующих команд.

Все соревнования с зачетом личных результатов могут иметь для участников классификационное значение.

Кроме соревнований очных, когда участники встречаются непосредственно за доской, проводятся и заочные соревнования, где

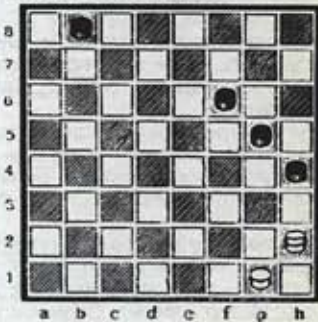
игра между участниками ведется заочно—по переписке.

В виде заочных конкурсов, первенств и чемпионатов проводятся соревнования по составлению произведений шашечной композиции—области творчества, имеющей целью раскрытие красоты шашечных позиций. Проводятся также и конкурсы решения шашечных позиций.

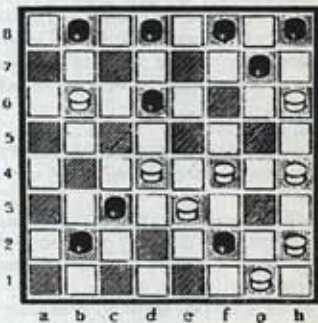
Особое место в ряду очных шашечных соревнований занимают сеансы одновременной игры, когда свансер играет одновременно ряд партий против разных противников.

Восьмой тур

**1. Д. Калинин (Ленинград)
Публикуется впервые.**

**2. А. Ныч (г. Белгород-Днестровский, Одесская область)
Публикуется впервые.**

В обеих позициях белые начинают и выигрывают.

Последний срок отправления ответов на задание восьмого тура—15 января 1984 года (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «Шашечный конкурс-83. 8-й тур».

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА
Стихи Евгения ЕВТУШЕНКО

*) Начи с четвертой строки — для 2-го голоса

КОММУНАРЫ

Просыпавшийся мир шелестел,
свиристал,
когда утром росистой тропею
нас к обрыву
бандиты вели на расстрел
под Херсоном,
в Поволжье, в Триполье.
Но мы пели и пели,
голов не клоня,
на груди разрывая рубахи:
«Никогда, никогда,
никогда, никогда
коммунары не будут рабами!»

Нас безжалостный голод
глодал и душил,
нас шатали тифозные ветры,
но не падали мы —
из костей, да из жил,
да еще — из отчаянной веры.
А вокруг нищета,
босота, нагота,
но мы строили,
уголь рубали...
На поклон мы не шли...
«Никогда, никогда
коммунары не будут рабами!»

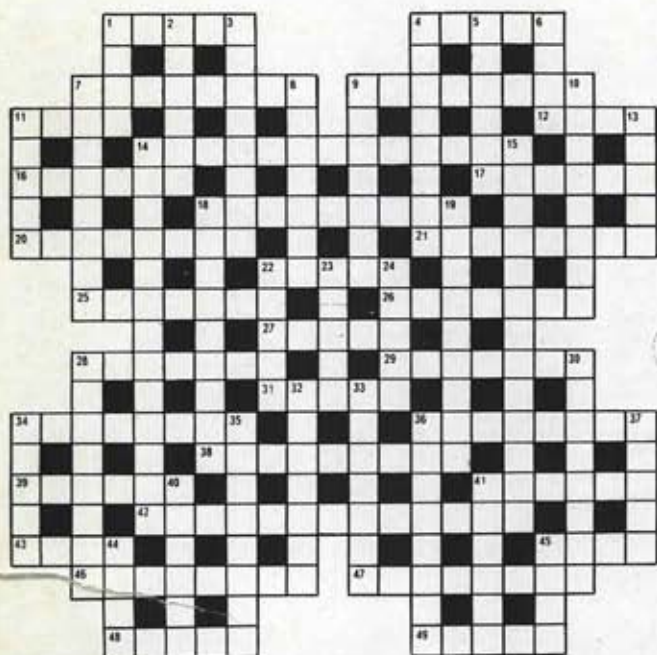
Нас пытали эсэсовцы,
пламенем жгли,
уговаривали нас ласково,
только нас не сломило ничто —
мы прошли
словно все круги ада
немыслимо адского.
Пусть над многими нет
ни звезды, ни креста, —
но польнюю, бурьяном, хлебами
повторяют они:
«Никогда, никогда
коммунары не будут рабами!»

Музыка
Леонида ПЕЧНИКОВА
Стихи
Евгения ЕВТУШЕНКО

И ни те, кто умели ловчить
и красть,
ни предателей всех лицемерие
не добились неверья
в Советскую власть,
не добились в Коммуну неверия!
И Коммуну,
на сделки ни с кем не идя,
мы добудем
руками, зубами...
Пусть же в нас не умрет:
«Никогда, никогда
коммунары не будут рабами!»

КРОССВОРД

Составил В. КОШЕЛЕВ, г. Николаев

По горизонтали:

- Игра с мячом.
- Положение в шахматах, когда любой ход ведет к проигрышу.
- Город вблизи Бонна.
- Спортивная гоночная лодка.
- Железнодорожное предприятие.
- Русский путешественник, исследователь Камчатки.
- Общее название протона и нейтрона как составной части атомного ядра.
- Советский живописец и график.
- Струнный музыкальный инструмент.
- Работник арктической станции.
- Белое кровяное тельце.
- Экономическая категория.
- Деталь машины, смягчающая толчки при езде.
- Спортивное общество.
- Шахматный термин.
- Народ, живущий в одной из социалистических стран.
- Мясное изделие.
- Жидкость для приготовления масляных красок.
- Линия на карте, пересекающая экватор.
- Широкая городская улица.
- Размер типографского шрифта.
- Древнерусская денежная и весовая единица.
- Тропическое дерево.
- Раздел математики.
- Партизаны французского Сопротивления.
- Дерево с пряными плодами.
- Главная балка в перекрытии.
- Река на северо-востоке Китая.
- Задание на рабочий день, распоряжение.
- Приток Дуная.

По вертикали:

- Немецкий писатель-сказочник.
- Рассказ Л. Н. Толстого.
- Вертикальный шест для знамени, вымпела.
- Устройство в ЭВМ для ввода и вывода информации.
- Такт в работе двигателя внутреннего сгорания.
- Общественная проверка.
- Ведомственный документ, предписание.
- Африканское домашнее животное.
- Порт в Ливии.
- Персонаж трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».
- Порт, вблизи которого П. С. Нахимов разгромил эскадру Осман-паши.
- Результат решения задачи.
- Сотрудник печатного органа.
- Детская советская писательница.
- Город в Армении.
- Участник собрания, ведущий протокол.
- Город на Филиппинах, где А. Карпов подтвердил звание чемпиона мира.
- Советский драматург, автор сценария к фильму «Мать».
- Деревянная палочка, инструмент скульптора.
- Тонкая бумажная ткань.
- Цитрус.
- Русский математик и механик.
- Советский геохимик и минералог, популяризатор науки.
- Единица электрического сопротивления.
- Столица средневековой русской республики.
- Научно-фантастический роман В. Обручева.
- Большая проезжая дорога.
- Спортивный судья.
- Медицинский и лабораторный инструмент.
- Самоназвание осетин.
- Пахучая трава.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 21

По горизонтали:

- Чурек.
- Наказ.
- Виндсерфинг.
- Осока.
- Оазис.
- Багратион.
- Цильма.
- Шеллак.
- Варна.
- Сардина.
- Герасим.
- Рампа.
- Венгрия.
- Мезонин.
- Ганна.
34. Монахо.
37. Дротик.
38. Менделеев.
39. Беляк.
42. Штурм.
44. Университет.
45. Щегол.
46. Рация.

По вертикали:

- Жерло.
- Тыква.
- Манго.
- Эскиз.
- Цесарка.
- Баритон.
- Инвар.
- Пилот.
13. Силосование.
14. «Камаринская».
16. Александрит.
17. Иллюминатор.
21. Фибра.
22. «Варяг».
23. Рюмин.
24. Агама.
25. Гроза.
32. Андрев.
33. Нильсон.
35. Зефир.
36. Весть.
40. Люгер.
41. Кулон.
42. Штрих.
43. Унция.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.10.83. Подписано к печати 18.10.83. А 13384. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2698. Заказ № 1515. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ТАГИЛЬСКИЙ ПОДАРОК

Кто бывал на Урале, прогуливался по улицам Нижнего Тагила, наверняка обращал внимание на старинные, мощной каменной кладки строения. В этих особняках жили герои замечательного уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. Нижний Тагил того времени отлично просматривается и в «Горном гнезде» и других его произведениях. В одном из таких домов располагается сегодня городская музей, коллекции которого могут похвастаться многими его сокровищами. Увидишь тут и тончайшие узоры чугунного литья и удивительные изделия из камня. Есть работы и совсем уникальные: первый русский паровоз, созданный отцом и сыном Черепановыми, или сработанный полностью из металла велосипед Артамонова. Среди любопытнейших предметов, собранных еще в давние времена, может, и не сразу обратишь внимание на подносы, украшенные цветами и травами. Но, заметив их, уже не сможешь пройти равнодушно мимо. Жаркие краски словно изнутри освещают металл, играют ровным глубоким светом. Это работы мастера Худоярова. Не только в красоте живописи мастер знал толк, но держал в голове и секрет немеркнущих красок да и тайну лака, что ни огня, ни удара, ни времени не боится.

В городе металлургов и машиностроителей завод эмальпосуды, по нятию, предприятие не главное. Но от радно то, что именно здесь сохраняются традиции исконно уральского промысла. Шесть десятков лет назад была на этом месте небольшая артель «Красный металлист» — вижки делала, фурнитуру к мебели и даже кровати. Позднее стали эмальированную посуду производить, а потом вспомнили и о подносах. И не только вспомнили, но и решили тагильскую роспись возродить. Скажем, жостовский поднос — тут декор по темному фону ложится. А уральская роспись иная, легче она, отраднее, и фон — голубой ли, бежевый ли — светлый. В цехе подносов, под стать изделиям светлом, трудятся мастерицы. В основном молодые девчата, но есть и ветераны. Лучшие из художниц составляют творческую группу — создают образцы. Их можно увидеть в заводском музее. Но не только подносы там, но и покрытые веселой росписью кастрюльки и тазики, миски, сковородки и целые кухонные наборы. Завод производит четырнадцать видов изделий с индексом «Н» — новинка. Более трехсот городов получают сегодня изделия тагильчан, а вместе с ними и весточку о существовании одно время забытого, да, к счастью, возрожденного промысла.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ.
Фото автора

ХУДОЖНИК ПО РОСПИСИ
ГАЛИНА МАЗУРА

ТАКАЯ ПОСУДА —
УКРАШЕНИЕ КУХНИ.

ПОДНОСЫ В ПОДАРОК.

